

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ

«ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

№ 4 (24)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2016**

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

LEGAL SCIENCES

№ 4 (24)

Published since 2008

Quarterly

**Moscow
2016**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

<i>Реморенко И.М.</i> председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации
<i>Рябов В.В.</i> заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Геворкян Е.Н.</i> заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
<i>Агранат Д.Л.</i>	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Пашенцев Д.А.</i> главный редактор	доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
<i>Северухин В.А.</i> зам. главного редактора	кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР
<i>Андреянова Н.Н.</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>Ефимова О.В.</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>Ростиславлев Д.А.</i>	кандидат исторических наук, доцент
<i>Ростокинский А.В.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Ситдикова Л.Б.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Пряхина Т.М.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Чурилов С.Н.</i>	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
<i>Безносикова О.И.</i>	ответственный редактор Юридического института ГАОУ ВО МГПУ

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9113

© ГАОУ ВО МГПУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Права человека: теория и практика реализации

<i>Павленко Е.М.</i> Универсальная культура прав человека в условиях глобализации	8
--	---

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

<i>Долакова М.И.</i> Правовые основы создания и деятельности городского общественного банка в Казани	19
<i>Ефремова Н.Н.</i> Источники судебного права в Российской империи XVIII–XIX вв.	24
<i>Яровая М.В., Дерябин Ф.Ю.</i> Articles of the Eyre (1194 г.) как первый конституционный акт Англии: историко-правовой анализ	31
<i>Пашенцев Д.А.</i> Основной вопрос правоведения в контексте типологии правопонимания.....	37

Публичное право

<i>Корсаненкова Ю.Б.</i> К вопросу о модификации механизма правового регулирования отношений по социальному обслуживанию.....	44
<i>Керимов А.Д., Куксин И.Н.</i> Отличительные факторы сильного государства.....	54
<i>Чурилов С.Н.</i> О предмете, системе и субъектности криминалистики.....	60

Частное право

<i>Ефимова О.В.</i> Территории опережающего социально- экономического развития как особые условия осуществления предпринимательской деятельности.....	70
---	----

<i>Ситдикова Л.Б.</i> Теория и практика применения законодательства в вопросе определения содержания круга существенных условий в договоре возмездного оказания медицинских услуг	77
---	----

Трибуна молодых ученых

<i>Свищева Е.И.</i> Условия возникновения прав на коммерческое обозначение	83
--	----

Научная жизнь

<i>Яровая М.В., Дерябин Ф.Ю.</i> Приложение к статье «Articles of the Eury (1194 г.) как первый конституционный акт Англии: историко-правовой анализ»	92
---	----

Обзор практики Верховного суда Российской Федерации по делам о реализации Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и принятых в соответствии с ним подзаконных нормативных актах. <i>Обзор подготовили В.Ю. Матвеев, Д.А. Пашенцев, А.И. Рожков, И.А. Тугаринов</i>	97
--	----

Критика. Рецензии. Библиография

<i>Бровкин В.Г.</i> Рецензия на коллективную монографию «Социальное государство: коллективная монография по итогам круглого стола № 8 в Московском институте государственного управления и права», вышедшую под ред. д.ю.н., профессора А.Г. Чернявского в московском издательстве «Русайнс» в 2016 г.	112
---	-----

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Юридические науки», 2016, № 4 (24)	115
--	-----

Требования к оформлению статей	119
---	-----

CONTENTS

Human Rights: Theory and Practice of Realisation

<i>Pavlenko E.M.</i> The General Culture of Human Rights in the Context of Globalization	8
---	---

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

<i>Dolakova M.I.</i> The Legal Basis for the Creation and Operation of the City Public Bank in Kazan	19
<i>Efremova N.N.</i> The Sources of Judicial Law in the Russian Empire in the XVIII–XIX cc.	24
<i>Yarovaya M.V., Deryabin F.U.</i> Articles of the Eyre (1194) as the First Constitutional act of England: a Historical and Legal Analysis.....	31
<i>Pashentsev D.A.</i> The Main Problem of Law Study in the Context of the Typology of Legal Consciousness	37

Public Law

<i>Korsanenkov U.B.</i> About the Modification of Legal Regulation Mechanism of Relations for Social Services	44
<i>Kerimov A.D., Kuksin I.N.</i> Distinguishing Factors of a Strong State	54
<i>Churilov S.N.</i> About the Subject, Subjectivity and System of Forensics.....	60

Private Law

<i>Efimova O.V.</i> Areas of Outrun Social and Economic Development as Specific Conditions of Doing Business	70
---	----

<i>Sitdikova L.B.</i> Theory and Practice of Law in Determining the Content Range of the Essential Conditions of Compensated Rendering of Medical Services Contract.....	77
--	----

Tribune of Young Scientists

<i>Svishcheva E.I.</i> Terms of Occurrence of Commercial Designation Rights.....	83
---	----

Scientific Life

<i>Yarovaya M.V., Deryabin F.U.</i> Appendix to «Articles of the Eyre (1194) as the First Constitutional Act of England, Historical and Legal Analysis»	92
The Review of Practice of the Supreme Court of the Russian Federation on Cases of Implementation of the Federal Law “About Education in the Russian Federation” and the Subordinate Regulations Adopted According to Him. <i>The Review was Prepared by V.Yu. Matveev, D.A. Pashentsev, I.A. Rozhkov, I.A. Tugarinov</i>	97

Critical Survey. Reviews. Bibliography

<i>Brovkin V.G.</i> Review of the Collective Monograph “The Welfare State: Collective Monograph Following the Results of Round Table Number 8 in Moscow Institute of Public Administration and Law”, Which Appeared under the Editorship of Doctor of Law, Professor A.G. Cherniavsky in Moscow Publishing House “Russcience” in 2016.....	112
---	-----

MCU Vestnik Series «Legal Sciences» / Authors, 2016 № 4 (24)	115
---	-----

Style Sheet	119
--------------------------	-----

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

Е.М. Павленко

Универсальная культура прав человека в условиях глобализации

Статья посвящена анализу проблемы формирования всеобщей культуры прав человека в современных условиях глобализации. Рассматривая различные подходы к универсальной концепции прав человека и концепции культурного релятивизма, автор приходит к выводу о том, что человечество уже прошло длительный исторический путь, ведущий к утверждению общечеловеческих и гуманистических ценностей, идеи прав человека, и этот процесс должен продолжаться и углубляться в рамках локальных культур.

Ключевые слова: универсальная культура прав человека; права человека; общечеловеческие ценности; глобализация; глокализация.

Соблюдение и защиту прав человека, равно как и формирование всеобщей культуры прав человека можно отнести к разряду общечеловеческих глобальных проблем современности, поскольку они являются актуальными для любого региона планеты, любой цивилизации и общества, включая международное сообщество в целом.

Описывая противоречивый характер современных процессов глобализации, ученые обращают внимание на интеграционные процессы планетарного масштаба, которые затрагивают различные сферы общественной жизни: от экономики и политики до духовной сферы, включая культуру, образование, мировоззренческие установки и ценности. Так, по мнению А.Н. Чумакова, «глобализация — это многоаспектный естественно-исторический процесс становления в масштабе планеты целостных структур и связей, которые имманентно присущи мировому сообществу людей, охватывают все его основные сферы и проявляются тем сильнее, чем дальше человек продвигается по пути научно-технического прогресса и социально-экономического развития» [15: с. 365].

Рассматривая глобализацию как сложный и неоднозначный процесс, затрагивающий практически все сферы жизнедеятельности мировой системы, отдельных государств и каждого человека, А.С. Алекперов пишет: «Распадаясь, по крайней мере, на три свои — политические, экономические и социокультурные —

составляющие, глобализация вместе с тем является феноменом, безусловно, целостным, системным» [1: с. 545]. При этом, по мнению этого автора, глобализация своими трансформационными процессами «в наибольшей степени влияет на изменение культурных традиций, способствуя их унификации под стандарты единой общечеловеческой культуры» [1: с. 549], а социокультурные аспекты глобализации «являются наиболее противоречивыми и запутанными» [1: с. 551].

Аналогичную точку зрения высказывает Е.А. Спрыгина: «Сегодня культура должна быть осмыслена в качестве решающего аспекта глобализации, а не простой реакции на экономическую глобализацию. При этом не следует считать, что глобализация культуры — это установление культурной однородности во всемирном масштабе. Этот процесс включает в себя культурные столкновения и противоречия» [14: с. 92].

Следует согласиться с данными авторами, поскольку реальностью современного мира является многообразие цивилизаций, культур, религий и, безусловно, их противостояние. Исследователи выделяют европейскую, исламскую, африканскую, китайскую и другие цивилизации, которые придерживаются ценностей, не всегда совпадающих между собой. Так, профессор Л.Х. Мингазов в одной из своих работ ссылается на проведенное исследование — анализ 100 ценностных установок в различных обществах западного и восточного типа цивилизаций, который однозначно показал, что для Запада характерен индивидуализм, защита частного сектора, для Востока наоборот — коллективизм, защита общего интереса [9: с. 69–70]. И этот ценностный подход ложится в основу современных моделей прав человека. При этом автор пишет, что противостояние цивилизаций характеризуется тем, что в его основе находятся не идеология и не экономика, хотя и они влияют на разрушение гармонии мира [9: с. 70]. Речь идет именно о культурных различиях.

Однако современные процессы глобализации подавляющее большинство теоретиков и практиков все же связывают с универсализацией в целом, в том числе универсализацией культуры, основанной на диалоге культур, а также универсализацией прав человека, то есть с повсеместным признанием общечеловеческих ценностей.

Под универсализацией культуры современные отечественные философы и культурологи (А.А. Зиновьев, Е. Омельченко, К.Э. Разлогов, М.А. Чешков, А.И. Шендрик, М. Эпштейн) понимают процессы открытости культур друг другу, взаимопроникновения и взаимодополнения культурных стратегий. Так, например, В.М. Дианова пишет: «Универсальность в контексте глобализации понимается как результат усложнения межцивилизационных связей. Она подразумевает равенство партнеров цивилизационного развития, возможность ведения “равноправного диалога”. Именно в ракурсе такого понимания универсалистского мышления могут решаться конкретные глобальные проблемы» [2: с. 140]. Эту позицию разделяет Е.И. Леонтьева: «Универсализм — мировоззренческая установка на сближение культур, исходящая из идеи открытости культур друг другу, приоритетности расширения культурных связей и контактов, трансформации

культурных пространств за счет обогащения новыми идеями, символами, значениями» [4: с. 7].

Однако, рассуждая о возможности становления в современном мире глобальной культуры, основанной на универсальных этических ценностях, авторы отмечают неоднозначность социокультурной динамики и широкую распространенность противоположных подходов к ее концепции. Так, в частности Е.И. Леонтьева описывает два устоявшихся в науке подхода, суть которых заключается в следующем:

- 1) формируемая общечеловеческая глобальная культура строится на основе одной культурной модели — американской;
- 2) формируемая глобальная культура строится на особых типах межкультурного взаимодействия — гибридизации и глокализации [4: с. 20–23].

Согласно первому подходу речь идет о распространении универсальной гомогенной американизированной культуры, которая угрожает культурному многообразию человечества. Данную позицию разделяют В. Иноземцев, Г. Мандзаридис, А.С. Панарин и другие авторы. Они отмечают агрессивное и принудительное насаждение ценностей западной культуры, распространение клишированной массовой культуры.

Второй подход представлен множеством теорий гибридизации (А.Д. Смит, Т. Фридман, У. Ханнерс) и глокализации (У. Бек, П. Бергер, Р. Робертсон) культуры. Гибридизация представляет собой такую модель универсализации культуры, которая предполагает формирование полицентричного, многопланового пространства общечеловеческой культуры. Сторонники гибридизации полагают, что необходимо учитывать не только влияние Запада и Америки на другие культуры, но и наоборот — активность многих культур, их взаимное влияние друг на друга.

Термин же «глокализация» был предложен Р. Робертсоном (по сути, он объединил два понятия — «глобализация» и «локализация») [17: с. 39–41] для более точного описания социокультурных тенденций, возникающих при современном тесном взаимодействии локальных культур друг с другом и с распространяемой глобальной культурой. При этом глобальная культура, по мнению сторонников глокализации, все-таки основана на американско-европейских ценностях. В основе этой новой модели универсализации культуры лежит, по мнению Е.И. Леонтьевой, «диалог и взаимопроникновение равноценных культурных стратегий» [4: с. 20].

В рамках настоящего исследования наибольший интерес для автора, безусловно, представляет второй из описанных выше подходов и, прежде всего, теория глокализации. Универсальная культура прав человека основана на универсализации идеи прав человека и повсеместном признании таких ценностей как человеческое достоинство, свобода, ответственность. При этом формирование универсальной культуры прав человека зависит от того, насколько идея прав человека и отражающие ее ценности, закрепленные в международных стандартах и имплементированные в национальные законодательства государств,

воспринимаются и переосмысливаются в рамках локальных культур. Именно поэтому в современной науке значительное внимание уделяется исследованию различных моделей прав человека: европейской, африканской, азиатско-тихоокеанской, исламской и других.

В этом плане следует согласиться с позицией Е.А. Лукашевой, которая пишет: «...каждая культура имеет право на автономию, однако ни одна из них не может существовать изолированно вне взаимодействия с другими культурами. Важное значение имеет характер такого взаимодействия: равноправие или навязывание силой культуры, опирающейся на свое превосходство. В процессе равноправного взаимодействия будет осуществляться осознание прав человека, которое позволит соединить их универсальность с самобытным цивилизационным жизнеустройством» [5: с. 59].

Действительно, сегодня еще более актуальными становятся вопросы научного осмысления процессов выработки и признания всеобщих человеческих ценностей, в том числе универсальной концепции прав человека, выходят на первый план и становятся предметом дискуссий в научном сообществе проблемы сохранения многообразия и самобытности культур отдельных стран и народов, формирования социокультурных моделей прав человека и их особенностей, вопросы национальной идентичности и суверенитета государств, нравственных и гуманистических начал прав человека, диалога культур и цивилизаций и т. п.

Универсальная концепция прав человека нашла отражение в международных договорах в области прав человека, заключенных под эгидой ООН. Именно в рамках данной концепции впервые в информационных материалах ООН в 1989 году было упомянуто понятие «всеобщая культура прав человека», к формированию которой должны стремиться все страны, народы и международное сообщество в целом.

Позднее универсальный характер прав человека был подтвержден на Всемирной конференции прав человека 1993 года и сформулирован в п. 5 Венской декларации: «Все права человека универсальны... Международное сообщество должно относиться к правам человека глобально, на справедливой основе, с одинаковым подходом и вниманием. Хотя значение национальной и региональной специфики и различия исторических, религиозных и культурных ценностей, правовых традиций необходимо иметь в виду, государства, независимо от их политических, экономических и культурных систем, несут обязанности поощрять и защищать все права человека и основные свободы»¹. В настоящее время Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года²,

¹ Венская декларация и Программа действий. Принята на Всемирной конференции по правам человека. Вена, 25 июня 1993 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml (дата обращения: 08.08.2016).

² Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. 25 сентября 2015 года. A/RES/70/1. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement> (дата обращения: 08.08.2016).

которая представляет собой всеобъемлющую программу и вступила в силу с 1 января 2016 года, также признает универсальность и важную роль прав человека в обеспечении устойчивого развития мирового сообщества.

Таким образом, сегодня универсальная концепция прав человека является фактом, отражающим современную действительность, однако вопрос о всеобщности прав человека по-прежнему остается дискуссионным. Как пишет О.Ю. Малинова, «парадоксальность ситуации заключается в том, что, хотя нормативные представления о правах человека (в том числе законодательные на уровне конституционного и международного права) как никогда близки к универсальным стандартам, никогда еще эти стандарты не подвергались столь активной и настойчивой критике как извне, так и изнутри западного мира» [6: с. 12].

Противоположной универсальному подходу к правам человека является концепция культурного релятивизма, согласно которой права человека скорее относительны, чем всеобщие, поэтому восприятие ценности прав человека в рамках локальных культур зависит от исторического, традиционного, религиозного и иных контекстов. Соответственно возникает вопрос о необходимости исследования особенностей культуры прав человека конкретного общества не только с точки зрения универсальной концепции и универсальных стандартов прав человека, но и в зависимости от специфики локальной культуры.

Так, например, по мнению Н.Н. Моисеева, универсализация прав человека и сведение всего их многообразия к единым стандартам исключается, так как при этом не учитываются особенности той цивилизационной среды, в которой они формируются и реализуются [10: с. 105]. Данную позицию поддерживает и М.Н. Марченко: «по существу своему мы имеем не универсальные стандарты, учитывающие культурные или иные особенности “различных народов мира”, а всего лишь западные стандарты, западное представление о правах человека, которое одними не западными странами добровольно воспринимается, а в других (Афганистан, Ирак и др.) — оно насильственно насаждается» [7: с. 396]. Аналогичное мнение высказывает Д.И. Романенков: «Политика евроцентризма, проводимая во влиятельных международных организациях и пытающаяся выдать ценности западной цивилизации в качестве универсальных, формирует в итоге негативное отношение к правам человека, провоцирует взгляды на них как на инструменты ликвидации этнических различий, разрыва с культурно-историческим наследием народов, создания безнационального человечества по образцу западного общества» [13: с. 42]. А С. Рогожин резюмирует: «права человека выступают в качестве плода западной культуры, а потому не органичны для других культур и цивилизаций» [12: с. 35].

Следует признать, что в отечественном научном сообществе данная позиция получила широкое распространение, однако она не является бесспорной. Например, в качестве одного из аргументов ученые ссылаются на Всеобщую декларацию прав человека 1948 года, утверждая, что она, являясь провозглашенным стандартом в области прав человека, отражает лишь европейскую

модель прав человека и не учитывает ценности других культур [16]. С этим нельзя согласиться, поскольку каталог прав человека, закрепленный во Всеобщей декларации, нашел отражение не только в иных международных стандартах, но и в конституциях государств всех континентов. В одной из своих резолюций Генеральная Ассамблея ООН отмечает, что традиционные (общечеловеческие) ценности содержатся именно во Всеобщей декларации прав человека, «которая вобрав в себя разнообразные культурные и политические традиции и точки зрения, представляет собой общий для всех народов и всех государств наивысший стандарт»³. Кроме того, тенденции развития международного законодательства в области прав человека свидетельствуют о некотором сглаживании культурных противоречий, так, например, как отмечает В.Н. Меркушев, если в прошлом принципы расовой недискриминации и самоопределения народов воспринимались исключительно как политические лозунги, теперь они стали не только частью общепринятого международного, но и национального права [8: с. 423].

Безусловно, не следует отрицать особенности восприятия и толкования прав и свобод человека с точки зрения различных цивилизационных подходов, нашедших отражение в региональных стандартах (например, в Африканской хартии прав человека и народов 1981 г., Каирской декларации по правам человека в исламе 1990 г. и др.). Но и полагать, что универсальная концепция прав человека основана лишь на унификации и навязывании единого стандарта не стоит. Наоборот, универсальная концепция призвана отражать диалог культур, поскольку права человека — важнейшая межцивилизационная ценность, которая имеет сильное объединяющее начало.

В этом ключе интересны резолюции Совета по правам человека ООН, озаглавленные «Поощрение прав человека и основных свобод благодаря более глубокому пониманию традиционных ценностей человечества», в частности исследование, которое было проведено Консультативным комитетом Совета по правам человека, направленное в том числе на выявление истоков универсальных прав человека в различных традиционных и культурных контекстах⁴. В п. 79 данного исследования сказано: «Хотя права человека в течение многих лет признаются всеобщими, неотъемлемыми и неделимыми в соответствии со многими международными договорами в области прав человека, в процессе их реализации возникают препятствия, особенно в определенных районах, в которых население по-прежнему живет по вековым традициям и обычаям

³ Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Рабочее совещание, посвященное традиционным ценностям человечества. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека. 13 декабря 2010 года. A/HRC/16/37. — URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/16session/A-HRC-16-37_ru.pdf (дата обращения: 08.08.2016).

⁴ Исследование Консультативного комитета Совета по правам человека, посвященное вопросу о поощрении прав человека и основных свобод путем более глубокого понимания традиционных ценностей. 6 декабря 2012 года. A/HRC/22/71. URL: http://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/AdvisoryCom/Session10/A.HRC.22.71_ru.pdf (дата обращения: 08.08.2016).

в условиях нищеты и лишений. Региональные, культурные и религиозные особенности, согласующиеся со всеобщими правами человека, могут оказаться весьма полезными в содействии повышению уровня информированности о правах человека, их принятия и осуществления в различных местных контекстах. Однако это не должно сказываться на обязанностях государства по поощрению, защите и реализации всеобщих прав человека в соответствующих странах и по осуществлению сотрудничества на международном уровне».

Авторы исследования приводят многочисленные примеры согласования местных традиций и ценностей с нормами прав человека, способные оказать влияние на универсализацию прав человека с учетом культурного контекста. Например, понятие равенства у народности акамба в Кении, большое значение которому придают человеческому достоинству аканы в Гане, приверженность нормам отправления правосудия, проявляемая народом амхара в Эфиопии и народом куба в Демократической Республике Конго, принцип «ахимса» в индуизме, джайнизме и буддизме, означающий ненасилие, принцип равенства всех людей и запрет дискриминации по признаку касты, вероисповедания и пола в сикхизме и т. п.

Рассматриваются в данном исследовании и позитивные практические меры и шаги, предпринятые государствами по обеспечению и защите прав человека, в основу которых лег учет местных ценностных ориентаций, конкретных традиций, религиозных норм. Например, в Египте женскому движению удалось повлиять на принятие в 2000 году закона, гарантирующего женщинам право в одностороннем порядке прекращать действие брачных контрактов посредством расторжения со ссылкой на право «аль-хуль» по шариату и таким образом добиться равноправия с мужчинами, обладающими правом расторжения брачных контрактов в одностороннем порядке. В Индии, Непале, Шри-Ланке правительства приняли ряд мер по запрету практики неприкасаемости. Так, в Конституции Индии имеются конкретные положения, направленные против практики кастовой дискриминации, а правительством был принят ряд соответствующих законов, включая законы о защите гражданских прав и борьбе с неприкасаемостью.

Таким образом, поощрению, реализации и защите прав человека на национальном или региональном уровнях способствует глубокое понимание и принятие общечеловеческих ценностей, таких как достоинство, свобода, ответственность и уважительное отношение к ценностям и традициям локальных культур, признание их многообразия и уникальности. Это возможно только в рамках постоянного диалога между странами и народами, популяризации позитивного опыта в области прав человека и формирования всеобщей культуры прав человека.

В.А. Карташкин и Р.М. Юсупов справедливо отмечают: «Права человека должны служить инструментом объединения всех стран и народов, а не их разъединению... Для универсального соблюдения прав человека особенно важно поощрять культуру уважения человеческого достоинства, его свободу, права человека на всех уровнях» [3: с. 49].

Действительно, вопросы формирования всеобщей культуры прав человека сегодня как никогда приобретают важнейшее значение для каждого общества

и международного сообщества в целом. Однако, как уже было отмечено выше, в отечественной научной среде есть немало скептиков в этом вопросе. Так, например, Г.И. Муромцев пишет: «Создать универсальную, то есть применимую и к добуржуазным отношениям культуру прав человека — это значит, прежде всего преобразовать сознание огромной массы людей: их видение мира, систему ценностей, стереотипы мышления и поведения и т. д., что предполагает в свою очередь преобразование самого общества, в котором они живут. Масштабность такой задачи предполагает десятилетия, если не века, работы по ее реализации при вложении огромных средств, которых сегодня нет» [11: с. 27]. И далее: «По сути речь идет о создании универсальной мировой социокультурной модели конституционализма. Однако такая модель предполагает существование единой мировой цивилизации, которой сегодня нет и, думается, еще долго не будет» [11: с. 27]. Автор настоящей работы не разделяет данную точку зрения и полагает, что происходит постепенное эволюционное изменение ценностных ориентаций, в том числе связанных и с идеей прав человека.

Сегодня с уверенностью можно утверждать, что признание достоинства человека, его прав и свобод высшей ценностью является важнейшим достижением цивилизации, основным международным принципом, нашедшим отражение практически во всех конституциях стран мира, в том числе Конституции Российской Федерации. Безусловно, для воплощения в жизнь этих прав и свобод необходимо повсеместно сформировать в конкретных обществах как особое понимание и отношение к данным идеям, так и культуру прав человека с учетом исторических, социокультурных, традиционных особенностей. Сформированный высокий уровень культуры прав человека может служить прочной гарантией более эффективной реализации и защиты абсолютно всех прав и свобод в данных обществах и странах.

То есть с точки зрения глобального подхода и концепции универсальности прав человека можно говорить о всеобщей культуре прав человека, присущей всем людям на планете Земля. Такой тип культуры прав человека является в идеале наивысшей формой, которая может сформироваться под влиянием повсеместного утверждения общечеловеческих ценностей, выраженных в идее гуманизма и закрепленных в международных стандартах прав человека.

Человечество прошло уже длительный исторический путь, ведущий к утверждению общечеловеческих и гуманистических ценностей, идеи прав человека, признанию на международном и национальном уровнях принципа уважения и соблюдения прав и свобод человека, становлению каталога прав человека и международных стандартов его закрепляющих, созданию международных (универсальных и региональных) и национальных механизмов защиты прав человека. Все это стало возможным благодаря постепенному осознанию каждым государством и обществом, международным сообществом в целом важности и необходимости происходящих социокультурных изменений, формированию всеобщей культуры прав человека. И этот процесс должен продолжаться и углубляться в рамках локальных культур.

Литература

1. *Алекперов А.С.* Философский анализ процесса глобализации: основные тенденции и противоречия // Диалог культур: социальные, политические и ценностные аспекты. Материалы Московского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева / под общ. ред. Н.М. Мамедова, А.Н. Чумакова. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 544–552.
2. *Дианова М.В.* Процессы универсализации культуры в контексте глобализации // Культура на рубеже XX–XXI веков: глобализационные процессы: материалы Международной конференции, организованной Гос. институтом искусствознания и Научным советом Российской академии наук «История мировой культуры». М.: Государственный институт искусствознания, 2005. С. 136–151.
3. *Карташкин В.А., Юсупов Р.М.* Традиционные ценности человечества и обеспечение прав человека // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века — Counter-Terrorism. 2013. № 3. С. 41–49.
4. *Леонтьева Е.И.* Универсализация культуры как проблема философско-теоретической мысли: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2006. 26 с.
5. *Лукашева Е.А.* Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное изменение. М.: Норма, 2009. 383 с.
6. *Малинова О.Ю.* Универсальные права человека и вызовы культурного релятивизма // Civitas. 2003. № 1. С. 11–16.
7. *Марченко М.Н.* Государство и право в условиях глобализации. М.: Проспект, 2008. 400 с.
8. *Меркушев В.Н.* Права человека в международном праве в контексте культурных различий // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 3. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. С. 422–439.
9. *Мингазов Л.Х.* Универсализм прав человека и культурное многообразие мира // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Казань, 2008. Т. 150, кн. 5. С. 61–72.
10. *Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. 205 с.
11. *Муромцев Г.И.* Права человека: культурно-исторический аспект // Права человека в современном мире: новые вызовы и трудные решения: материалы Международной научной конференции / отв. ред. Т.А. Сошникова. М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2014. С. 24–28.
12. *Рогожин С.* Права человека или идеологическая манипуляция Запада в России // Московский журнал международного права. 2001. № 1. С. 35–41.
13. *Романенков Д.И.* Социокультурные аспекты прав человека // Права человека в современном обществе (к 60-летию ООН и Всемирному Дню прав человека): сборник материалов межвузовской научно-практической конференции (Москва, 6 декабря 2005 г.) / отв. ред. О.В. Собченко, М.Р. Шагалов, А.Ю. Шумилов. М.: Изд-во Российского нового ун-та, 2006. С. 41–44.
14. *Спрыгина Е.А.* Влияние глобализации на культуру и ценности человека: нравственно-правовой аспект // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2012. № 4. С. 92–95.
15. *Чумаков А.Н.* Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. 428 с.

16. *Шестаков Л.Н.* Ислам и права человека // Вестник МГУ. Серия «Право». 1977. № 5. С. 60–68.

17. *Robertson R.* Glocalization: Time-space and homogeneity-heterogeneity // *Global modernities* / Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London: Sage, 1995. P. 39–41.

Literatura

1. *Alekperov A.S.* Filosofskij analiz processa globalizacii: osnovny'e tendencii i protivorechiya // *Dialog kul'tur: social'ny'e, politicheskie i cennostny'e aspekty*. Materialy Moskovskogo foruma, posvyashhennogo pamyati Gejdara Alieva / pod obshh. red. N.M. Mamedova, A.N. Chumakova. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitaciya», 2015. S. 544–552.

2. *Dianova M.V.* Processy' universalizacii kul'tury' v kontekste globalizacii // *Kul'tura na rubezhe XX–XXI vekov: globalizacionny'e processy: materialy' Mezhdunarodnoj konferencii, organizovannoj Gos. institutom iskusstvoznaniya i Nauchnym sovetom Rossijskoj akademii nauk «Istoriya mirovoj kul'tury'»*. M.: Gosudarstvenny'j institut iskusstvoznaniya, 2005. S. 136–151.

3. *Kartashkin V.A., Yusupov R.M.* Tradicionny'e cennosti chelovechestva i obespechenie prav cheloveka // *Protivodejstvie terrorizmu. Problemy' XXI veka — Counter-Terrorism*. 2013. № 3. S. 41–49.

4. *Leont'eva E.I.* Universalizaciya kul'tury' kak problema filosofsko-teoreticheskoy my'sli: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. SPb., 2006. 26 s.

5. *Lukasheva E.A.* Chelovek, pravo, civilizacii: normativno-cennostnoe izmerenie. M.: Norma, 2009. 383 s.

6. *Malinova O.Yu.* Universal'ny'e prava cheloveka i vy'zovy' kul'turnogo relyativizma // *Civitas*. 2003. № 1. S. 11–16.

7. *Marchenko M.N.* Gosudarstvo i pravo v usloviyax globalizacii. M.: Prospekt, 2008. 400 s.

8. *Merkushev V.N.* Prava cheloveka v mezhdunarodnom prave v kontekste kul'turny'x razlichij // *Nauchny'j ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*. Vy'p. 3. Ekaterinburg: UrO RAN, 2002. S. 422–439.

9. *Mingazov L.X.* Universalizm prav cheloveka i kul'turnoe mnogoobrazie mira // *Ucheny'e zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarny'e nauki»*. Kazan', 2008. T. 150, kn. 5. S. 61–72.

10. *Moiseev N.N.* Sud'ba civilizacii. Put' razuma. M.: Izd-vo MNE'PU, 1998. 205 s.

11. *Muromcev G.I.* Prava cheloveka: kul'turno-istoricheskij aspekt // *Prava cheloveka v sovremennom mire: novye vyzovy i trudnye resheniya: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / otv. red. T.A. Soshnikova*. M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2014. S. 24–28.

12. *Rogozhin S.* Prava cheloveka ili ideologicheskaya manipulyaciya Zapada v Rossii // *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2001. № 1. S. 35–41.

13. *Romanenkov D.I.* Sociokul'turny'e aspekty' prav cheloveka // *Prava cheloveka v sovremennom obshhestve (k 60-letiyu OON i Vsemirnomu Dnyu prav cheloveka): sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Moskva, 6 dekabrya 2005 g.) / otv. red. O.V. Sobchenko, M.R. Shagalov, A.Yu. Shumilov*. M.: Izd-vo Rossijskogo novogo un-ta, 2006. S. 41–44.

14. *Spry'gina E.A.* Vliyanie globalizacii na kul'turu i cennosti cheloveka: нравstvenno-pravovoj aspekt // *Vestnik Altajskoj akademii e'konomiki i prava*. 2012. № 4. S. 92–95.

15. *Chumakov A.N.* Globalizaciya. Kontury' celostnogo mira: monografiya. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2016. 428 s.

16. *Shestakov L.N.* Islam i prava cheloveka // Vestnik MGU. Seriya «Pravo». 1977. № 5. S. 60–68.

17. *Robertson R.* Glocalization: Time-space and homogeneity-heterogeneity // Global modernities / Ed.by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London: Sage, 1995. P. 39–41.

E.M. Pavlenko

The General Culture of Human Rights in the Context of Globalization

This article analyzes the problems of formation of general culture of human rights in present-day globalized world. Considering different approaches to the universal concept of human rights and the concept of cultural relativism the author comes to the conclusion that mankind has already passed a long historical path that leads to the assertion of the general and humanistic values, the idea of human rights, and this process should continue and deepen within the local cultures.

Keywords: general culture of human rights; human rights; human values; globalization; glocalization.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

М.И. Долакова

Правовые основы создания и деятельности городского общественного банка в Казани

В статье раскрываются особенности правового статуса городского общественного банка, который функционировал в Казани в середине XIX века. Показано влияние норм права на деятельность этого кредитного учреждения. Подчеркивается его социальная направленность.

Ключевые слова: банк; городской банк; общественный банк; кредитное учреждение; устав.

Середина XIX века стала в Российской империи временем масштабных финансовых реформ, в том числе и в кредитно-банковской сфере. Несмотря на то, что Государственный банк Российской империи был создан только в 1860 г., новые виды кредитных учреждений стали появляться и функционировать раньше. Например, с 1841 г. в России существовали сберегательные кассы.

Особенностью банковской системы Российской империи было то, что наряду с государственными и частными кредитными учреждениями существовали и общественные банки — городские и сельские [4: с. 150].

Городские общественные банки представляли собой кредитные учреждения, создававшиеся на средства, предоставленные городскими обществами или пожертвованные частными лицами и учреждавшиеся, главным образом, для кредитного обслуживания мелких торговцев и небогатого городского населения. Первый городской общественный банк в Российской империи был основан в 1788 г. в Вологде. Первоначально каждый из городских общественных банков действовал на основании своего особого устава, утвержденного императором. Постепенный рост количества таких банков и расширение их функций определили необходимость издания специальных законодательных актов. Такими актами стали Положения о городских общественных банках 1857, 1862, 1912 гг. [1: с. 149].

Городской общественный банк был открыт в Казани 2 января 1848 г., то есть еще до принятия первого Положения о городских общественных банках. Его появление было вызвано определенной практической потребностью —

нуждами благотворительности. В Казани был открыт дом призрения неимущих престарелых и увечных граждан города. Средства для его открытия собрали русские купцы города и почетные городские граждане. Но в итоге собранных 25 тысяч рублей не хватило для постоянного содержания 50 призреваемых. В связи с этим городским обществом 25 апреля 1843 г. было принято решение «вложенный в приказ общественного призрения капитал на учреждение богадельного дома употребить в основной фонд открытия в Казани Общественного банка с тем, чтобы из чистой прибыли одна треть причислялась к основному капиталу Банка, а две трети употреблялись на содержание богадельни» [2: с. 4].

Таким образом, с самого начала городской банк Казани был ориентирован не столько на получение прибыли, сколько на поддержку общественного призрения, что подтверждает выводы современных ученых о социальной направленности кредитно-банковской системы Российской империи [3: с. 46].

В связи с отсутствием общего положения о банках, городской общественный банк в Казани создавался на основе собственного устава, который был утвержден императором 30 апреля 1847 г. В уставе назывались две цели создания банка: предоставить городским жителям Казани помощь в торговых оборотах и обеспечить содержание неимущих престарелых и увечных граждан города Казани в доме призрения.

Представляет интерес закреплённая в уставе структура управления городским банком Казани. Она имела следующие особенности:

- непосредственное управление банком осуществляли директор, которым был городской голова, и два товарища директора;
- члены правления банка выбирались из числа казанских купцов, известных своей честностью и компетентностью в торговых делах;
- служба в городском общественном банке была безвозмездная;
- членам правления запрещалось представлять в свой банк к учету векселя, выданные на их имя.

В соответствии с уставом, Казанский городской общественный банк имел право осуществлять следующие операции:

- принимать вклады под 4 % годовых;
- учитывать векселя и выдавать ссуды под залог строений и неподверженных порче вещей.

В последующем, по разрешению Министерства финансов, банк получил право выдавать ссуды под залог процентных бумаг.

Принятие в 1862 г. Положения о городских общественных банках уже вводило единые стандарты правового регулирования данного вида кредитных учреждений в масштабах всей страны. В Казани этот нормативный акт был введен с 1 января 1863 г.

Данное Положение фактически отменяло прежний Устав казанского банка. По новым стандартам правового регулирования банк продолжал состоять при городской Думе, но находился теперь под ответственностью и наблюдением

городского общества. Члены Думы и городской голова получили обязанность проводить ежемесячные проверки деятельности банка.

В правление банка отныне назначался директор, избиравшийся городским обществом, все распоряжения по банку утверждались членами правления, за исключением вопроса об определении размера процентов по вкладам и ссудам. Но изменения в размере процентов допускались только после согласования с членами городской Думы.

Вместо прежнего попечительства над банком со стороны казанского губернатора было установлено попечительство самого министра финансов. Также были отменены прежние ограничения по учету векселей, в итоге члены правления банка получили достаточно широкие полномочия.

В результате произошедших изменений в нормативно-правовом регулировании утратила силу норма, устанавливавшая предел, выше которого не могли выдаваться в одни руки ссуды под учет векселей. По этой причине банковские кредиты зачастую выдавались многим лицам в больших размерах, причем несоответственно торговым оборотам этих лиц, и очень часто таким кредитом пользовались сами члены правления [2: с. 7].

В 1871 г. в Казани было введено новое Положение о городских общественных банках, утвержденное императором 16 июня 1870 года.

Согласно новому Положению, все права по управлению делами Казанского городского банка перешли от городского общества к вновь образованной городской Думе. После этого оказалось протестованных безнадежных векселей на сумму 214 195 руб., на 99 182 руб. было предназначено к протесту и у 269 человек имелось превышение кредита на сумму 1 975 573 руб. [2: с. 8]. Финансовое положение банка было признано критичным и для его спасения городская Дума признала необходимым изменить систему управления делами банка и установленный порядок производства операций. Своим постановлением от 8 марта 1871 г. городская Дума признала необходимым установить размер кредита для лиц, представляющим в банк к учету векселя, в размере не более одной десятой части основного капитала на одно лицо. Было решено учредить особый выборный совет из 4 членов под председательством городского Головы, который осуществлял бы контроль над всеми действиями правления Общественного банка и наделялся правом определения как размера кредита на каждое лицо по учету векселей, так и размера процентов по всем операциям.

Для контроля над операциями Казанского городского общественного банка была учреждена наблюдательная комиссия с широкими полномочиями, которая просуществовала до второй половины 1879 г., когда Министерство финансов разрешило создавать при общественных банках учетные комитеты.

Стоит отметить, что предпринятые Казанской городской Думой меры не соответствовали Положению о городских общественных банках 1862 г. и выходили за пределы тех полномочий, которые предоставлялись городской Думе городским положением. В то же время, благодаря такой инициативе городской Думы, пусть и вышедшей за пределы имевшегося нормативного

регулирования, Казанский городской общественный банк был спасен от краха, и практическая польза от этих мер вскоре стала очевидной.

В этой ситуации Казанская городская Дума, предвидя что и при «снисходительном» получении старых долгов могут быть крупные потери, разрешила правлению банка не причислять все остатки от прибылей к основному капиталу, но отчислять их в запасной капитал на покрытие потерь по протестованным векселям. Это разрешение сохраняло силу до 1878 года, когда Министерство финансов обратило на этот факт внимание и предложило при отчислении прибылей руководствоваться имевшимся Положением. Но к этому моменту банк уже укрепил свою финансовую основу.

Таким образом, в истории Казанского городского общественного банка 1871 г. сыграл значимую роль, так как вновь образованная, согласно Городовому положению 1870 г., городская Дума для спасения банка вышла за пределы своих полномочий и этим в итоге фактически спасла банк от финансового краха. Нарушение законодательства неожиданно сыграло позитивную роль.

При этом вышедшая за пределы полномочий Дума встретила полное понимание и даже содействие со стороны казанского губернатора Николая Яковлевича Скарятина, который не стал опротестовывать постановление Думы от 8 марта 1871 года как противоречившее Положению о городских общественных банках.

Представленное в Министерство финансов ходатайство об учреждении при банке выборного Совета с широкими полномочиями удовлетворения не получило и осталось без рассмотрения. Очевидно в тот момент сыграло свою роль то, что уже шел процесс пересмотра прежнего Положения о городских общественных банках и вплоть до 1878 г. Министерство финансов не издавало никаких новых распоряжений по этому вопросу.

Только в 1878 году Министерство финансов указало на выявленные нарушения в деятельности правления банка по погашению неблагонадежных векселей прибылями, подлежащими отчислению в основной капитал.

В 1879 году при городских общественных банках были учреждены учетные комитеты, члены которых в отношении вопроса об учете векселей и определения кредитоспособности лиц, имеющих дела в городских банках, облечены были такой же властью, как члены учрежденной в 1871 году наблюдательной комиссии.

Большую помощь Казанскому городскому общественному банку в кризисный период его деятельности оказали Купеческий банк, Общество взаимного кредита и Казанское отделение Волжско-Камского коммерческого банка. Некоторые кредитные организации сделали переучет векселей на крупные суммы, другие взяли под залог акций значительные капиталы, выплачивая за них большие проценты. Также они хранили свободные средства Городского общественного банка на своих счетах, выплачивая неплохие проценты.

В целом, создание городского общественного банка в Казани имело важное значение для развития экономики города и, в частности, для зародившейся тогда кредитно-финансовой инфраструктуры.

Казанский городской общественный банк был призван содействовать развитию городской промышленности и торговли, предоставляя необходимые и дешевые кредиты местным предпринимателям. Кроме того, городской общественный банк в Казани, который начал свою деятельность в 1848 г., осуществлял активную благотворительную деятельность, для которой он первоначально и создавался. Помимо дома призрения неимущих престарелых и увечных граждан города, банк финансировал деятельность Мариинской гимназии, содержание Александровской больницы и ряда детских приютов, финансировал строительство зданий Реального и Коммерческого училищ, а также ряд других важных городских проектов.

Деятельность данного банка показывает, во-первых, социальное значение городских общественных кредитных учреждений, во-вторых, благотворное влияние разумного вмешательства со стороны городских органов управления, даже и осуществленное вопреки действовавшим правовым нормам. В целом опыт деятельности Казанского городского общественного банка может послужить наглядным примером для современных кредитных учреждений в контексте увеличения их социальной направленности.

Литература

1. *Комаров Н.И., Пашенцев Д.А., Пашенцева С.В.* Очерки истории права Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М.: Статут, 2006. 381 с.
2. *Орлов Т.* Исторический очерк Казанского городского общественного банка за 50 лет с 1848 по 1898 год. Казань: Тип. А.А. Родионова, 1897. 20 с.
3. *Пашенцев Д.А.* Социальное значение банковского законодательства Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2016. № 1. С. 42–47.
4. *Пашенцев Д.А.* Финансово-правовая традиция России. М.: Кнорус, 2015. 192 с.

Literatura

1. *Komarov N.I., Pashencev D.A., Pashenceva S.V.* Ocherki istorii prava Rossijskoj imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka). M.: Statut, 2006. 381 s.
2. *Orlov T.* Istoricheskij ocherk Kazanskogo gorodskogo obshhestvennogo banka za 50 let s 1848 po 1898 god. Kazan': Tip. A.A. Rodionova, 1897. 20 s.
3. *Pashencev D.A.* Social'noe znachenie bankovskogo zakonodatel'stva Rossijskoj imperii // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2016. № 1. S. 42–47.
4. *Pashencev D.A.* Finansovo-pravovaya tradiciya Rossii. M.: Knorus, 2015. 192 s.

M.I. Dolakova

The Legal Basis for the Creation and Operation of the City Public Bank in Kazan

The article describes the features of the legal status of the city public bank, which functioned in Kazan in the middle of the nineteenth century. The effect of the law on the activities of the credit institution is shown. It emphasizes its social orientation.

Keywords: bank; city bank; public bank; credit institution; charter.

Н.Н. Ефремова

Источники судебного права в Российской империи XVIII–XIX вв.

Статья посвящена становлению источников судебного права как элемента модернизируемой системы российского законодательства в указанный исторический период, характеризующийся рядом реформ государственного управления, частью которого являлся суд. Реформы суда проводились в соответствии с обновлявшимся судебным законодательством, отражавшим тенденции развития его форм и содержания. Ведущими среди них были специализация и систематизация.

Ключевые слова: закон; источник права; манифест; судебная реформа; судебное управление; судебные уставы; уложение.

Процесс совершенствования законодательной основы судебной власти в РФ, начавшийся в 90-х гг. XX в. и продолжающийся в начале XXI в., трудности, возникающие на этом пути, неудовлетворенность сложившейся организацией правосудия заставляют обращаться к отечественному опыту, объективный анализ которого позволяет сопоставить уровень правового регулирования судопроизводства и судоустройства в имперский и современный период, выявить традиции и новации в этом процессе. Избранные хронологические рамки темы обусловлены исследовательским интересом автора, а также тем обстоятельством, что сначала Основные государственные законы Российской империи в редакции 1906 г. существенно изменили законодательный процесс и соответственно классификацию нормативно-правовых актов, а последовавшая несколько позже Великая российская революция 1917 г. прервала в целом закономерности и традиции эволюционного пути развития судебного права (законодательства) предшествовавшего периода в истории России и привела к радикально отличной советской организации суда (и самого процесса и его нормативной основы), что требует специального анализа и выходит за пределы представленной темы.

В длительном процессе зарождения и развития русского (российского) законодательства о судоустройстве и судопроизводстве можно выделить несколько этапов, в течение которых менялось соотношение неписаного (прежде всего правового обычая) и писаного формально-юридического (прежде всего закона) источников нормативного регулирования общественных отношений, возникающих в связи с отправлением правосудия [4: с. 162–165].

Известно, что в догосударственной организации публичной власти правосудие осуществляется на основе норм обычного права, которое может

сохранить свое значение как нормативно-правового регулятора в опосредованном, санкционированном государством варианте, так и непосредственно (на уровне различных моделей местного суда). Первым отечественным писанным светским источником судебного права была Русская Правда, которая хотя и не являлась специальным законом о суде, значительное внимание уделяла именно ему, что отражало расширение участия государства в сравнении с личностью и обществом в правосудии. Помимо норм Русской Правды действовали правила церковного правосудия, которые содержались в княжеских уставах, учреждавших церковную юрисдикцию¹.

Очевидно, что сохраняли действие нормы обычного права о суде, которые восполняли пробелы в раннем законодательстве. Так, например, применявшийся в судебном процессе поединок-«поле» не был регламентирован в Русской Правде, а проводился в соответствии с обычаем.

Следующий этап в истории отечественного судебного законодательства начинается с принятия Новгородской и Псковской Судных грамот (XV в.)². И хотя на русских землях в эпоху политической раздробленности продолжала действовать в качестве общего источника права Русская Правда, Грамоты отражали особенности и новеллы в судоустройстве и судебном процессе, сложившиеся в указанных регионах, имевших отличную от удельных княжеств политическую систему, соответствующую средневековым республикам.

В русских удельных княжествах периода политической раздробленности продолжала действовать Русская Правда, часть положений которой нашла отражение в памятнике этой эпохи — «Правосудии митрополичьем» (конец XIII–XIV вв.).

Третий этап характеризуется принятием и действием двух судебных кодексов — Великокняжеского (1497 г.) и Царского (1550 г.). Несмотря на то, что они не являлись специальными законами исключительно о суде, последнему в них уделялось особое внимание. Они содержали большое число новелл, касавшихся судопроизводства и судоустройства³.

Четвертый этап в развитии законодательства о суде начался с принятия Соборного уложения 1649 г., в рамках которого нормы права о судоустройстве и судопроизводстве были кодифицированы в нескольких главах. В целом следует отметить, что Соборное уложение прежде всего систематизировало предшествующее судебное законодательство⁴. Следует отметить также, что процессуальные положения Соборного уложения оставались определяющими и для последующего этапа в истории развития российского судебного законодательства.

¹ См., например, Русская Правда, Устав князя Владимира Святославовича и др. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература. 1984–1994. Т. 1. М. 1984. С. 47–49, С. 139–140.

² См.: Новгородская Судная грамота; Псковская Судная грамота // Российское законодательство... Т. 1. С. 304–309; С. 331–344.

³ Судебник 1497 года; Судебник 1550 года // Российское законодательство... Т. 2. С. 54–61; С. 97–129.

⁴ Соборное Уложение 1649 года // Российское законодательство... Т. 3. С. 83–257.

Основной тенденцией нормативно-правового регулирования судоустройства и судопроизводства на рассмотренных этапах было усиление позиций и расширения сферы применения закона в качестве его источника, однако нормы обычного права сохраняли применение в общинных судах при рассмотрении малозначительных уголовных и гражданских дел.

Пятый этап в развитии судебного законодательства, по сути, отразил проводимую модернизацию юстиции, он начался с судебной реформы Петра I, продолжился судебной реформой Екатерины II и продлился в правление Александра I и Николая I, существенно не изменивших сложившиеся в предшествующих царствованиях институты судоустройства и архаичного судопроизводства, включая нормативно-правовые источники их регулирования. Однако Александр I изменил систему судебного управления, учредив 8 сентября 1802 г. Министерство юстиции [3; 5], которое впоследствии принимало активное участие в реализации судебных уставов 1864 г. Вместе с тем важно отметить существенные новации в источниках судебного права данного периода.

Судебными реформами первой и последней четверти XVIII в. была произведена существенная реорганизация суда, в том числе ее нормативной основы. Несмотря на то, что продолжало действовать Соборное уложение 1649 г., при Петре I появилось специальное законодательство о судоустройстве и судопроизводстве, например, Указ «О должности Сената» 1718 г. (определил его статус как высшей судебной инстанции) и 1722 г., отменивший предыдущий и установивший законосовещательный характер этого органа высшего государственного управления⁵, Указ от 28.01.1715 г. (о специальных судебных должностях — ландрихтерах — в качестве местных судей), Указ от 17.03.1714 г. (о создании специальных судебных инстанций — коменданты, губернаторы, Сенат и др. В целом для данного периода характерно развитие формы закона, утвердившегося в условиях абсолютизма в качестве единственного источника права, окончательно вытеснившего правовой обычай на уровень вспомогательного, применявшегося в местной негосударственной юстиции.

В ходе судебной реформы Петра Великого была сделана первая попытка отделения судебных органов от административных на местном уровне государственного управления. Вместе с тем, на высшем и центральном уровнях администрация и юстиция совмещались (Правительствующий сенат и коллегии). Впервые устанавливалась система судебных инстанций (городовые и провинциальные судьи — надворные суды — коллегии — Правительствующий сенат). Помимо судов общей юрисдикции создавались судебные органы специальной юрисдикции (полковые и генеральный кригсрехты — для военных, консистории и Святейший синод — для духовенства). Указами 1699 г. горожане изымались из подведомственности и подсудности общей и передавались в «особенную» юрисдикцию, что обеспечивалось также законодательной основой ее организации.

⁵ Указ о должности Сената 27 апреля 1722 г. // Российское законодательство... Т. 4. С. 190–199.

Изменения в судебный процесс вносились указами 1679 г. об отмене состязательного процесса и 1723 г. «О форме суда», восстанавливавшим дуализм процессуальных форм, причем одновременно стиравшим грань между ними и предписавшим использование процедур, свойственных одному и другому, в соответствии с задачами рассмотрения конкретных дел⁶. Однако тенденция вытеснения состязательного, обвинительного процесса усилилась.

После смерти Петра I наступил период судебной контрреформы, но в дальнейшем реформы Екатерины II продолжили модернизацию суда. Основным законом, определившим новое судоустройство, стали «Учреждения для управления губерниями» 1775 г.⁷ С одной стороны, они продолжили курс на отделение суда от администрации, заложенный Петром I, создав на местном уровне (губерния, уезд, город) суды, структурно и функционально отделенные от административных органов. С другой стороны, суды общей юрисдикции создавались в качестве сословных (для дворян, для мещан, для крестьян-однодворцев). Это в известной мере обеспечивало формальное равенство участников процесса, что свидетельствует о прогрессе в организации суда.

Состав судебных присутствий комплектовался частично путем назначения, частично по выборам. Кроме того, были созданы суды «особенной» юрисдикции (совестные, словесные), форма процесса в которых была состязательной, тогда как в «общих» судах господствовал розыскной процесс. Сохранились учрежденные при Петре I церковные и военные суды, а также традиционная вотчинная юстиция с присутствием ей обычным правом.

Таким образом, можно сказать что этот этап свидетельствовал о радикальном преобразовании судоустройства и о преемственности судопроизводства, несмотря на некоторые перемены, произведенные петровским законодательством. Следует отметить, что разграничение порядка рассмотрения и разрешения уголовных и гражданских дел стало проводиться не по форме процесса, а по организационным основаниям: дела рассматривались соответственно в уголовных или гражданских департаментах или палатах. Кроме того, Уставом благочиния 1782 г.⁸ дознание и предварительное расследование передавались полицейским органам, введшимся в городах.

Важно подчеркнуть, что судебная реформа Екатерины Великой не затрагивала территорий т. н. национальных окраин, однако во всех коренных губерниях вводила единообразные судебные органы, что позволило установить общий

⁶ См.: Именной указ об отмене в судных делах личных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах, 21 февраля 1697 г.; Указ об учреждении Правительствующего Сената и о персональном его составе, 22 февраля 1722 г. // Российское законодательство... Т. 5. М. 1986. С. 397–399; С. 172–173.

⁷ См.: Учреждения для управления губернии 7 ноября 1775 г. // Российское законодательство... Т. 5. М. 1987. С. 170–295.

⁸ Там же. С. 325–387.

порядок делопроизводства и строгую иерархию судебных инстанций. Единой судебной системы, как и единого судебного законодательства вместе с тем создано не было, что, собственно, было невозможно в имперских условиях.

Однако неустранимые пороки неправосудия, отчасти объясняемые и существовавшей организационно-правовой организацией судоустройства и судопроизводства, со временем вызвали серьезную критику со стороны общественности и недовольство самого правительства, вследствие чего была запланирована, подготовлена и проведена в правление Александра II судебная реформа, оцененная как великая.

Демократические преобразования, начавшиеся с крестьянской реформы 1861 г. привели к судебной реформе 1864–1899 гг., отразившей шестой этап в развитии источников судебного права. Нормативно-правовой ее основой стали так называемые Судебные уставы, утвержденные 20 ноября 1864 г.⁹ Они были новационными как по форме, так и по содержанию, нацеленными на модернизацию, демократизацию, гуманизацию и либерализацию как судоустройства, так и судопроизводства. По сути это было 4 кодекса: Устав уголовного судопроизводства (как уголовно-процессуальный кодекс), Устав гражданского судопроизводства (как гражданско-процессуальный кодекс), Учреждение судебных установлений (кодифицировавшее юридические нормы о судоустройстве) и Уложение о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (уголовный и гражданский кодекс об ответственности за нетяжкие, мало-значительные преступления и деликты).

Эти акты были позднее объединены и включены в дополнительный 16-й том Свода законов Российской империи [6: с. 120–125]. По классификации, принятой в отечественной доктрине второй половины XIX в., их следует отнести: 1) к законам общим, 2) «учреждениям», или «регламентам органическим», определяющим «образование...властей», и 3) «уставам», имеющим «пространную форму», т. е. объединяющим «совокупность узаконений, определяющих порядок управления известной частью» [8: с. 240–242]. В данном случае — судебной. Кроме того, они регулировали сферу отношений, в которую более не могла вторгаться «верховная власть» с целью «непосредственного участия в суде» [8: с. 252]. Судебные Уставы завершили оформление независимой судебной власти в России, сопроводив его введением современных цивилизованных форм и принципов судоустройства и судопроизводства [5]. Формально они провозглашали отделение судебной власти от законодательной и исполнительной (т. е. заложили начала русского конституционализма), несменяемость судей, участие в правосудии общественного элемента (суд присяжных), сочетание выборности и назначения судей (мировой суд и суды общей юрисдикции), бессловность суда, равенство всех сословий перед судом, гласность, публичность, состязательность процесса (с участием

⁹ См.: Российское законодательство... Т. 8. М. 1991. С. 339. См. также: *Пашенцев Д.А.* Развитие системы источников права в Российской империи: учебное пособие. Электронные текстовые данные. М., 2013. С. 43–45.

прокурора и адвоката в уголовном процессе), отделение уголовного процесса от гражданского, устность судебного разбирательства, доступность правосудия благодаря обособлению судебных округов от административных с приближением суда к населению. Однако следует признать, что судебная реформа 1864–1899 гг. распространялась лишь на коренные территории Российской империи, тогда как в национальных окраинах сохранялась традиционная юстиция, включая суды шариата и адата; для крестьян в 1861 г. создали сословные волостные суды, таким образом сохранив сферу применения норм обычного (либо мусульманского) права, что прежде всего обуславливалось задачей сохранения целостности государства [2: с. 254–260].

Вместе с тем, судебные уставы завершили процесс кодификации судебного права, продемонстрировав прогрессивную его форму (а не только содержание), в сравнении с другими отраслями законодательства. В частности, архаичность материального уголовного и гражданского законодательства препятствовала достижению надлежащего качества правосудия. Предшествовавшие этапы некодифицированного судебного законодательства, по сути, подготовили такой высокий достигнутый им уровень развития, поскольку отражали его последовательное обособление от других сфер правового регулирования и специализацию, а также тенденции постепенной соответствующей систематизации, удачно завершившейся 20 ноября 1864 г.

Литература

1. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1984–1994. Тт. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8.
2. *Ефремова Н.Н.* Местная юстиция в правовых традициях имперской России // Правовые традиции. Жидковские чтения: материалы Международной конференции (29–30 марта 2013 г.). М: РУДН, 2014. С. 254–260.
3. *Ефремова Н.Н.* Министерство юстиции Российской империи. 1802–1917 гг. (историко-правовое исследование). М.: Наука, 1983. 149 с.
4. *Ефремова Н.Н.* Основные этапы развития законодательства о суде в России (от Русской Правды до Судебных Уставов) // Источники права и источники познания права. Теоретические, методологические и методические проблемы исследования: материалы круглого стола (21–22 июня 2013 г.). Екатеринбург: УрГЮА, Рос. гум. Научный фонд, 2013.
5. *Ефремова Н.Н.* Становление и развитие судебного права в России XVIII – начала XX вв. (историко-правовое исследование). М.: Российский университет дружбы народов, 2007. 767 с.
6. *Ефремова Н.Н.* Развитие и систематизация источников судебного права Российской империи (XVIII – первая половина XIX вв.) // Российский юридический журнал. 2008. № 3. С. 120–125.
7. *Пашенцев Д.А.* Развитие системы источников права в Российской империи: учебное пособие. Электрон. текстовые данные. М., 2013.
8. *Романович-Славатинский А.В.* Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Основные государственные законы. М.: Лань, 2015.

Literatura

1. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. / pod obshh. red. O.I. Chistyakova. M.: Yuridicheskaya literatura, 1984–1994. Tt. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8.
2. *Efremova N.N.* Mestnaya yusticiya v pravovy'x tradiciyax imperskoj Rossii // Pravovy'e tradicii. Zhidkovskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoj konferencii (29–30 marta 2013 g.). M.: RUDN, 2014. S. 254–260.
3. *Efremova N.N.* Ministerstvo yusticii Rossijskoj imperii. 1802–1917 gg. (istoriko-pravovoe issledovanie). M.: Nauka, 1983. 149 s.
4. *Efremova N.N.* Osnovny'e e'tapy razvitiya zakonodatel'stva o sude v Rossii (ot Russkoj Pravdy' do Sudebny'x Ustavov) // Istochniki prava i istochniki poznaniya prava. Teoreticheskie, metodologicheskie i metodicheskie problemy' issledovaniya: materialy kruglogo stola (21–22 iyunya 2013 g.). Ekaterinburg: UrGYuA, Ros. gum. Nauchnyj fond, 2013.
5. *Efremova N.N.* Stanovlenie i razvitie sudebnogo prava v Rossii XVIII – nachala XX vv. (istoriko-pravovoe issledovanie). M.: Rossijskij universitet družby' narodov, 2007. 767 s.
6. *Efremova N.N.* Razvitie i sistematizaciya istochnikov sudebnogo prava Rossijskoj imperii (XVIII – pervaya polovina XIX vv.) // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2008. № 3. S. 120–125.
7. *Pashencev D.A.* Razvitie sistemy istochnikov prava v Rossijskoj imperii: uchebnoe posobie. E'lektronny'e tekstovy'e danny'e. M., 2013.
8. *Romanovich-Slavatinskij A.V.* Sistema russkogo gosudarstvennogo prava v ego istoriko-dogmaticheskom razvitii, sravnitel'no s gosudarstvenny'm pravom Zapadnoj Evropy'. Osnovny'e gosudarstvenny'e zakony'. M.: Lan', 2015.

N.N. Efremova

The Sources of Judicial Law in the Russian Empire in the XVIII–XIX cc.

The article is devoted to the establishment of judicial law sources as part of upgraded Russian legislation system in the specified historic period characterized by a number of public administration reform, part of which is the court. Court reforms were carried out in accordance with the updated judicial legislation, which reflects the trend of development of its form and content. Specialization and systematization were leading among them.

Keywords: law; source of law; manifesto; judicial reform; court management; legal statutes; code of laws.

**М.В. Яровая,
Ф.Ю. Дерябин**

Articles of the Eyre (1194 г.) как первый конституционный акт Англии: историко-правовой анализ

В статье рассмотрены историко-правовые особенности первого конституционного акта консолидированной английской конституции. Статья вводит в научный оборот новую информацию на основе авторского перевода оригинальных правовых документов Национального архива Великобритании, в частности, впервые публикуется полный перечень актов писаной части «живой» английской конституции.

Ключевые слова: консолидированная английская конституция; акты писаной части английской конституции; Articles of the Eyre (1194 г.); судьи Эйр; статьи Эйр; коронеры Эйр.

В настоящее время продолжается процесс активной реформации социальной и правовой сфер Российской Федерации. При этом широко используется опыт европейских стран, прошедших долгий и успешный путь демократического строительства правового и социального государства. В этом плане следует отметить, что все современное право, будь то общее право или романо-германская правовая семья, уходит корнями в римское право, некоторые принципы которого сейчас хоть отдельно и не декларируются, но тем не менее присутствуют в том числе и в российском праве. В настоящее время как никогда существует необходимость вспомнить этапы, через которые проходили государства в период становления своих судебно-правовых систем. Перенимая опыт, стоит учитывать историю государства и права стран с развитой конституционной и законодательной системой вне зависимости от принадлежности их к той или иной правовой семье. Это позволит как минимум увеличить диапазон выбора. Как максимум такой подход сформирует понимание развития права как мирового явления, присущего для европейского правового пространства.

Историко-правовое развитие конституционного устройства в Великобритании представляет отдельный интерес — и потому что там отсутствует привычная нам писаная конституция, и потому что при этом никто не будет отрицать высокого уровня социально-правовых стандартов, реально внедренных в общественно-политическую и государственно-правовую системы Соединенного Королевства.

В отечественных учебниках по истории государства и права зарубежных стран, научных статьях и монографиях стандартно упоминаются лишь

некоторые парламентские акты «живой» английской конституции, и нет причин их называть — все их помнят: это Великая хартия вольностей 1215 года, Билль о правах 1689 года (устанавливающий формой правления конституционную монархию), Акт об устройении 1701 года, конечно, Habeas corpus act 1769 года и парламентские реформы XX века. Это довольно краткий список тех статутах, которые составляют писаную часть конституции. Всегда хотелось иметь перед глазами полный перечень, чтобы составить более корректное представление о самой конституции. До последнего времени это представляло объективные сложности, так как ни на одном английском сайте (не говоря уже о русскоязычной и иностранной научной литературе) такого перечня просто не было.

Кстати, необходимо напомнить, что само слово «конституция» даже не употребляется самими английскими правоведами. Они используют понятие «фундаментальные законы государства». В отечественной научной литературе используют разные понятия, но, как представляется авторам, наиболее аутентичное — «консолидированная английская конституция» (состоящая из двух частей: писаная часть (*jus scriptum*) — это акты парламента, имеющие фундаментальное значение для конституционного права; и неписаная часть (*jus non scriptum*) — конституционные обычаи). Напоминаем, что перечня конституционных обычаев в официальных источниках современной Великобритании нет), так что получить полное представление об этой части конституции не представляется возможным (кроме тех случаев, что у всех на памяти со студенческих лет: корона царствует, но не правит; королева никогда не посещает заседания правительства, и некоторых других).

И только в 2003 году, в начале тогда еще планируемой конституционной реформы Великобритании, было издано постановление объединенного комитета палаты лордов и палаты общин от 28 ноября 2003 года «О признании некоторых статутах фундаментальной частью конституционного права» (*First Report of the Joint Committee on Draft Civil Contingencies Bill 28 November 2003*). К сожалению, в научной литературе мало кто обратил внимание на этот примечательный факт. После обращения авторов непосредственно в палату лордов были получены некоторые ориентиры и на тексты самих актов парламента, поскольку мы, как авторы, ставили научную задачу не только проанализировать первый такой документ, но и составить полный перечень всех конституционных актов.

Обращает внимание стиль написания данного постановления, в котором кратко указываются конституционные нормы каждого акта. Например:

• *Magna Carta 1215 — clauses 1, 9, and 29, as enumerated in 1297, remain in statute; asserts the freedom of the English church, the liberties of the City of London among others, and establishes the right to due process* (Великая Хартия Вольностей 1215 — пункты 1, 9 и 29, принятые в 1297 году, остаются в уставе; утверждается: свобода английской Церкви; привилегированные свободы Лондона по сравнению с другими городами; устанавливается право на справедливое судебное разбирательство).

• Bill of Rights 1689 — *secures parliamentary supremacy over the monarch, the result of the Glorious Revolution* (Билль о Правах 1689 — обеспечивает превосходство парламента над властью монарха, как результат Славной революции).

• Акт об Устроении (престолонаследии) 1701 г. — акт, лишивший католическую мужскую линию Стюартов прав на престол в пользу протестантки Софии Ганноверской и ее потомков.

• Союзный Акт 1707 г. — союз Англии и Шотландии.

• Союзный Акт 1800 г. — союз Великобритании и Ирландии и т. д.

Articles of the Eyre, или Статьи Эйр 1194 года — это, по данным полученным из Национального архива Великобритании¹, первый известный свод судебных прецедентов, самый древний из сохранившихся актов в истории английского парламента².

Статьи Эйр представляют собой средневековые иски и судебные дела, по сути, первые известные зафиксированные судебные прецеденты Англии. Статьи Эйр дают возможность понять различные элементы средневекового государства Англии, в том числе позволяют проанализировать: эволюцию английского общего права; существующие в законодательстве виды преступлений и проступков в период раннего Средневековья; систему правосудия в регионах; положение лендлордов и королевских чиновников и их властные полномочия; нормы манориального права; в них впервые упоминается должность коронера и его юрисдикция. На основе этих сведений можно понять структуру и специфику государственно-правового устройства Англии XII–XIII веков.

Статьи Эйр, самые ранние из которых датируются 1194 годом³, дают понять, что подобные свитки существовали еще в 1160-х годах, однако последние не сохранились до наших дней. Предыстория такова, что в период с конца XII – начала XIII в. небольшие группы судей были разосланы из королевских судов в Вестминстере по всем графствам Англии (за исключением графств Честер и Дарем, на которые королевская юрисдикция не распространялась)⁴

¹ General eyres 1194–1348/ The National Archives [Электронный ресурс] URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk/help-with-your-research/research-guides/general-eyres-1194-1348/> (дата обращения: 02.05.2016).

² Полный перечень актов писаной части современной английской конституции мы приводим в качестве приложения в рубрике «Научная жизнь» данного номера. Консолидированная (некодифицированная) английская конституция состоит из писаной (*ius scriptum* — акты парламента и судебные прецеденты) и неписаной (*ius non scriptum* — конституционные обычаи) частей. Мы ставили перед собой научную задачу дать полный список писаной части. С точки зрения содержания конституция состоит из норм статутного права (*Statute Law*), норм общего права (*Common Law*) и конституционных соглашений (*Constitutional conventions*), которым соответствуют следующие источники права: статуты, судебные прецеденты и конституционные соглашения. Перечень неписаных конституционных обычаев найти не представляется возможным.

³ Статьи Эйр — единое название для предшествующих и последующих актов периода 1194–1348 гг.

⁴ General eyres 1194–1348 / The National Archives URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk/help-with-your-research/research-guides/general-eyres-1194-1348/> (дата обращения: 01.03.2016).

представительствовать на местных судах. В каждые сто городов или деревень были назначены «присяжные заседатели» (jurors). Такими людьми были фригольдеры (англ. *Freeholders* — свободные крестьяне), которые обычно являлись владельцами земли. Существует отдельный свиток, регулирующий передвижение судебных групп по графствам и владениям Англии. Самый ранний из сохранившихся свитков датируется 1238 годом и носит название «Календар» (Kalendar). Календар (как документ, распределяющий судей по местам и регулирующий их дальнейшее перемещение по территории Англии), а также суды, впоследствии сформировавшие свой состав из этих судей, в совокупности и получили название Эйр (Eyres). В течение нескольких месяцев или лет в промежутках между визитами *судей Эйр*, присяжными заседателями хранились отчеты о королевских мольбах (прошениях), которые представлялись судьям на рассмотрение в следующий их приезд. Эти записи королевских прошений и были известны как *Статьи Эйр*.

Создание статей связано с деятельностью Уолтэра Хьюберта — влиятельного королевского советника в должности главного судьи эрла Англии (по значению сопоставим с должностью современного премьер-министра). Общеизвестно, что Эйр были прообразом разъездных судов ассизов, но только действовали они в более ранний период. Действительно, юрисдикции ассизов и Эйр схожи, что и позволило впоследствии Эйр заменить разъездными судами ассизов.

Ведомство коронера (the office of coroner) было создано в соответствии с пунктом 20 Статей Эйр еще в сентябре 1194 года, чтобы «принимать прошения для Короны» (лат. *custos placitorum coronae*), откуда в дальнейшем произойдет слово «коронер». Судьи Эйр постоянно меняли место своего пребывания, переходя из одного графства в другое раз в семь лет, однако на практике интервалы были куда разнообразнее. Еще одной ключевой задачей Эйр было восстановление королевской власти в стране после воцарившейся анархии в результате вторжения в Англию в 1190 году Принца Иоанна (будущего короля Англии, но на тот момент брата короля Ричарда I Львиное Сердце).

Уже в течение первых двух месяцев, сентября – ноября 1194 года, Эйр проникли во все графства Англии. Коронеры (или судьи Короны, «королевские судьи на местах»)⁵ Эйр передавали королевские прошения о признании лица рыцарем вышестоящим судам. Эйр также имели право вводить налоги на местах. Это действие имело одну единственную цель — пополнить казну короля Ричарда I (правил 1189–1199 гг.) для организации походов в Нормандию. В связи с этим коронеры были необходимы и для конфискации имущества у повстанцев, а также для контроля финансовых ресурсов владений.

Однако более детальное рассмотрение показывает, что судьи Эйр имели на деле куда больше полномочий, чем описано выше. После издания Статей Эйр в 1194 году за ними было закреплено заседание в судах по различным видам дел, именуемых прошениями (pleas), а именно:

⁵ The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford University Press, 1996. P. 345.

1) гражданские прошения англичан, которые до 1247 года в свитках совмещались с исками иностранцев. С 1247 года судебные тяжбы иностранцев рассматриваются в другом Эйр, известном как «иностранные прошения» и записываются в виде особого подраздела. Введение такого суда было связано, в первую очередь, с внешнеполитической ситуацией в стране, когда английская знать уже в 1259 году практически открыто выступала против иностранных родственников короля Генриха III [2: с. 12].

В свою очередь каждое гражданское прошение записывалось в определенной части свитка, очевидно, в зависимости от того, в каком порядке судьи разбирали дела. При этом если сравнивать свитки по всей Англии, то становится понятно, что у них нет единой структуры или принципа составления (например, географического, в зависимости от графства или владения, где находился Эйр). Тем не менее каждый из подобных свитков имеет следующие подразделы: прошение, *essoïn* — уважительная причина неявки в суд (обычно записывалась в отдельной части свитка или в самом конце, при наличии), поверенные (адвокаты, назначаемые либо истцом, либо ответчиком)⁶;

2) королевские прошения по уголовным делам [1: с. 3–4];

3) королевские прошения против нарушения прав королевской собственности.

До 1278 года Эйр имеет власть только над гражданскими и королевскими делами. После издания Статей Эйр 1278 года они уже принимают участие в рассмотрении новых дел: о земельных спорах; о правах местных лордов, с целью защиты или утверждения этих прав от лица короля, причем не обязательно в пользу лорда (данный процесс был известен как лат. *quo warranto* — дословно «чьей властью», «на каком основании»). *Quo warranto* — это иски против местных феодалов, подозреваемых в беспричинном удержании (краже) земли, злоупотреблении властью и правами, которые принадлежат Короне. Многие из таких исков были опубликованы в *Placita de Quo Warranto*, что можно перевести как «Основания подачи иска на местах».

В приложении к данной статье в рубрике «Научная жизнь» этого номера акт парламента «Articles of the Eyre» (1194 г.) располагается как первый конституционный акт Великобритании.

Мы предлагаем вашему вниманию полный перечень актов парламента писаной части консолидированной современной конституции Соединенного Королевства, взятого с источников сайта Парламента Соединенного Королевства⁷ и Британской библиотеки⁸, — результат нашего кропотливого труда

⁶ The National Archives / KB 26, Court of Common Pleas and King's Bench, and Justices Itinerant: Early Plea and Essoïn Rolls 1198-1528 URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C10030> (дата обращения: 01.03.2016).

⁷ Joint Committee on Draft Civil Contingencies Bill First Report. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/jt200203/jtselect/jtdcc/184/18407.htm> (дата обращения: 08.05.2016).

⁸ Britain's unwritten constitution URL: <http://www.bl.uk/magna-carta/articles/britains-unwritten-constitution> (дата обращения: 08.05.2016).

в течение нескольких месяцев. Перевод авторский, при этом необходимо отметить, что некоторые названия средневековых парламентских актов невозможно перевести аутентично, поэтому мы оставили их оригинальное название на английском языке и на латыни. Были учтены все имеющиеся общепринятые переводы наиболее известных актов.

Перечень актов парламента, входящих в писаную часть конституции Соединенного Королевства Англии и Северной Ирландии, основан на постановлении объединенного комитета палаты лордов и палаты общин от 28 ноября 2003 года «О признании статутов фундаментальной частью конституционного права»⁹.

Таким образом, можно сказать, что Эйр к третьей четверти XIII века уже носил общий характер, но следует заметить, что термин «общее Эйр» (General Eyre) был внедрен значительно позже (первое упоминание «общего Эйр» появляется только в XIV веке), современникам же они были известны как «Эйр для всех прошений». В заключение можно сказать, что Эйр как суды накопили достаточно юридического опыта и стали фундаментальной базой для возникновения разъездных судов ассизов.

Кроме того, в соответствии с перечнем конституционных актов парламента совершенно очевидна необходимость считать первым конституционным актом Соединенного Королевства не Magna Charta Libertatum 1215 года, а Articles of the Eyre 1194 года. Данную информацию необходимо учитывать в процессе преподавания дисциплины «История государства и права зарубежных стран», а также дисциплины «Конституционное право зарубежных стран».

Литература / Literatura

1. Daniel Klerman: Settlement and the Decline of Private Prosecution in Thirteenth-Century in England / Independent Institute Working Paper //19, January 2000, 104 с.
2. The 1259 PIPE ROLL Thesis submitted for the degree Doctor of Philosophy in the University of London by Richard Cassidy / King's College London, 2012, 225 с.

*M.V. Yarovaya,
E.Y. Deryabin*

Articles of the Eyre (1194) as the First Constitutional Act of England: Historical and Legal Analysis

The article examines the historical and legal features of the first constitutional act consolidated in the English constitution. The article introduces new information based on the authors' translation of original legal documents of the National Archive, and in particular, a complete list of recorded acts of the English "live" constitution has been published for the first time.

Keywords: consolidated English Constitution; acts of a written part of the British constitution; Articles of the Eyre (1194); Eyre Judges; Eyre articles; Eyre coroners.

⁹ First Report of the Joint Committee on Draft Civil Contingencies Bill 28 November 2003 HL 184 HC 1074 para 183. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/jt200203/jtselect/jtdcc/184/18407.htm#a44> (дата обращения: 06.06.2016).

Д.А. Пашенцев

Основной вопрос правоведения в контексте типологии правопонимания

В статье на основе анализа основных типов правопонимания было проведено разделение этих типов на две группы в зависимости от того, чему придается важное значение — форме или содержанию. Сделан вывод, что понять такую сложную систему, как право, можно только на основе всех имеющихся позиций и теорий, пусть даже они и противоречат друг другу.

Ключевые слова: правопонимание; типология правопонимания; право; позитивизм; интегративная юриспруденция.

В философии существует основной вопрос, который звучит так: что первично — материя или сознание? В зависимости от ответа на этот вопрос все философы делятся на материалистов и идеалистов. В силу своей методологической значимости философия проецируется на все иные отрасли научного знания, в том числе и на правоведение. В связи с этим представляется возможным рассмотреть вопрос о том, что такое основной вопрос правоведения.

В самом правоведении принята и развивается классификация, в основе которой лежит тип правопонимания.

По мнению современных ученых, тип правопонимания — «это формирующийся в рамках определенной культуры образ права, который характеризуется как парадигмально обусловленными теоретическими признаками права, так и культурно обусловленным практически (ценностным) отношением к праву» [12: с. 38].

Тип правопонимания определяет отношение того или иного ученого к праву, к его природе и сущности, к его назначению в обществе.

В российской юридической науке существует несколько подходов к типологии правопонимания. Например, И.Л. Честнов полагает, что существуют три «классических» типа правопонимания: юспозитивизм, социология права и теория естественного права [14: с. 18].

По мнению В.В. Лапаевой, все подходы к пониманию права можно объединить в три блока: «позитивистские типы правопонимания (сюда относятся легистское, социологическое и психологическое направления юридического позитивизма) и метафизические типы правопонимания (естественно-правовой и либертарно-юридический подходы к праву)» [9: с. 8].

Н.В. Варламова предлагает делить правопонимание в зависимости от базовых гносеологических подходов на метафизическое и позитивистское [14: с. 15].

В научной литературе существуют и иные подходы к типологии правопонимания. Например, А.А. Дорская пишет о возможности выделения религиозного правопонимания, которое она противопоставляет правопониманию юридическому [7: с. 541].

По нашему мнению, если рассматривать «классические» типы правопонимания, то логично поставить вопрос об использовании только одного критерия, который позволил бы четко разделить все имеющиеся и горячо отстаиваемые учеными типы правопонимания. В качестве такого критерия предлагается использовать возможный ответ на вопрос: что первично для понимания сущности и природы права — форма или содержание?

Ответ на этот вопрос четко делит всех правоведов на два основных лагеря. Те, кто отдает приоритет формальным признакам права, могут быть условно отнесены к позитивизму как типу правопонимания. В итоге в эту одну большую группу попадут сторонники самых, казалось бы, разных подходов к праву.

Во-первых, к этой группе отнесем сторонников нормативизма, начиная от приверженцев «чистого учения о праве» Ганса Кельзена и заканчивая апологетами советского легизма. Понимание права как нормы, которая исходит от государства, смещает акцент на формальные признаки этой нормы. Как писал О.Э. Лейст, изучение факторов, определяющих содержание права, представляет значительный интерес для историка и социолога... «С этой точки зрения, правом становятся те нормы и отношения, которые официально признаны, охраняются и поддерживаются государственной властью» [10: с. 31].

Акцент на формальных признаках характерен и для социологической юриспруденции. Социологический подход к праву первоначально возник на базе критики легистского подхода. Его сторонники стали трактовать право не просто как систему нормативных предписаний государственной власти, а как специфическое социальное явление, которое стихийно возникает в результате процессов социальной саморегуляции [9: с. 62].

Главная идея социологического правопонимания была сформулирована Ойгеном Эрлихом, который полагал, что подлинным, «живым» правом выступают не писанные нормы законов, а те нормы, которые реально действуют в социальной практике [15].

Основоположники американской школы социологической юриспруденции Р. Паунда и О. Холмса рассматривали право как правопорядок, который складывается на практике под влиянием решений, которые принимаются судами и администрацией. В странах романо-германской правовой семьи акцент в социологическом подходе к пониманию права делается не на личности судьи, создающего право под влиянием воздействующих на него социальных факторов, а на объективной природе права как специфического социального института. Главное внимание уделяется обусловленности права социальными процессами, интересами и потребностями.

Н.В. Варламова пишет, что «сторонники социологического позитивизма считают первоосновой права правоотношения. С их точки зрения, право — это

реальный порядок общественных отношений... Право и его общеобязательность, таким образом, производны не от государства, а от общества» [4: с. 20].

Разделяя позицию процитированного автора, отметим, что социологическая концепция правопонимания хотя и смещает акцент с нормы на правоотношения, тем не менее имеет в виду именно формальную сторону права, не принимает в расчет его содержание, соответствие базовым принципам и правам человека. В итоге данный тип правопонимания в рамках предлагаемой дуалистической типологии вполне может быть отнесен к позитивизму. В качестве подтверждения сошлемся на позицию австралийского правоведа М. Стоукса, который пишет, что сутью позитивизма является тезис, что право в целом имеет своим источником факты поведения людей в обществе, а не моральные ценности [16: с. 115–159].

Больше сомнений возникает относительно психологической теории права. Ее основоположник Л.И. Петражицкий видел сущность права в эмоциях, в императивно-атрибутивных переживаниях. Он писал: «Специфическая природа явления права, нравственности, эстетики, их отличия друг от друга и от других переживаний коренятся не в области интеллектуального, а в области эмоционального, импульсивного в нашем смысле их состава» [11: с. 83].

Разграничивая правовые и моральные переживания, Л.И. Петражицкий при этом не вдавался в анализ содержания самих норм, а обращал внимание именно на вызываемые ими эмоции. В связи с этим представляется вполне обоснованным суждение В.В. Лапаевой, которая полагает: «Психологический тип правопонимания, который ищет истоки права в человеческой психике, так же как и социологический, основан на позитивистской методологии, поскольку ограничивает свое видение права лишь эмпирическим уровнем анализа» [9: с. 80].

Анализируя сущность позитивизма в праве, немецкий профессор Р. Алекси отмечает, что «в распоряжении позитивизма остаются лишь два элемента для определения понятия права: надлежащее или авторитетное установление права и его социальная действенность (эффективность)» [1: с. 3–4].

Наряду с рассмотренными выше типами правопонимания, которые делают акцент на формальных признаках права, существуют и концепции, в которых основное внимание уделяется содержательным аспектам.

В первую очередь к ним относится теория естественного права. В основе ее многочисленных разновидностей лежит принцип противопоставления должного и сущего, права естественного, представляющего высшую ценность и некий идеал, и права позитивного, которое исходит от государства или иного властного авторитета.

Сторонники естественно-правового подхода, как правило, выдвигают на первое место права человека, которые в их понимании вечны и неуничтожимы, вытекают из природы человека и выступают критерием для оценки правовых норм. Только то право, которое соответствует правам человека, представляется сторонникам этой теории подлинным правом.

Фактически естественно-правовая теория допускает отождествление права и морали. Как писал один из ярких ее представителей Р. Дворкин, «нельзя в конечном счете провести границу между правовыми и моральными стандартами, на чем настаивает позитивизм» [6: с. 76].

Как полагают критики подобной концепции, при таком подходе право фактически отождествляется с моралью, следовательно, оно «вообще не образует собой какого-то отдельного социального явления, поэтому само использование данного понятия в научном лексиконе, по существу, лишается смысла» [5: с. 19–20].

Вторая концепция, которая отдает приоритет содержанию права перед его формой, представлена либертарно-юридической теорией.

Характеризуя сущность юридического либертаризма, его сторонница В.В. Лапаева указывает на принципиальный момент этой теории — имманентную взаимосвязь свободы и справедливости, выражаемую через категорию равенства (когда справедливость предстает как равенство в свободе) [13: с. 9].

Справедливость и равенство неразрывно связаны с моральными постулатами. Таким образом, либертарно-юридическая теория также акцентирует внимание на моральной составляющей правовых норм, то есть на содержании права.

Таким образом, анализ основных классических типов правопонимания позволяет сформулировать **основной вопрос правоведения**: что определяет сущность права — форма или содержание. В зависимости от ответа на этот вопрос все юристы также могут быть разделены на две большие группы: позитивисты и юснатуралисты.

В современных условиях на смену классической науке приходит наука постклассическая. Для нее характерны отказ от абсолютной или объективной истины, релятивизация критериев научности, введение в научную деятельность социокультурного контекста и т. д. [8: с. 3].

В рамках постклассической науки закономерно меняются и подходы к пониманию права. Возникли и развиваются антропологическая и коммуникативная теории права, в рамках юриспруденции увеличивают свое влияние синергетика, герменевтика, дискурс-анализ, конструктивизм и т. д.

Представители постклассической юриспруденции рассматривают право как сложную систему открытого типа. Понять такую систему, находясь только на какой-либо одной позиции, представляется невозможным. Любой тип правопонимания обращает внимание, главным образом, на одну из важных сторон права, при этом остальные его стороны отходят на второй план либо просто игнорируются. В связи с этим возникла так называемая интегративная концепция права, которая предлагает объединить несколько типов правопонимания и изучать право комплексно, преодолевая односторонность, типичную для любого отдельно взятого подхода.

Один из основоположников интегративного подхода к праву Г. Дж. Берман писал о том, что необходимо преодолеть «заблуждение относительно исключительно политической и аналитической юриспруденции (“позитивизм”), или исключительно философской и моральной юриспруденции (“теория

естественного права”), или исключительно исторической и социоэкономической юриспруденции (“историческая школа”, “социальная теория права”). Нам нужна юриспруденция, которая интегрирует все три традиционные школы и выходит за их пределы» [3: с. 17].

В другой своей работе ученый прямо пишет: «Интегрированная юриспруденция — это философия, объединяющая три классические школы: правовой позитивизм, теорию естественного права и историческую школу. Она основана на убеждении, что каждая из этих трех конкурирующих школ выделила одно из важных измерений права, исключив прочие, и что совмещение нескольких измерений в одном фокусе, во-первых, возможно, и во-вторых, важно» [2: с. 293].

По нашему мнению, попытки создания интегративной концепции права путем объединения нескольких теорий правопонимания заслуживают внимания, так как представляют возможность преодолеть односторонность существующих классических подходов и посмотреть на право с более широкой точки зрения.

Но если мы говорим именно о постклассической юриспруденции, то сразу отмечаем, что в ее основе лежит постулат о том, что понять такую сложную систему, как право, можно только на основе всех имеющихся позиций и теорий, пусть даже они и противоречат друг другу. Только объединив в процессе исследования противоречивые концепции, мы можем приблизиться к пониманию сущности права, которая также противоречива. Теории понимания права выступают для современного исследователя как инструмент — в зависимости от поставленных задач он может выбирать ту из них, которая в наибольшей степени отвечает этим задачам, и с ее помощью рассмотреть ту сторону права, которую он исследует. Такое гибкое понимание возможностей использования теорий понимания права позволяет расширить представления о самом праве и глубже понять его природу.

Литература

1. *Алекси Р.* Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). М.: Инфотропик-Медиа, 2011. 192 с.
2. *Берман Г.Дж.* Вера и закон: примирение права и религии. М.: Московская школа политических исследований, 2008. 464 с.
3. *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ: издат. Группа Инфра-М – Норма, 1998. 624 с.
4. *Варламова Н.В.* Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. СПб.: АО «Славия», 2010. 140 с.
5. *Ветютнев Ю.Ю.* Аксиология правовой формы: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 200 с.
6. *Дворкин Р.* О правах всерьез / ред. Л.Б. Макеева. М.: Росспэн, 2004. 392 с.
7. *Дорская А.А.* Типы правопонимания и вызовы постсекулярного мира // Типы правопонимания и вызовы меняющегося мира: сб. статей по результатам Международной научно-практич. конференции / сост. А.А. Дорская. СПб.: Астерион, 2016. С. 541–548.
8. *История и методология юридической науки: учебник для вузов / под ред. Ю.А. Денисова, И.Л. Честнова.* СПб.: ИВЭСЭП, 2014. 564 с.

9. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М.: Российская академия правосудия, 2012. 579 с.
10. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало, 2008. 452 с.
11. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 608 с.
12. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: учебник. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербургского гос. ун-та, 2015. 472 с.
13. Принцип формального равенства и взаимное признание права: коллективная монография / под общ. ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. М.: Проспект, 2016. 208 с.
14. Честнов И.Л. Культуральный тип правопонимания // Типы правопонимания и вызовы меняющегося мира: сб. статей по результатам Международной научно-практич. конференции / сост. А.А. Дорская. СПб.: Астерион, 2016. С. 18–27.
15. Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с нем. М.В. Антонова; под ред. В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2011. 704 с.
16. Stokes M. Formalism, realism and the concept of law // Law and philosophy. Dordrecht, 1994. Vol. 13. № 2. P. 115–159.

Literatura

1. Aleksi R. Ponyatie i dejstvitel'nost' prava (otvet yuridicheskomu pozitivizmu). М.: Infotropik-Media, 2011. 192 с.
2. Berman G.Dzh. Vera i zakon: primirenie prava i religii. М.: Moskovskaya shkola politicheskix issledovanij, 2008. 464 с.
3. Berman G.Dzh. Zapadnaya tradiciya prava: e'poxa formirovaniya. 2-e izd. М.: Izd-vo MGU: izdat. Gruppa Infra-M – Norma, 1998. 624 с.
4. Varlamova N.V. Tipologiya pravoponimaniya i sovremenny'e tendencii razvitiya teorii prava. SPb.: AO «Slaviya», 2010. 140 с.
5. Vetyutnev Yu.Yu. Aksiologiya pravovoj formy': monografiya. М.: Yurlitinform, 2013. 200 с.
6. Dvorkin R. O pravax vs'er'ez / red. L.B. Makeeva. М.: Rosspe'n, 2004. 392 с.
7. Dorskaya A.A. Tipy pravoponimaniya i vy'zovy' postsekulyarnogo mira // Tipy' pravoponimaniya i vy'zovy' menyayushhegosya mira: sb. statej po rezul'tatam Mezhdunarodnoj nauchno-praktich. konferencii / sost. A.A. Dorskaya. SPb.: Asterion, 2016. S. 541–548.
8. Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki: uchebnik dlya vuzov / pod red. Yu.A. Denisova, I.L. Chestnova. SPb.: IVE'SE'P, 2014. 564 с.
9. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М.: Российская академия правосудия, 2012. 579 с.
10. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало, 2008. 452 с.
11. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 608 с.
12. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общная теория права: учебник. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербургского гос. ун-та, 2015. 472 с.
13. Принцип формального равенства и взаимное признание права: коллективная монография / под общ. ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. М.: Проспект, 2016. 208 с.

14. *Chestnov I.L.* Kul'tural'ny'j tip pravoponimaniya // Tipy' pravoponimaniya i vy'zovy' menyayushhegosya mira: sb. statej po rezul'tatam Mezhdunarodnoj nauchno-praktich. konferencii / sost. A.A. Dorskaya. SPb.: Asterion, 2016. S. 18–27.

15. *E'rlix O.* Osnovopolozhenie sociologii prava / per. s nem. M.V. Antonova; pod red. V.G. Grafskogo, Yu.I. Grevczova. SPb.: OOO «Universitetskij izdatel'skij konsorcium», 2011. 704 s.

16. *Stokes M.* Formalism, realism and the concept of law // Law and philosophy. Dordrecht, 1994. Vol. 13. № 2. P. 115–159.

D.A. Pashentsev

The Main Problem of Law Study in the Context of the Typology of Legal Consciousness

All major types of law are divided into two groups depending on what importance is attached to, the form or the content. It was concluded that understanding of such a complex system is possible only on the basis of all available positions and theories even if they contradict one another.

Keywords: legal consciousness; typology of legal consciousness; law; positivism; integrative jurisprudence.

Ю.Б. Корсаненкова

К вопросу о модификации механизма правового регулирования отношений по социальному обслуживанию¹

Автором предпринята попытка проанализировать модификацию механизмов правового регулирования социально-обеспечительных отношений на примере договора о предоставлении социальных услуг как особого вида публичного социально-обеспечительного обязательства, исследовать его сложную (смешанную) правовую природу, обусловленную единством и особым сочетанием публичных и частных начал, все более присущих современному облику отрасли права социального обеспечения.

Ключевые слова: социальное обслуживание; механизм правового регулирования отношений; договор о предоставлении социальных услуг; социально-обеспечительное обязательство.

Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ (далее — Закон № 442-ФЗ) [1], устанавливающий правовые, организационные и экономические основы социального обслуживания граждан, полномочия органов государственной власти в сфере социального обслуживания, права и обязанности получателей и поставщиков социальных услуг, направлен на перестройку системы предоставления социального обслуживания в России. Он положил начало модернизации всей нормативной правовой базы, регулирующей эту сферу деятельности.

К основным нововведениям Закона № 442-ФЗ можно отнести следующие:

– принцип индивидуального подхода к каждому человеку, нуждающемуся в помощи, который выражается в разработке в отношении каждого гражданина, признанного нуждающимся в социальном обслуживании, индивидуальной программы, т. е. документа, в котором указаны форма социального обслуживания, виды, объем, периодичность, условия, сроки предоставления

¹ Подготовлено при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс.

социальных услуг, перечень рекомендуемых поставщиков социальных услуг, а также мероприятия по социальному сопровождению;

– все отношения по социальному обслуживанию возникают на основе договора о предоставлении социальных услуг, заключаемого между поставщиком социальных слуг и их получателем — гражданином, признанным нуждающимся в их получении, или его законным представителем, существенными условиями которого являются положения индивидуальной программы и стоимость социальных услуг в том случае, если они предоставляются за плату или частичную оплату;

– право гражданина выбрать поставщика социальных услуг и заключить с ним договор об их предоставлении, сторонами которого будут являться, соответственно, поставщик и получатель социальных услуг;

– на рынок социальных услуг выходят негосударственные поставщики социальных услуг, при этом негосударственные организации и индивидуальные предприниматели, осуществляющие деятельность по социальному обслуживанию, получают субсидии из соответствующего бюджета;

– межведомственный подход при осуществлении деятельности по социальному обслуживанию граждан, признанных в нем нуждающимися;

– необходимость осуществления общественного контроля в сфере социального обслуживания.

Правовое регулирование социально-обеспечительных отношений по социальному обслуживанию граждан с учетом вышеназванных законодательных положений еще раз заставляет проанализировать правовую природу договора о социальном обслуживании и уяснить его роль как механизма правового регулирования общественных отношений в рассматриваемой сфере.

В настоящее время в научной и учебной литературе по праву социального обеспечения сформировались два основных подхода о границах правового регулирования отношений по социальному обслуживанию в рамках предмета права социального обеспечения.

Сторонники первого подхода (назовем его классическим подходом), которых большинство — А.Л. Благодир [2: с. 33], М.О. Буянова, С.И. Кобзева и З.А. Кондратьева [3: с. 213], М.Л. Захаров и Э.Г. Тучкова [5: с. 519; 9: с. 413], Е.Е. Мачульская [8: с. 443], В.Ш. Шайхатдинов [12: с. 386] — отталкиваются от необходимости отграничения истинной социальной услуги от услуг, предоставляемых в рамках гражданского права, которое строится на их основном отличии: социальная услуга предоставляется определенной категории граждан для удовлетворения их специфических потребностей бесплатно или на условиях частичной оплаты за счет средств общества. Платные услуги не являются социальными. Предоставление услуг на условиях полной оплаты не следует относить к предмету права социального обеспечения, данные отношения составляют предмет гражданского права [9: с. 413].

В данном подходе сохраняется приверженность ученых тезису о социальной алиментарности отношений по социальному обеспечению в ее классическом по-

нимании: как сочетание двух составляющих — безвозмездности социального обслуживания (бесплатное или частично платное предоставление социальных услуг) и его безэквивалентности, — как об основном признаке предмета отрасли права социального обеспечения. В данном контексте также уместно привести мнение специалистов, заключающееся в том, что стремление законодателя перенести отношения по социальному обслуживанию на договорную основу и придать им гражданско-правовой характер как следствие усиления воздействия политической функции, представляющей интересы бизнеса, и снижения роли социальной и экономической функции, по сути, изменит весь механизм правового регулирования отношений данного вида, что приведет к изменению структуры комплексного института социального обслуживания и, возможно, его потере [2: с. 33].

Сторонниками второго — межотраслевого подхода относительно предмета права социального обеспечения (А.М. и М.В. Лушниковы) допускается признание отношений по социальному обслуживанию, возникающих как на бесплатной, так и на платной основе, входящими в предмет отрасли права социального обеспечения, и как результат — признание договора о социальном обслуживании особым видом договора в этой отрасли [7: с. 340–391], который, однако имеет общую с гражданско-правовым договором цивилистическую основу. Здесь можно согласиться с представителями первого подхода в том, что договор о социальном обслуживании представляет собой сферу «пограничного регулирования» между гражданским правом и правом социального обеспечения, но в то же время он обладает существенными отличиями, позволяющими считать такие договоры особым родом социально-обеспечительных обязательств — базовой отраслевой юридической конструкции права социального обеспечения.

Так, по мнению А.М. и М.В. Лушниковых, правоотношение по социальному обслуживанию — это социально-обязательственное отношение, по которому одна сторона — физическое лицо — вправе требовать от другой стороны — государственных (муниципальных) или частных социальных учреждений — предоставления адресной социальной помощи и обслуживания в объеме и порядке, предусмотренных законом или договором [6: с. 425–566]. Они подразделяются на правоотношения по социальному обслуживанию на безвозмездных началах в силу закона и на правоотношения по социальному обслуживанию, возникающие на основе договора на условиях частичной или полной оплаты.

В свою очередь, договорные отношения по социальному обслуживанию (к которым данные авторы присоединяют и отношения по социальной помощи) характеризуются следующими признаками:

– субъектами названных отношений являются, с одной стороны, любые физические лица независимо от признака нуждаемости (бедности), с другой — не только государственные и муниципальные социальные службы, но и частные;

— объектом правоотношения выступают социальные услуги и иные виды социального обслуживания, но их уровень не должен быть ниже установленных государственных стандартов качества социального обслуживания, но предоставляются они на платной основе (полностью или частично). Установлен государственный контроль за деятельностью по предоставлению услуг частными социальными службами вплоть до лишения их лицензии;

— взаимные права и обязанности сторон определяются договором на условиях частичной или полной оплаты предоставляемых социальных услуг.

Следует сказать, что данные признаки были выделены учеными до вступления в силу Закона № 442-ФЗ, в соответствии с которым в настоящее время все отношения по социальному обслуживанию возникают только на основании договора о предоставлении социальных услуг (ст. 17). Однако в настоящее время сохраняется право бесплатного предоставления соцуслуг для некоторых категорий населения: детей; лиц, пострадавших в результате чрезвычайных ситуаций, вооруженных межнациональных (межэтнических) конфликтов; для малообеспеченных, чей среднедушевой доход равен или ниже предельной величины среднедушевого дохода для предоставления социальных услуг — специально установленного законом субъекта РФ соцстандарта, который, в свою очередь, не может быть ниже полуторной величины прожиточного минимума, установленного субъектом РФ для основных социально-демографических групп населения.

Сторонники второго (межотраслевого) подхода, обращая внимание на значительное договорное начало, все более возрастающее в условиях рыночной экономики, в социальных, по своей природе, отраслях права — семейном, трудовом праве и праве социального обеспечения — причисляют договоры в сфере социального обслуживания к социальным цивилистическим договорам, которые, имея в своей основе классическую категорию «обязательство», разработанную в гражданском праве, обладают следующими родовыми признаками, объединяющими социально-обеспечительное и классическое цивилистическое обязательства: связь с распределением материальных благ (ВВП), реализация через относительное правоотношение активного типа [7: с. 352, 353].

Рассмотрим эти общие признаки обязательств на примере договора о предоставлении социальных услуг:

— гражданско-правовое обязательство носит имущественный характер и связано с отношениями экономического оборота. Социально-обеспечительное обязательство, возникающее на основе договора о социальном обслуживании, также связано с предоставлением материальных благ в натуральной форме, т. е. в форме социальных услуг, т. е. также является имущественным отношением особого характера;

— гражданско-правовые обязательства, равно как и социально-обеспечительные обязательства реализуются через относительные правоотношения, субъекты которых строго определены. В договоре о социальном обслуживании — это поставщик социальных услуг (юридическое лицо независимо

от его организационно-правовой формы и (или) индивидуальный предприниматель, осуществляющие социальное обслуживание) и получатель социальных услуг — гражданин, который признан нуждающимся в социальном обслуживании и которому предоставляются социальная(ые) услуга(и);

—гражданско-правовое обязательство, как и социально-обеспечительное, представляет собой отношение активного типа, в котором участвуют управомоченная и обязанная стороны: получатель социальных услуг имеет право требования на их предоставление, а поставщик социальных услуг *обязан* предоставить их в определенной форме социального обслуживания после признания гражданина нуждающимся в них на основании решения соответствующего субъекта РФ (ст. 15 Закона № 442-ФЗ) и составления индивидуальной программы в силу закона и договора о социальном обслуживании.

В силу наличия общих признаков социально-обеспечительного обязательства с классической категорией обязательства в цивилистике представляется вполне логичным тот факт, что правовое регулирование отношений по социальному обслуживанию строится на заимствовании тех механизмов правового регулирования (на примере договора о социальном обслуживании), которые присущи и гражданскому праву. Поэтому правы А.М. и М.В. Лушниковы, которые считают, что в данном случае не расширяется сфера действия норм гражданского права, а речь идет лишь об использовании способов (механизмов) правового регулирования, как составной части метода отрасли [7: с. 349].

Однако характеристика договора о социальном обслуживании как социально-обеспечительного обязательства, безусловно, должна быть дополнена *специфическими признаками* данной категории как базовой конструкции отрасли права социального обеспечения, представляющими *публичные начала* этого договора, которые ограничивают пределы договорного механизма правового регулирования, характеризующие частные начала (признаки публичности договора о социальном обслуживании):

1) в противовес гражданско-правовому обязательству, возникающему по договору на добровольной основе, отношения по социальному обслуживанию возникают на основе договора о предоставлении социальных услуг и также принципа *добровольности* социального обслуживания. Однако круг лиц, имеющих право заключать данный договор, и круг лиц, имеющих право выступать в качестве поставщиков социальных услуг, определены в Законе № 442-ФЗ (ст. 1, 3). Согласно ст. 24 Закона № 442-ФЗ в рамках информационных систем в сфере социального обслуживания в каждом субъекте РФ обязательно ведутся реестры поставщиков и получателей социальных услуг не только в целях мониторинга, но и осуществления государственного контроля (надзора) в сфере социального обслуживания. Операторами этих информационных систем являются уполномоченный орган субъекта РФ и организации, с которыми этот орган заключил договор об их эксплуатации;

2) на основе принципа *адресности* социального обслуживания (ст. 4) в Законе установлен закрытый перечень определенных обстоятельств,

определяющих *нуждаемость* гражданина в социальном обслуживании, который может быть расширен только нормативным правовым актом субъекта РФ (ст. 15). Решение о признании гражданина нуждающимся в социальном обслуживании принимает не поставщик социальных услуг, а уполномоченный орган субъекта РФ в течение определенного срока — пяти рабочих дней с даты подачи заявления;

3) не предусмотрено право поставщика социальных услуг отказать в исполнении договора о социальном обслуживании, за исключением случаев определенных в законе: медицинские противопоказания, перечень которых утверждается Минздравом РФ (в данном случае возможен только отказ в предоставлении стационарной формы социального обслуживания), а также возможен отказ в предоставлении социальной услуги только в случае нарушения получателем условий договора о предоставлении социальных услуг (п. 2 ч. 1 ст. 11 Закона № 442-ФЗ);

4) если содержание гражданско-правового договора (в частности, договор/а о возмездном оказании услуг согласно гл. 39 ГК) основано на равенстве сторон и определяется сторонами, то содержание договора о предоставлении социальных услуг и необходимость его заключения, как было сказано выше, predetermined законом: существенными условиями договора являются положения, определенные индивидуальной программой, а также стоимость в случае, если они предоставляются за плату или частичную оплату (ст. 17 Закона № 442-ФЗ). При этом в Законе № 442-ФЗ подробно регламентировано содержание данной индивидуальной программы, которое составляют такие условия договора, как: формы, виды, объем, периодичность, условия, сроки предоставления соцуслуг, перечень рекомендуемых поставщиков соцуслуг, а также мероприятия по соцсопровождению.

Программа имеет *обязательный характер* для поставщика соцуслуг, она составляется в двух экземплярах: один экземпляр, подписанный уполномоченным органом субъекта РФ, передается гражданину, а второй остается в уполномоченном органе субъекта РФ.

При этом формы социального обслуживания (социальное обслуживание на дому, полустационарная форма, стационарная форма) и виды социальных услуг определены в Законе № 442-ФЗ (ст. ст. 19, 20, 21).

5) еще одним признаком публичности социально-обеспечительного обязательства является нормирование государством социального стандарта, который не может быть ниже установленного законом. В связи с этим в ст. 3 Закона приводится понятие стандарта социальной услуги — основные требования к объему, периодичности и качеству предоставления социальной услуги, установленные по видам социальных услуг.

Утверждение примерного перечня социальных услуг по их видам отнесено к полномочиям федеральных органов государственной власти (п. 3 ч. 1 ст. 7 Закона), равно как и утверждение рекомендуемых норм питания и нормативов обеспечения мягким инвентарем получателей социальных услуг по формам

соцобслуживания и примерного порядка предоставления соцуслуг (пп. 7, 8 ч. 2 ст. 7 Закона).

К полномочиям органов государственной власти субъектов РФ в сфере социального обслуживания относятся: утверждение конкретного перечня соцуслуг с учетом федерального примерного перечня; утверждение порядка предоставления соцуслуг в субъекте РФ; установление порядка утверждения тарифов на соцуслуги на основании подушевых нормативов финансирования соцуслуг; установление предельной величины среднедушевого дохода для предоставления социальных услуг бесплатно.

Таким образом, справедливо суждение специалистов, считающих, что в настоящее время социально-алиментированный характер социального обслуживания проявляется в том, что содержание, объем и качество услуг (по их видам) стандартизированы государством [11: с. 320]. При этом стандарт услуг является частью регламентированного государством (федеральным органом исполнительной власти) порядка их предоставления, что отражает специфику договора о социальном обслуживании, опять-таки, с точки зрения сочетания публично- и частноправовых механизмов обеспечения реализации социальных прав граждан.

При этом представители Санкт-Петербургской школы социального обеспечения считают, что признак социально-алиментарного характера отношений по социальному обеспечению сохранил свою актуальность и по сей день как для страховых форм социального обеспечения, так и для бюджетных. И в том, и в другом случае обеспечение предоставляется при наступлении указанных в законе обстоятельств и без требования встречных действий от обеспечиваемого лица [11: с. 37]. При этом отношения по социальному обслуживанию, возникающие из договора о социальных услугах, на условиях частичной оплаты, с их точки зрения, можно было признать *возмездно-безэквивалентными*, поскольку *сумма оплаты ниже стоимости социальных услуг*. Таким образом, данная позиция позволяет нам говорить о частичном сохранении признака алиментарности (в отношении только одной его составляющей — *безэквивалентности*) в отношении частично платных социальных услуг.

Данное утверждение в совокупности с позициями других ученых (в частности, М.Л. Захарова и Э.Г. Тучковой [9: с. 62], М.Ю. Федоровой [13: с. 85]) о признании отношений по социальному обеспечению, не отвечающими признаку алиментарности (в частности, М.Ю. Федорова *отрицает признак безвозмездности* в отношениях по социальному страхованию и потому не признает их алиментарными), свидетельствует о том, что составляющие признака алиментарности также утрачивают сегодня свое прежнее значение. К тому же финансирование деятельности всех поставщиков социальных услуг (как находящихся в ведении федеральных органов исполнительной власти и организаций социального обслуживания субъекта РФ, так и негосударственных организаций, индивидуальных предпринимателей, социально ориентированных некоммерческих организаций) осуществляется не только за счет средств

получателей социальных услуг, но и за счет бюджетных источников соответствующего уровня, что также свидетельствует лишь о частично возмездном характере отношений по социальному обслуживанию.

Статья 31 Закона № 442-ФЗ, устанавливающая категории бесплатных получателей социальных услуг на основе договора о социальном обслуживании, и ст. 32 ФЗ № 442, регламентирующая максимальный размер ежемесячной платы соцуслуг в полустационарной форме и на дому, а также в стационарной форме, свидетельствуют о сохранении безвозмездности в первом случае, и безэквивалентности социального обслуживания во втором случае их предоставления, что наряду с государственной обязанностью их предоставления и закреплением перечня юридических фактов в ст. 15 Закона № 442-ФЗ как оснований их предоставления, полагаю, свидетельствует о сохранении алиментарности данных социально-обеспечительных отношений.

Таким образом, в широком смысле под государственным стандартом социального обслуживания можно понимать императивно установленные основания заключения договора о социальном обслуживании, определение его сторон, круг их прав и обязанностей, объем, содержание и прекращение предоставляемых социальных услуг, правила определения платы за социальные услуги и круга лиц, имеющих право на бесплатное социальное обслуживание, а также порядок предоставления соцуслуг, государственный контроль (надзор) и общественный контроль в сфере социального обслуживания (институт независимой оценки качества оказания услуг согласно ст. 23.1 Закона). Именно эти императивные требования, определяющие минимальный государственный стандарт, характеризуют публичную составляющую смешанной природы договора о социальном обслуживании.

Справедливо замечание М.В. Филипповой о том, что договор о платном предоставлении социальных услуг, определяющие виды и объем услуг, сроки их предоставления, а также порядок и размер оплаты является договором не на предоставление услуги, а о порядке ее предоставления, сама же услуга имеющим право на нее лицам предоставляется на началах должностования [10: с. 49, 50].

На основании вышесказанного можно говорить о том, что в современных экономических условиях жизни российского общества все отношения по социальному обслуживанию, возникающие на основе договора о предоставлении социальных услуг, должны включаться в предмет права социального обеспечения. Их регулирование должно осуществляться преимущественно императивным методом (принцип государственной гарантированности, государственный стандарт по их предоставлению, государственный контроль за их предоставлением). Однако с помощью договорного механизма также возможно правовое регулирование порядка предоставления социальных услуг индивидуальному получателю, т. е. правовое регулирование отношения по социальному обслуживанию между конкретными субъектами права социального обеспечения, касающееся конкретной жизненной ситуации, породившей нуждаемость отдельно взятого гражданина именно в данных формах

и видах социального обслуживания в соответствии с составленной для него индивидуальной программой.

Данная концепция субсидиарной ответственности органов публичной власти и негосударственных структур (государства, граждан, частных лиц) за достойный уровень жизни граждан, на примере финансирования социального обслуживания и определения круга его субъектов является принципиально новым подходом формирующейся в сегодняшних условиях системы социального обеспечения. Разделяю позицию авторов, считающих что данный метод правового регулирования отношений по социальному обеспечению можно обозначить методом социальной солидарности при предоставлении социального обеспечения за счет солидарных источников [7: с. 374]: бюджетных средств, средств юридических и физических лиц — методом, который должен обеспечить сбалансированность интересов публичных и частных лиц.

Литература

1. Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 21 июля 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 30.12.2013. № 52 (часть I). Ст. 7007.
2. *Благодир А.Л.* Система права социального обеспечения: автореф дис. ... д-ра юрид. наук. М. 2014. 50 с.
3. *Буянова М.О., Кобзева С.И., Кондратьева З.А.* Право социального обеспечения: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Кнорус, 2008. 640 с.
4. *Доброхотова Е.Н.* Глава 14. Социальное обслуживание // Право социального обеспечения: учебник и практику для академического бакалавриата / под ред. М.В. Филипповой. СПб.: Юрайт, 2016. 383 с.
5. *Захаров М.Л., Тучкова Э.Г.* Право социального обеспечения России: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004. 608 с.
6. *Лушикова М.В., Лушиников А.М.* Курс права социального обеспечения. М.: ЗАО Юстицинформ, 2008. 600 с.
7. *Лушиников А.М., Лушикова М.В., Тарусина Н.Н.* Договоры в сфере семьи, труда и социального обеспечения: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2014. 432 с.
8. *Мачульская Е.Е.* Право социального обеспечения: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011. 575 с.
9. Право социального обеспечения России: учебник для бакалавров / отв. ред. Э.Г. Тучкова. М.: Проспект, 2014. 456 с.
10. Право социального обеспечения: учебник / под ред. М.В. Филипповой. М.: Юрист, 2006. 446 с.
11. Право социального обеспечения: учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. М.В. Филипповой. СПб.: Юрайт, 2016. 383 с.
12. Право социального обеспечения: учебник для бакалавров / под ред. В.Ш. Шайхатдинова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 654 с.
13. *Федорова М.Ю.* Социальное страхование как организационно-правовая форма социальной защиты населения: проблемы правового регулирования. Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. 85 с.

Literatura

1. Federal'nyj zakon «Ob osnovax social'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossijskoj Federacii» ot 28.12.2013 № 442-FZ (red. ot 21 iyulya 2014 g.) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 30.12.2013. № 52 (chast' I). St. 7007.
2. *Blagodir A.L.* Sistema prava social'nogo obespecheniya: avtoref dis. ... d-ra. jurid. nauk. M. 2014. 50 s.
3. *Buyanova M.O., Kobzeva S.I., Kondrat'eva Z.A.* Pravo social'nogo obespecheniya: uchebnoe posobie. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Knorus, 2008. 640 s.
4. *Dobroxotova E.N.* Glava 14. Social'noe obsluzhivanie // Pravo social'nogo obespecheniya: uchebnik i praktiku dlya akademicheskogo bakalavriata / pod red. M.V. Filippovoj. SPb.: Yurajt, 2016. 383 s.
5. *Zaxarov M.L., Tuchkova E'.G.* Pravo social'nogo obespecheniya Rossii: uchebnik. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Volters Kluver, 2004. 608 s.
6. *Lushnikova M.V., Lushnikov A.M.* Kurs prava social'nogo obespecheniya. M.: ZAO Yusticininform, 2008. 600 s.
7. *Lushnikov A.M., Lushnikova M.V., Tarusina N.N.* Dogovory' v sfere sem'i, truda i social'nogo obespecheniya: uchebnoe posobie. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2014. 432 s.
8. *Machul'skaya E.E.* Pravo social'nogo obespecheniya: uchebnik. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2011. 575 s.
9. Pravo social'nogo obespecheniya Rossii: uchebnik dlya bakalavrov / otv. red. E'.G. Tuchkova. M.: Prospekt, 2014. 456 s.
10. Pravo social'nogo obespecheniya: uchebnik / pod red. M.V. Filippovoj. M.: Yurist, 2006. 446 s.
11. Pravo social'nogo obespecheniya: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata / pod red. M.V. Filippovoj. SPb.: Yurajt, 2016. 383 s.
12. Pravo social'nogo obespecheniya: uchebnik dlya bakalavrov / pod red. V.Sh. Shajxatdinova. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2013. 654 s.
13. *Fedorova M.Yu.* Social'noe straxovanie kak organizacionno-pravovaya forma social'noj zashhity' naseleniya: problemy' pravovogo regulirovaniya. Omsk: Izd-vo OmGU, 2000. S. 85.

Y.B. Korsanenкова**About the Modification of Legal Regulation Mechanism of Relations for Social Services**

The author attempts to analyze the modification of legal regulation mechanisms of social and security relations in the context of the agreement on the provisioning social services as a special kind of public social and security obligations, to explore its complex (mixed) legal nature, based on unity and a special combination of public and private principles which are more intrinsic to modern image of social security rights.

Keywords: social services; mechanism of legal regulation of relations; contract of the provisioning social services; social and security commitment.

**А.Д. Керимов,
И.Н. Куксин**

Отличительные факторы сильного государства

Проблема обоснования концепции сильного государства — это не плод размышлений авторов. Мысль эта не нова, ибо древние мыслители и политические деятели прошлого, в частности Ж.-Ж. Руссо, отмечали, что лишь сильное государство обеспечивает свободу своим гражданам. В статье предпринята попытка доказать (с учетом современных процессов, происходящих в мире), что только те народы и их правители могут обеспечить свою свободу и безопасность, если их государство будет сильным. В статье обосновываются факторы, отличающие сильное государство.

Ключевые слова: сильное государство; международный терроризм; политическая власть; правовое государство; социальная справедливость; рыночная экономика.

Сегодня карта мира пестрит событиями, которые представляют огромное бедствие для многих стран и имеют одну причину — это международный терроризм. Нет необходимости перечислять те страны, их столицы и города, где имели место террористические акты, унесшие жизни тысяч людей. В этих условиях роль и назначение государства, бесспорно, возрастают, особенно в части защиты своих граждан от потенциальных угроз их жизни и здоровью. Каким же должно быть современное государство в XXI веке? Вопрос отнюдь не риторический, ибо прямая обязанность любого государства обеспечивать не только достойную жизнь своих граждан, но и охранять их здоровье, честь, достоинство. Может ли оно справиться с этой нелегкой задачей в условиях постоянно возникающих противоречий между государствами, которые приводят к экономическим, а порой и вооруженным конфликтам, что в немалой степени и провоцирует глобальный международный терроризм?

Сегодня страны мира становятся не только очевидцами, но и участниками переустройства системы международных отношений, закрепленных соглашениями Ялтинской и Потсдамской конференций. Конец Потсдамской эпохи ознаменовался развалом мирового социалистического содружества, последовавшим за провальной попыткой реформировать экономику Советского Союза, и можно считать, что он был закреплен Беловежскими соглашениями 1991 года.

Начавшаяся во второй половине XX века глобализация также не внесла коренного перелома в международные отношения. Мир не приблизился к ожидавшейся многополярности, а стал все больше однополярным. Более того, события на Корейском полуострове, связанные с действиями Северной Кореи по созданию ядерного оружия и средств его доставки, повлекли ответные

действия Южной Кореи и США, выразившиеся в переводе режима повышенной боевой готовности с третьего уровня на второй, что свидетельствует о том, что ядерная опасность не только не устранена, она постоянно сохраняется.

На фоне этих событий имеет место продолжение мирового финансового кризиса, противостояние в Сирии, а также претензия Соединенных Штатов быть исключительной нацией, так как она, по мнению президента США Б. Обамы, занимает особое место среди других народов с точки зрения своего национального духа, политических и религиозных институтов. Продление экономических санкций США и Европейского союза против России привело к дестабилизации мирового правопорядка. Особая роль в мировых деструктивных процессах принадлежит Соединенным Штатам. Внешнеполитическая доктрина и внешнеэкономическая деятельность этого государства строятся на системе сдерживания и подавления конкурентов, обеспечения всеми доступными и недоступными средствами защиты и влияния своей национальной финансовой системы во всем мире, недопущение роста экономической, военной и политической мощи основных конкурентов в лице Китая, Европейского союза и России. Процесс экспансии США на Ближний Восток и Африку сопровождается установлением контроля над энергоресурсами и недопущением процессов, которые могли бы ударить по ее экономике. Кроме этого, задачей США является ослабление влияния России в указанных регионах, а там, где это не удавалось, политика была направлена на насильственное свержение власти, установление марионеточных, ручных правителей (яркий пример — Украина), создание военных баз и получение прибыли от владения сырьевыми активами.

Чтобы защитить свои национальные интересы, современные государства должны иметь достаточно сил и средств. Слабое государство, как показывает опыт Сирийской Арабской Республики, не может защитить свои интересы, не может справиться с управлением делами общества. Отчетливо это проявляется в условиях кризисных явлений на этапе коренной ломки прежних и утверждении новых общественных отношений.

Еще в 2008 году Президент России в своем Послании высшему представительному органу страны подчеркнул, что «сильное государство... нужно гражданскому обществу как инструмент развития и поддержания порядка, для защиты и укрепления демократических институтов» [4].

По мнению авторов, сегодня кризисные явления охватили многие государства, входящие в Европейский союз. Последствия «арабской весны» (2010 год) привели к затяжным военным конфликтам, что породило бесконечный поток беженцев из охваченных войной стран. Главная причина миграции в Европу — это угроза жизни, преследования по религиозным причинам, репрессии и голод. Этот процесс привел к тому, что некоторые страны Европейского Союза стали требовать возвращения пограничного контроля, что, по заявлению главы Европейского совета Дональда Туска, означает, что Шенгенской зоне грозит крах. Более того, под воздействием этого процесса некоторые страны ЕС стремятся проводить свою независимую внешнюю и внутреннюю политику. Это особенно видно на примере

Польша. Польский премьер Беата Шидло, выступая в парламенте в Варшаве, заявила, что времена, когда польское правительство проводило «внешнюю политику на коленях», закончились [5]. А еврокомиссар по цифровой экономике и обществу Гюнтер Эттингер заявил: «Нам следует задуматься о механизме соблюдения принципа верховенства права и установления контроля над Варшавой» [5]. Критика со стороны европейских чиновников вызвала у польских правящих элит гневные требования к ЕС не вмешиваться во внутренние дела страны. А одним из первых и весьма символических шагов премьера Беато Шидло стало исчезновение флага Европейского союза из зала пресс-конференций главы польского правительства.

Все изложенное выше свидетельствует о том, что при всей кажущейся сохранности своего суверенитета, многие страны Европейского союза его ограничивают, что делает эти страны уязвимыми с точки зрения отстаивания своих национальных интересов. Глобализация, которая охватила не только Европу, но и другие страны мира, по мнению авторов, приводит к ущемлению суверенитета государств. Подтверждается это тем, что национальные государства, будучи членом такой интеграционной структуры как Европейский союз, передают определенные полномочия его органам. В результате этого появилось европейское право, которое во многом является наднациональным, обладающее более высокой юридической силой, чем национальное. Объем переданных полномочий, равно как и в сфере действия национального права, как раз и свидетельствует об ущемлении суверенитета. Признаком же любого независимого государства в современных условиях является обладание им суверенитетом.

Укрепление государства и повышение его роли в жизни общества диктуется многими причинами, которые должны сводиться к формированию концепции сильного государства. Анализ современной научной литературы привел авторов к выводу, что на современном этапе научной мысли о государстве целостная концепция о сильном государстве только зарождается [1].

Очевидно, что проблема формирования эффективного государства особенно актуализировалась в связи с жестоким явлением, название которого — международный терроризм.

Одной из отличительных сторон современного развития государств является возникновение множества новых, в большинстве своем глобальных проблем, делающих мир чрезвычайно опасным и ставящих под сомнение дальнейшее нормальное существование целых народов и стран, а порой и таящих в себе угрозу существования самой цивилизации. Речь идет об увеличивающемся в мировом масштабе хроническом дефиците энергоресурсов, загрязнении окружающей среды, международном терроризме, разрушительных природных катаклизмах, постоянно растущем количестве техногенных катастроф и аварий, появлении ранее неизвестных смертельно опасных болезней, принимающих характер мировых эпидемий, росте преступности и наркомании, этнических и религиозных конфликтах и многом, многом другом. Особенно опасным для мирового сообщества является распространение ядерного и иного оружия массового поражения и возможностей их применения.

Вторым отличительным фактором, обосновывающим концепцию сильного государства, является неоспоримый тезис о том, что современный мир характеризуется все возрастающей взаимосвязанностью и взаимозависимостью. Надо согласиться, что ни одна организация, будь то региональная или международная, не в состоянии обеспечить управление социумом, которое бы отвечало достижению всеобщего блага. Это под силу только государству и то с определенной оговоркой. Следует согласиться с утверждением видного советского и российского ученого Г.В. Мальцева о том, что «каким бы развитым ни было гражданское общество, оно никогда не утратит нужду в особой политической организации, способной решать крупные экономические и социальные проблемы универсального характера, охватывать единой системой регулирования и управления все элементы общества, придавать им согласованный характер» [3: с. 496]. Реализовывать управленческую функцию эффективно и на благо мирового порядка под силу только сильному дееспособному государству, располагающему не только необходимыми силами и средствами, но и имеющему весьма широкую сферу международного влияния.

Третьим фактором, говорящим в пользу сильного государства, является то обстоятельство, что государство должно быть не только правовым, демократичным, но и социальным. Надо отметить, что идея социального государства утвердилась тоже не так давно (по меркам истории), а самое главное, что эта идея нашла в той или иной форме свое законодательное закрепление на конституционном уровне в целом ряде стран. К их числу относятся Россия, Франция, Италия, Испания, Португалия, Швеция, Япония и др. Немаловажную роль, и это отмечали сами западные экономисты, сыграл Советский Союз, который вынуждал правящие круги Запада двигаться по пути создания «государства всеобщего благосостояния и благоденствия». Начиная с 90-х годов, когда распался Советский Союз и произошло крушение мировой социалистической системы, этот процесс пошел по пути затухания. В современных условиях государству, которое ставит целью обеспечить высокий уровень социальной защищенности всех членов общества, необходимо быть сильным, прежде всего в экономическом отношении, обладать мощным властным потенциалом, располагать значительными собственными материально-финансовыми средствами. Перечисленные характеристики в равной степени должны относиться и к таким государствам, которые называют себя демократическими, правовыми.

В пользу сильного государства говорит и тот фактор, что слабое государство само порождает многочисленные значимые проблемы. Исследователи, занимающиеся этой проблемой, справедливо указывают, что «слабые, некомпетентные или несуществующие правительства являются источником серьезных проблем, особенно в развивающемся мире», что «слабость государства — и национальный, и международный источник проблем первого порядка» [6: с. 6, 8]. Слабость государственных институтов прежде всего проявляется в их неспособности регулировать и контролировать социальные процессы. Они проявляют беспомощность в решении возникающих перед обществом проблем. И как результат,

это неизбежно ведет к тому, что эту роль стремятся взять на себя другие силы и структуры, в том числе и внешние. Представляется, что этот тезис хорошо подкрепляется политическими и экономическими процессами на Украине. Как заявил в интервью телеканалу RT министр иностранных дел России Сергей Лавров: «Нет никаких оснований не верить тому, что американцы правят балом на Украине» [2]. И сегодня на примере Украины очевидно, какие проблемы она создает, прежде всего для Европы. Это государство, которое страдает синдромом затяжного, хронического безвластия.

Если кратко охарактеризовать слабое государство, то можно утверждать, что оно, как правило, не располагает достаточными материальными и финансовыми ресурсами и средствами, не способно эффективным образом управлять экономикой страны, не в состоянии должным образом перераспределять доходы и преодолеть неизбежно при этом возникающее вопиющее социальное неравенство, не может справиться с унижающей человеческое достоинство бедностью, все возрастающей коррупцией, а зачастую и с нищетой, грозящей вымиранием значительной части населения. Такие государства создают проблемы для других стран, прежде всего соседних, превращаясь в источник массовой и практически не поддающейся контролю иммиграции и становясь поставщиком несметного числа маргинализированных, люмпенизированных и криминализированных элементов.

Пятым фактором, говорящим в пользу создания сильного государства, является слабость рыночной экономики. Опыт современных, даже высокоразвитых, стран говорит о том, что саморегулирующийся рынок на современном этапе исторического развития абсолютно невозможен. Вера в то, что свободный рынок самостоятельно, без участия государства, в состоянии «все расставить по своим местам» не имеет под собой никаких оснований. Более того, рыночная система вообще не может обеспечить соблюдения такого принципа, как справедливость. Эпоха господства свободного рынка с неизбежностью породила абсолютную, непререкаемую власть денег, которые стремятся нивелировать различия между нравственными и аморальными, истинными и ложными ценностями. Когда безраздельно господствует мораль «все продается и все покупается», обесмысливаются и в значительной степени утрачивают право на существование все иные мотивации, кроме экономической.

Таким образом, рыночные отношения, представляющие по своей структуре сложное, многоуровневое явление, особенно нуждаются в эффективном регулятивном воздействии не только со стороны отдельных институтов гражданского общества, но главным образом и в первую очередь со стороны сильного и дееспособного государства. Именно на государство ложится бремя ответственности за реализацию крупномасштабных экономических проектов и за создание условий продвижения общества по пути общественного прогресса.

Исходя из вышеизложенного, государство надо рассматривать в качестве универсального, многофункционального и незаменимого инструмента, который может ответственно и разумно решать стоящие как глобальные, так и региональные проблемы, давать ответы на вызовы современной эпохи.

Успешное выполнение этой миссии возможно лишь при условии, что государство действительно является сильным.

Литература

1. Керимов А.Д. Сильное государство — ответ на вызов современной эпохи. М.: Nota Bene, 2009. 50 с.
2. Керимов А.Д. Куксин И.Н. Критерии силы государства // Право и образование. 2016. № 6. С. 4–16
3. Кто правит бал на Украине? URL: http://www.bbc.com/russian/international/2014/04/140424_ugc_letters_lavrov (дата обращения: 13.09.2016).
4. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. 799 с.
5. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 5 ноября 2008 года. Москва, Большой Кремлевский дворец. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902126579> (дата обращения: 10.09.2016)
6. Рокоссовская А. Беата идет в бой // Российская газета. 2016. 14 января.
7. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. 220 с.

Literatura

1. Kerimov A.D. Sil'noe gosudarstvo — otvet na vy'zov sovremennoj e'poxi. M.: Nota Bene, 2009. 50 s.
2. Kerimov A.D. Kuksin I.N. Kriterii sily' gosudarstva // Pravo i obrazovanie. 2016. № 6. S. 4–16
3. Kto pravit bal na Ukraine? URL: http://www.bbc.com/russian/international/2014/04/140424_ugc_letters_lavrov (data obrashheniya: 13.09.2016).
4. Mal'cev G.V. Social'ny'e osnovaniya prava. M.: Norma, 2007. 799 s.
5. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniyu. 5 noyabrya 2008 goda. Moskva, Bol'shoj Kremlevskij dvorecz. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902126579> (data obrashheniya: 10.09.2016)
6. Rokossovskaya A. Beata idet v boj // Rossijskaya gazeta. 2016. 14 yanvarya.
7. Fukuyama F. Sil'noe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoj poryadok v XXI veke. M.: АСТ: АСТ Москва: Xranitel', 2006. 220 s.

*A.D. Kerimov,
I.N. Kuksin*

Distinguishing Factors of a Strong State

The problem of justification of a “strong state” concept is not the author’s fruit of thinking. This idea is not new, since the ancient thinkers and political figures of the past in particular Jacques Rousseau pointed out that only a strong state provides freedom of its citizens. The article attempts to prove in accordance with modern processes taking place in the world that only nations of strong states and their rulers can ensure freedom and security. The article substantiates the distinctive factors of a “strong state”.

Keywords: strong state; international terrorism; political power; rule of law; social justice and market economy.

С.Н. Чурилов

О предмете, системе и субъектности криминалистики

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы о предмете, системе и субъектности криминалистики. Отстаивается мнение о том, что к субъектной системе криминалистики относятся только должностные лица органов уголовного преследования, профессиональной защиты от него, судебно-экспертной деятельности и суд.

Ключевые слова: предмет и система криминалистики; субъектность криминалистики; сферы применения рекомендаций криминалистики.

Криминалистике как науке присуще свойство динамичности; ее технический, тактический и методический арсенал пополняется с учетом возрастающих потребностей практики борьбы с преступностью. На всем протяжении существования этой науки ученые искали новые пути совершенствования предмета, системы и сфер приложения ее достижений.

Теоретические представления о предмете криминалистики начиная со второй половины 60-х годов XX столетия претерпели существенные изменения. Помимо конечного продукта этой науки, адресуемого практике судебного исследования преступлений, в ее предмет стали включать закономерности механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, а также собирания, исследования, оценки и использования доказательств, подчеркивая тем самым детерминированность средств и методов судебного исследования и предотвращения преступлений знаниями указанных групп закономерностей [4: с. 112]. Данный подход к определению предмета криминалистики разделяется большинством отечественных ученых-криминалистов. Мы же полагаем, что в определении этой науки должны найти отражение не только результаты изучения и обобщения преступной деятельности и деятельности по судебному исследованию преступлений, но и данные права, общественных, естественных, технических и др. наук. При этом в данном определении на первое место целесообразно поставить именно то, что поступает на вооружение практических работников, т. е. средства и методы, а на второе — результаты изучения объектной области криминалистики. Такое определение структуры предмета науки не нарушает, на наш взгляд, функциональной зависимости данных ее частей, их субординационного отношения.

В нашем представлении определение криминалистики можно сформулировать в следующем виде: это наука о специальных средствах и методах

судебного исследования и предотвращения преступлений, основанных на познании закономерностей механизма преступлений, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств, а также на данных права, общественных, естественных, технических и др. наук.

Кроме уточнения объектов и предмета криминалистики научная дискуссия ведется и по вопросу о системе криминалистики. Среди ученых распространяется мнение о выделении из криминалистической тактики вопросов организации расследования (планирование расследования, использование бригадного метода расследования, взаимодействие следователя с органами дознания и др.) в самостоятельный раздел криминалистики и определении им места между криминалистической тактикой и криминалистической методикой [17: с. 52].

На наш взгляд, совершенствование системы криминалистики должно идти не по пути увеличения количества ее разделов, ибо традиционная четырехчастная система, состоящая из общей теории, криминалистической техники, тактики и методики, вполне оправдала себя и не нуждается в изменении, а по пути систематизации знаний внутри отдельных разделов данной системы. Считаем необходимым выделить вопросы организации расследования, относящиеся к заключительному разделу криминалистики и имеющие общий характер по отношению к частным криминалистическим методикам, в самостоятельный элемент криминалистической методики и определить им место между системой научных положений и типовыми методиками расследования. Такое решение вопроса соответствует, на наш взгляд, принципу системности и отвечает дидактическим потребностям при обучении криминалистике. Обучающиеся получают возможность изучать криминалистическую методику в логической последовательности, идя от изучения системы научных положений к познанию рекомендаций по расследованию преступлений, относящихся ко всем частным методикам, и затем — к изучению самих частных методик [19: с. 16–17].

Не менее важным вопросом, являющимся до последнего времени предметом ведущейся дискуссии, является вопрос о сферах применения достижений криминалистической науки. Первоначально разрабатываемые этой наукой специальные средства и методы адресовались только органам предварительного расследования и специалистам судебно-экспертных учреждений. В дальнейшем сферой приложения рекомендаций криминалистики стало и судебное разбирательство по уголовным делам. Наиболее активно разрабатывалась тактика судебного следствия (Р.С. Белкин, В.М. Бозров, Г.И. Бушуев и др.). В теоретическом плане обоснованно ставился вопрос о разработке частных судебных криминалистических методик, пользователями которых являлись бы государственный обвинитель, защитник и суд [1: с. 41–45; 2]. Эта проблема и теперь является предметом изучения отдельными представителями судейского сообщества, занимающимися научными исследованиями современных проблем криминалистической методики [15; 20: с. 60].

Представляется, что разработка теоретических и практических вопросов формирования частных судебных криминалистических методик действительно является одним из важных направлений дальнейшего развития заключительного раздела криминалистики. В этой связи О.Я. Баев в своей фундаментальной работе, посвященной проблемам криминалистической тактики, отмечает: «Криминалистическая же методика в значительной своей части есть не что иное, как адаптация достижений и средств криминалистической тактики к исследованию ее субъектом определенных видов и категорий преступлений» [8: с. 10].

Однако по вопросу о разработке тактических и частно-методических рекомендаций для суда наметились среди криминалистов существенные разногласия. А.Н. Васильев в дискуссии по проблеме тактики судебного следствия последовательно занимал следующую позицию: «Криминалистика не имеет своей задачей специальную разработку каких-то особых тактических приемов проведения судебного следствия» [12: с. 47]. Противоположное мнение по этой проблеме имел Р.С. Белкин, который утверждал, что задача разработки тактики именно судебного следствия «определяет в настоящее время одну из важнейших тенденций развития криминалистической тактики» [5: с. 19]. Он положительно оценивал усилия Л.Е. Ароцкера, направленные на разработку криминалистической методики судебного разбирательства, отмечая, что его концепция по данной проблематике «представляется нам весьма убедительной и заслуживает дальнейшего развития» [3: с. 346–347].

В данном споре мы на стороне тех авторов, которые считали необходимой разработку тактики и методики судебного разбирательства по уголовным делам. Но эти воззрения по данной проблеме относились к периоду советской эпохи, когда суд являлся органом борьбы с преступностью. А теперь, с введением в уголовное судопроизводство принципа состязательности сторон, суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты и обязан создавать необходимые условия для исполнения сторонами их профессиональных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ч. 3 ст. 15 УПК РФ). Данное обстоятельство для отдельных ученых послужило основанием для отрицания необходимости разработки тактики судебного следствия и, следовательно, методики судебного разбирательства по уголовным делам. Так, О.Я. Баев утверждает: «Нет ни тактики суда, ни тактики судебного следствия как таковых, есть тактика поддержания государственного обвинения в суде, и есть тактика профессиональной защиты от государственного обвинения, выдвинутого и поддерживаемого в суде» [9: с. 72].

Противоположное мнение по данной проблеме высказывают Л.Д. Кокорев и Н.П. Кузнецов. «В состязательном уголовном процессе, — утверждают они, — суд должен сохранять ведущую роль в исследовании доказательств, иначе он превратится в орган, формально оценивающий усилия сторон: побеждать в суде будет не справедливость, а тот, кто оказался изворотливее, хитрее в использовании материалов уголовного дела, а состязательность из гарантии

установления истины может превратиться в формальное препятствие успешному доказыванию в судебном разбирательстве» [14: с. 244].

В этом плане позиция законодателя вполне однозначна: соби́рание и проверка доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства как субъектами расследования и прокурором, так и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ (ч. 1 ст. 86, ст. 87). То есть законодатель признает, что суд является непосредственным участником уголовного судопроизводства, он не простой наблюдатель или контролер судебного процесса, а активный участник поиска истины по рассматриваемому делу.

В данном случае при решении вопроса о том, обязан ли суд участвовать в соби́рании доказательств в ходе судебного разбирательства или нет, мы на стороне законодателя [18: с. 8–11] и тех ученых, которые отстаивают мнение о необходимости разработки для суда тактических и методических рекомендаций [16: с. 119].

Не существует каких-либо возражений против разработки криминалистических методических рекомендаций для государственного обвинителя. Однако это нельзя сказать в отношении защитника. С тем, что защитник, так же как и государственный обвинитель, применяет в ходе судебного следствия достижения криминалистической науки, согласны, пожалуй, все. Разногласия среди криминалистов возникают по вопросу о том, является ли специальной задачей криминалистики разработка тактики и методики профессиональной защиты от уголовного преследования на досудебной стадии производства и в суде или эту задачу должно решать само адвокатское сословие.

О.Я. Баев полагает, что тактика поддержания государственного обвинения в суде и тактика профессиональной защиты от государственного обвинения, выдвинутого и поддерживаемого в суде, это две части системы уголовного судопроизводства, которую он рассматривает в качестве единого объекта научной криминалистики, а средства и методы, разрабатываемые этой наукой для защитника, относит к предметной ее области. По его мнению, системное исследование с позиций криминалистики деятельности по уголовному преследованию и профессиональной защите от него как единого объекта под углом зрения изучаемых этой наукой закономерностей позволяет оптимизировать деятельность указанных участников уголовного процесса на основе разрабатываемых средств оптимизации их деятельности [8: с. 9–10].

Р.С. Белкин в этой связи также считал, что разработка тактики защиты по уголовным делам является одним из важнейших научных направлений развития криминалистики. «Именно это направление, — утверждал он, — должно сыграть важную роль в совершенствовании и развитии криминалистической тактики и методики, избавить от известной “обвинительной” акцентуации их положения и рекомендации» [6: с. 202]. Однако под судебным исследованием он понимал только совокупную деятельность органов дознания, следствия, суда и экспертных учреждений по установлению истины по делу [4: с. 84].

Не все криминалисты разделяют эту точку зрения. Так, А.А. Эксархопуло, участвующий в дискуссии по вопросу о пределах предмета криминалистической науки, высказывается против создания «криминалистики» защиты или «состязательной» криминалистики. В связи с этим он замечает: «Предмет науки — это не субъективно воспринимаемые явления, не выбор ученых, а та реальность, для познания которой создается всякая наука. Если и дальше отождествлять предмет познания науки с познавательными предпочтениями ученых, то в идеях расширения предмета криминалистики можно выйти за пределы разумного» [21: с. 37].

Мы разделяем мнение Р.С. Белкина о том, что не может быть криминалистики «обвинения», криминалистики «защиты», впрочем, как и, дабавим от себя, «состязательной» криминалистики и криминалистики «суда», а есть использование положений криминалистики защитником, обвинителем и судом. Но дело не в этих употребляемых терминах, а в том, в каком смысле они употребляются. Понятно, что речь идет о том, в каких границах быть предмету криминалистики, должна ли она разрабатывать на основе познания изучаемых ею закономерностей средства и методы, адресатами которых являются государственный обвинитель, защитник и суд. Спора нет, что данные участники судебного разбирательства используют в своей уголовно-процессуальной деятельности данные криминалистической науки. Но нужно ли задачей этой науки считать разработку специальных средств для всех этих участников уголовного процесса? Что касается разработки средств криминалистики, адресуемых государственному обвинителю, пожалуй, нет каких-либо возражений у представителей науки. Вопреки мнению О.Я. Баева, мы полагаем, что деятельность суда должна обеспечиваться специальными тактическими и методическими средствами криминалистики. По этому вопросу мы уже высказывали свое мнение. Здесь же дополнительно отметим, что задача суда не только слушать, исследовать и принимать решение по существу дела, но и (что очень важно) получать представляемые сторонами доказательства с фиксацией факта их получения в протоколе судебного заседания. А получение доказательств с точки зрения уголовно-процессуального закона — один из способов собирания доказательственной информации.

При этом суд решает задачи не только исследовательского характера, но и поискового. В пределах предъявленного подсудимому обвинения в целях проверки полученных доказательств суд вправе по своей инициативе назначить судебную экспертизу, вызвать для допроса эксперта, давшего заключение, огласить протоколы следственных действий, осмотреть вещественные доказательства, истребовать какие-либо документы и приобщить их к материалам дела, осмотреть местность и помещение, произвести следственный эксперимент или предъявление для опознания лица или предмета, освидетельствование. Производство данных процессуальных действий поискового характера предполагает выдвижение судом собственной версии и планирование судебного следствия в зависимости от категории и особенностей уголовного дела.

Данные меры организационного характера со стороны суда особенно необходимы при наличии тех ситуаций, когда государственный обвинитель в силу разных причин не владеет материалами рассматриваемого уголовного дела, а защитник пытается «развалить» это дело даже при отсутствии у него сомнения в виновности его подзащитного в совершении инкриминируемого ему деяния.

Наша позиция по данной проблеме однозначна: к предметной области криминалистики относятся технические, тактические и методические средства и методы, адресуемые органам предварительного расследования, прокурору (государственному обвинителю) и суду. Что же касается обеспечения такого рода средствами и методами деятельности по профессиональной защите от уголовного преследования на досудебной стадии производства и в ходе судебного разбирательства уголовного дела, то мы склонны к положительному решению этого вопроса.

Мы не разделяем взглядов криминалистов (А.А. Эксархопуло, В.И. Комиссарова, Н.П. Яблокова и др.), которые, распространяя использование достижений криминалистики на сферу профессиональной защиты от уголовного преследования, возражают против отнесения к предметной области этой науки разработке специальных средств и методов, адресуемых защитнику. О.Я. Баев — последовательный сторонник противоположного взгляда на эту проблему — полагает: поскольку теории профессиональной защиты по уголовным делам как самостоятельной дисциплины в настоящее время не существует, «сейчас ее проблемы могут изучаться лишь в рамках науки криминалистики. Это отнюдь не исключает в дальнейшем возможность ее выделения в отдельную отрасль научных знаний» [10: с. 318]. С этой позицией ученого следует согласиться, несмотря на возможную критику нашего и О.Я. Баева мнения со стороны отдельных авторов и должностных лиц органов уголовного преследования.

Однако возникает вопрос: в каких границах криминалистическая наука должна разрабатывать средства и методы профессиональной защиты от уголовного преследования? Правильное решение этого вопроса определяет перспективы развития данной отрасли научного знания.

Представляется, что при разрешении этой проблемы важно исходить из основополагающего принципа уголовного судопроизводства о его назначении, заключающегося, в частности, в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, в защите виновного от назначения ему несправедливого наказания (ст. 6 УПК РФ). Не может в принципе идти речь о разработке криминалистических рекомендаций, направленных не на решение этих задач защиты, а на оказание противодействия следователю или суду в установлении истины по делу в целях избежания подзащитным уголовной ответственности и наказания за совершенное им преступление. Не менее актуальна защитительная деятельность, направленная на недопущение и устранение злоупотреблений со стороны субъекта расследования при производстве следственных действий и принятии процессуальных решений по делу, существенно затрагивающих интересы

подозреваемого, обвиняемого. Деятельность защитника и в этом аспекте должна иметь соответствующее криминалистическое обеспечение.

Другой, не менее важный, принцип уголовного судопроизводства — принцип состязательности сторон — предполагает их состязание на равных, хотя у защитника по сравнению с субъектом расследования весьма скромные правовые возможности по установлению истины по делу. В большей степени этот принцип находит воплощение в ходе судебного следствия. Однако и скромные процессуальные возможности защитника в целях решения этой задачи требуют криминалистического обеспечения.

Изучение практики профессиональной защиты от обвинения свидетельствует о том, что защитники далеко не во всех случаях озабочены поисками истины, часто они ставят себе цель идти путем противодействия следствию и «развалить дело», тем самым способствуя подзащитному уйти от уголовной ответственности и наказания. Для достижения этой цели используются различные тактические средства, в том числе компроментация имеющихся в деле доказательств, побуждение подзащитного отказаться от признания своей вины, выдвижение версии защиты в суде, где возможности проверки новых версий весьма ограничены и др. [11: с. 57; 13: с. 548–550].

Питательной средой для опытного профессионального защитника является односторонность предварительного следствия, его неполнота, обвинительный уклон, нарушения закона при производстве следственных действий и принятии процессуальных решений. С точки зрения требований процессуального закона, нравственного отношения к выполнению защитительной функции, защитник, прежде всего, должен быть озабочен, использованием предоставленных ему законом возможностей по недопущению одностороннего, неполного и необъективного исследования обстоятельств дела, неправильной квалификации содеянного и неадекватной тяжести содеянного и личности подзащитного примененной мере пресечения. Наряду с этим защитник обязан собирать и представлять доказательства, оправдывающие обвиняемого, характеризующие его с положительной стороны и способные смягчить наказание в случае доказанности его виновности. Разумеется, защитник не обязан способствовать утверждению версии обвинения, в противном случае он стал бы участником уголовного преследования, но при осуществлении своих процессуальных функций он должен соответствовать требованиям моральной безупречности и чистоты, неукоснительно соблюдать законность.

На наш взгляд, задачей продолжающейся в России судебной реформы следует считать создание условий для полной реализации принципа состязательности сторон, что будет способствовать предотвращению привлечения к ответственности невиновного, назначения наказания, не соответствующего тяжести содеянного и личности обвиняемого. А это предполагает разработку в уголовном судопроизводстве криминалистических средств и методов защиты.

Возможные опасения ученых, занимающихся по этой проблеме противоположную точку зрения, и участников стороны обвинения, что разработка

криминалистических, тактических и методических средств защиты будет способствовать только противодействию расследованию, по нашему мнению, не имеют достаточных оснований. Напротив, это потребует от участников уголовного преследования точного исполнения требований уголовного судопроизводства при расследовании по уголовным делам. А задачами криминалистической науки станет изучение и обобщение деятельности профессиональных защитников по уголовным делам как еще одной ее объектной области знания, в том числе выявление различного рода несправедных ухищрений с их стороны для достижения своей цели и, соответственно, разработка необходимых тактических и методических средств для их предотвращения или нейтрализации [7: с. 742–746].

Литература

1. *Ароцкер Л.Е.* О методике судебного разбирательства уголовных дел и ее соотношении с методикой расследования // Методика расследования преступлений (общие положения). М.: Юрид. лит., 1976. С. 41–45.
2. *Ароцкер Л.Е.* Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. М.: Юрид. лит., 1964. 223 с.
3. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3. М.: Юристъ, 1997. 480 с.
4. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1. М.: Юристъ, 1997. 408 с.
5. *Белкин Р.С.* Очерки криминалистической тактики: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ВСШ МВД РФ, 1993. 200 с.
6. *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М.: Норма, 2001. 240 с.
7. *Белкин Р.С.* Избранные труды. М.: Норма, 2009. 768 с.
8. *Баев О.Я.* Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. М.: Изд-во «Экзамен», 2003. 432 с.
9. *Баев О.Я.* Роль суда в уголовно-процессуальном исследовании преступлений на этапе судебного следствия // Практическое законодательство. Ставрополь, 2007. № 1 (1). С. 71–77.
10. *Баев О.Я.* Самоидентификация современной криминалистики (объект, предмет и субъектная система современной науки криминалистики) // Библиотека криминалистики. Научный журнал. №4 (5). 2012. С. 308–323.
11. *Бурданова В.С.* Поиски истины в уголовном процессе. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. 262 с.
12. *Васильев А.Н.* Следственная тактика и ее место в системе криминалистики // Советская криминалистика на службе следствия. М., 1961. Вып. 15. С. 5–47.
13. *Зорин Г.А.* Криминалистическая методология. Минск: Амалфея 2000. 608 с.
14. *Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. 272 с.
15. *Корчагин А.Ю.* Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.09. Краснодар, 2008. 40 с.
16. *Светочев В.А.* Криминалистическая методика судебного разбирательства: постановка проблемы // Вестник криминалистики. Вып. 4 (36). М.: Спарк, 2010. С. 116–120.
17. *Филиппов А.Г.* Еще раз к вопросу о системе криминалистики // Вестник криминалистики. Вып. 2. М.: Спарк, 2001. С. 43–52.

18. Чурилов С.Н. К вопросу о сферах применения достижений криминалистики // Вестник криминалистики. Вып. 3 (39). М.: Спарк, 2011. С. 7–12.
19. Чурилов С.Н. Понятие и структура криминалистической методики нуждаются в расширении // Вестник криминалистики. Вып. 1 (41). М.: Спарк, 2012. С. 13–17.
20. Чурилов С.Н., Никифоров В.Г. Источники судебных криминалистических методических рекомендаций // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 2 (14). С. 56–64.
21. Эксархопуло А.А. Учение о предмете криминалистики как теоретическая база для постановки ее актуальных задач // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3 (4). С. 37–46.

Literatura

1. Aroczer L.E. O metodike sudebnogo razbiratel'stva ugovolny'x del i ee sootnoshenii s metodikoj rassledovaniya // Metodika rassledovaniya prestuplenij (obshhie polozheniya). М.: Yurid. lit., 1976. S. 41–45.
2. Aroczer L.E. Ispol'zovanie dannyx kriminalistiki v sudebnom razbiratel'stve ugovolny'x del. М.: Yurid. lit., 1964. 223 s.
3. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki: v 3 t. T. Z. М.: Yurist", 1997. 480 s.
4. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki: v 3 t. T. 1. М.: Yurist", 1997. 408 s.
5. Belkin R.S. Ocherki kriminalisticheskoy taktiki: ucheb. posobie. Volgograd: Izd-vo VSSh MVD RF, 1993. 200 s.
6. Belkin R.S. Kriminalistika: problemy' segodnyashnego dnya. М.: Norma, 2001. 240 s.
7. Belkin R.S. Izbrannye trudy. М.: Norma, 2009. 768 s.
8. Baev O.Ya. Taktika ugovolnogo presledovaniya i professional'noj zashhity' ot nego. М.: Izd-vo «E'kzamen», 2003. 432 s.
9. Baev O.Ya. Rol' suda v ugovolno-processual'nom issledovanii prestuplenij na e'tape sudebnogo sledstviya // Prakticheskoe zakonodatel'stvo. Stavropol', 2007. № 1 (1). S. 71–77.
10. Baev O.Ya. Samoidentifikaciya sovremennoj kriminalistiki (ob'ekt, predmet i sub'ektnaya sistema sovremennoj nauki kriminalistiki) // Biblioteka kriminalistiki. Nauchnyj zhurnal. № 4 (5). 2012. S. 308–323.
11. Burdanova V.S. Poiski istiny' v ugovolnom processe. SPb.: Izd-vo «Yuridicheskij centr Press», 2003. 262 s.
12. Vasil'ev A.N. Sledstvennaya taktika i ee mesto v sisteme kriminalistiki // Sovetskaya kriminalistika na sluzhbe sledstviya. М., 1961. Vyp. 15. S. 5–47.
13. Zorin G.A. Kriminalisticheskaya metodologiya. Minsk: Amalfeya 2000. 608 s.
14. Kokorev L.D., Kuznezov N.P. Ugolovny'j process: dokazatel'stva i dokazy'vanie. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1995. 272 s.
15. Korchagin A.Yu. Organizacionno-takticheskie i metodicheskie osnovy' kriminalisticheskogo obespecheniya sudebnogo razbiratel'stva ugovolny'x del: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. 12.00.09. Krasnodar, 2008. 40 s.
16. Svetochev V.A. Kriminalisticheskaya metodika sudebnogo razbiratel'stva: postanovka problemy' // Vestnik kriminalistiki. Vy'p. 4 (36). М.: Спарк, 2010. S. 116–120.
17. Filippov A.G. Eshhe raz k voprosu o sisteme kriminalistiki // Vestnik kriminalistiki. Vy'p. 2. М.: Спарк, 2001. S. 43–52.
18. Churilov S.N. K voprosu o sferax primeneniya dostizhenij kriminalistiki // Vestnik kriminalistiki. Vy'p. 3 (39). М.: Спарк, 2011. S. 7–12.

19. *Churilov S.N.* Ponyatie i struktura kriminalisticheskoy metodiki nuzhdayutsya v rasshirenii // Vestnik kriminalistiki. Vy'p. 1 (41). M.: Spark, 2012. S. 13–17.

20. *Churilov S.N., Nikiforov V.G.* Istochniki sudebny'x kriminalisticheskix metodicheskix rekomendacij // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2014. № 2 (14). S. 56–64.

21. *E'ksarxopulo A.A.* Uchenie o predmete kriminalistiki kak teoreticheskaya baza dlya postanovki ee aktual'ny'x zadach // Biblioteka kriminalista. Nauchny'j zhurnal. 2012. № 3 (4). S. 37–46.

S.N. Churilov

About the Subject, Subjectivity and System of Forensics

The article considers the problem of the subject, subjectivity and the system of forensics. The author points out that only officials of the criminal prosecution, forensic activities and the court can be referred to the subjective system of forensics.

Keywords: subject and system of criminalistics; subjectivity of criminology; the scope of criminology recommendations.

О.В. Ефимова

Территории опережающего социально-экономического развития как особые условия осуществления предпринимательской деятельности

Необходимость создания условий для успешного осуществления предпринимательской и иной хозяйственной деятельности формирует конечную цель принятия соответствующих нормативных актов, а именно — развитие территории Российской Федерации. Создание территорий опережающего социально-экономического развития при поддержке публичной власти позволит физическим или юридическим лицам не только надлежащим образом проявить себя в предпринимательстве, но в итоге решить и многие социальные вопросы.

Ключевые слова: территории опережающего социально-экономического развития; соглашение о создании территории опережающего развития; предпринимательская деятельность; резидент.

В условиях рыночной экономики важное значение имеет государственное регулирование предпринимательской деятельности, которое должно быть направлено на создание благоприятных условий для ее осуществления. Развитие предпринимательства обеспечивает занятость населения, рост его доходов, а также повышение доходов бюджета [2: с. 375]. Государственное регулирование предпринимательской деятельности должно осуществляться преимущественно не прямыми, а косвенными методами, в том числе путем предоставления налоговых льгот, создания благоприятного правового режима и т. д.

Государственное регулирование предпринимательской деятельности осуществляется в том числе путем формирования особого правового режима. Вопрос о понятии и классификации правовых режимов осуществления предпринимательской деятельности в российской юридической науке до сих пор остается дискуссионным [1: с. 22].

Формирование особого правового режима осуществления предпринимательской деятельности происходит либо в отношении определенных субъектов¹, либо в отношении определенной территории, а в некоторых случаях — по совокупности названных условий. Подобное регулирование осуществляется государством, в частности, посредством норм Федерального закона № 473-ФЗ от 29.12.14 г. «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»² (далее по тексту ФЗ № 473), Федерального закона № 392-ФЗ от 30.12.2011 «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³. Несмотря на общность данных территорий, проявляющейся как в цели их создания, так и в формировании условий правового режима, законодатель запрещает дублировать на одной и той же территории создание и территории опережающего социально-экономического развития (в дальнейшем по тексту «территория опережающего развития») и зоны территориального развития.

Наше исследование будет посвящено исследованию условий функционирования такого правового явления, как территория опережающего развития, и определению правовой сущности данного правового явления.

В соответствии с нормами ФЗ № 473 территорией опережающего развития признается часть территории субъекта Российской Федерации, на которой установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения. Так, в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации № 941 от 19.09.16 г. «О создании территории опережающего социально-экономического развития «Анжеро-Судженск» на территории, соответствующей описанию границы муниципального образования «Анжеро-Судженский городской округ» (Кемеровская область) создана территория опережающего развития «Анжеро-Судженск»⁴.

Особый режим (условия) благоприятствования для осуществления предпринимательской деятельности создается путем формирования:

- порядка создания и прекращения функционирования территории;

¹ См. например, Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Российская газета, № 164, 31.07.2007.

² Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» // Российская газета, № 299, 31.12.2014.

³ Федеральный закон от 03.12.2011 № 392-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, № 278, 09.12.2011.

⁴ Постановление Правительства РФ от 19.09.2016 № 941 «О создании территории опережающего социально-экономического развития Анжеро-Судженск» // Собрание законодательства РФ, 26.09.2016, № 39, ст. 5662.

- специального субъектного состава;
- перечня видов деятельности, допускаемых на данной территории;
- предоставления имущества на определенном вещном или обязательственном праве;
- налоговых льгот и субсидий для субъектов указанной территории.

Создание территории опережающего развития проходит следующие этапы:

1. Принятие Правительством РФ решения в форме постановления о создании территории опережающего развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов), в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения, и монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) со стабильной социально-экономической ситуацией.

Выбор муниципального образования осуществляется на основании предложения уполномоченного федерального органа из числа образований, включенных в Перечень, утвержденный Правительством РФ.

2. По истечении 30 дней со дня принятия решения, указанного на первом этапе, должно быть подписано соглашение о создании территории опережающего развития. Данное соглашение подписывается уполномоченным федеральным органом, высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации и исполнительно-распорядительным органом муниципального образования, на территории которых создается территория опережающего социально-экономического развития.

Данное соглашение определяет действия сторон, направленные на формирование и функционирование территории опережающего развития. В частности, указанное соглашение может содержать условия, определяющие:

- обязательства стороны по передаче управляющей компании⁵ в собственность или аренду земельных участков и иных объектов недвижимости, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территории опережающего социально-экономического развития;
- порядок финансирования строительства, реконструкции и (или) эксплуатации объектов инфраструктуры территории опережающего развития за счет бюджетных и внебюджетных источников финансирования;
- порядок эксплуатации объектов инфраструктуры на территории опережающего развития, созданных за счет бюджетных и внебюджетных средств и расположенных на данной территории;
- порядок владения, пользования и распоряжения имуществом, созданным за счет бюджетных и внебюджетных средств и расположенным на данной территории
- условия предоставления резидентам исследуемой территории налоговых льгот по уплате налогов на имущество организаций, земельного налога, в том числе сроки предоставления этих льгот.

⁵ См. п. 3.

После создания территории опережающего развития требуется уже (как определенное правовое явление) соответствующее управление ею для достижения целей, ради которых создается данная территория.

Управление осуществляется следующими органами/субъектами:

1. Наблюдательный совет. Данный орган призван координировать и контролировать процедуру исполнения соглашения о создании территории опережающего развития, содействовать резидентам в реализации их проектов.

Состав совета формируется в количестве не более чем 10 человек и утверждается уполномоченным федеральным органом. В качестве членов данного совета выступают представители уполномоченного федерального органа, высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, иных государственных органов и исполнительно-распорядительного органа муниципального образования, а также управляющей компании.

Регулирование деятельности данного органа осуществляется Приказом Минвостокразвития России от 27.02.2015 № 20 «Об утверждении положения о наблюдательном совете территории опережающего социально-экономического развития»⁶.

2. Уполномоченный федеральный орган. Указанный орган призван контролировать правомерность осуществления строительства путем выдачи разрешений на строительство и на ввод объектов в эксплуатацию, формировать планировку территории опережающего развития в целях ее комплексного развития, осуществлять контроль за деятельностью иных субъектов территории развития.

3. Управляющая компания. Наименование данного субъекта, созвучное участнику правоотношений по доверительному управлению, регулируемых нормами ст.ст. 38, 41, 209, гл. 53 ГК РФ, определяет набор его полномочий, направленных на управление имуществом, переданным ему в доверительное управление. Однако, исходя из полномочий, предоставленных законодателем управляющей компании на территории опережающего развития, можно говорить о наличии у коммерческого субъекта публичных функций. Так, управляющая компания осуществляет функции многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг, ведет реестр резидентов.

Осуществляя управление на вверенной территории, данная компания выступает в качестве застройщика объектов инфраструктуры, обеспечивает функционирование объектов инфраструктуры; предоставляет информацию о наличии земельных участков и иного недвижимого имущества, расположенных на территории опережающего развития и подлежащих сдаче в аренду, путем размещения ее на своем официальном сайте, получает технические условия подключения (технологического присоединения) к сетям инженерно-

⁶ Приказ Минвостокразвития России от 27.02.2015 № 20 (ред. от 28.07.2016) «Об утверждении положения о наблюдательном совете территории опережающего социально-экономического развития» (Зарегистрировано в Минюсте России 26.03.2015 № 36569) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, № 36, 07.09.2015.

технического обеспечения и осуществляет передачу этих условий индивидуальным предпринимателям, юридическим лицам, осуществляющим строительство или реконструкцию.

Функции, которые вправе осуществлять управляющая компания, определяют территорию опережающего развития в правовом поле не только как совокупность определенных правовых условий, но и в качестве объекта управления.

Для управления данным объектом управляющей компании в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, передаются на праве собственности или аренды земельные участки, здания, строения, сооружения, находящиеся в государственной или муниципальной собственности и расположенные на территории опережающего социально-экономического развития.

Все указанные выше действия управляющая компания может осуществлять как сама, так и через свои дочерние компании.

Управляющая компания может быть создана только в форме акционерного общества, в котором 100 % акций уставного капитала принадлежат Российской Федерации.

Одними из основных участников деятельности, направленной на опережающее социально-экономическое развитие определенной территории, являются резиденты территории опережающего социально-экономического развития. В качестве таковых могут выступать только индивидуальные предприниматели или коммерческие юридические лица, если:

- их государственная регистрация была осуществлена на территории опережающего развития;
- они заключили соглашение об осуществлении деятельности на данной территории;
- они включены в реестр резидентов территории опережающего социально-экономического развития.

Приобретение статуса резидента осуществляется посредством предъявления в управляющую компанию заявки на заключение соглашения об осуществлении деятельности. Назначение данной заявки позволяет определить ее как предложение, адресованное конкретным лицам и достаточно определенно выражающее намерение лица заключить договор (оферта).

Кроме того, данная заявка является также документом, подтверждающим соответствие заявителя установленным требованиям. В заявке должны содержаться сведения:

- 1) о видах экономической деятельности заявителя на территории опережающего социально-экономического развития;
- 2) о площади земельного участка или об ином имуществе, необходимых для осуществления заявленной экономической деятельности;
- 3) о величине необходимой присоединяемой мощности энергопринимающих устройств заявителя, а также иных ресурсов, необходимых для осуществления деятельности;

4) о сроке, на который предлагается заключить соглашение об осуществлении деятельности.

К заявке прилагаются документы подтверждающие, в частности, необходимый правовой статус, а также, в обязательном порядке, бизнес-план.

Рассмотрение указанных документов адресатом оферты должно осуществляться в течение 15 рабочих дней, и по итогам — либо заключается соглашение с потенциальным резидентом, или он получает отказ в таком заключении.

При положительном решении управляющая компания вносит запись в реестр резидентов. Именно с данного момента коммерческая организация или индивидуальный предприниматель приобретают статус резидента территории опережающего развития.

Данный статус позволяет указанным субъектам осуществлять как деятельность, предусмотренную соглашением об осуществлении деятельности, так и инвестирование, в том числе капитальные вложения. Имея целью создание необходимых условий для успешной предпринимательской деятельности резидентов, управляющая компания обязуется предоставить каждому резиденту в собственность или аренду земельный участок, а также обеспечить иные условия, предусмотренные законодателем.

Прекращение существования территории опережающего развития происходит также на основании решения, принятого Правительством РФ по предложению уполномоченного органа. Однако такое предложение может быть выдвинуто только при наличии одного из следующих оснований:

– это необходимо для охраны жизни или здоровья граждан, охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, охраны окружающей среды, обеспечения обороны страны и безопасности государства;

– отсутствие соглашений об осуществлении деятельности по истечении трех лет с даты принятия решения о создании территории опережающего развития.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о правовой сущности территории опережающего развития не столько как совокупности особых условий, формирующих правовой режим имущества, сколько как о восприятии данной территории в качестве объекта воздействия и со стороны участников гражданских правоотношений (в процессе доверительного управления) и публичных субъектов (при формировании и ведении реестра резидентов территории опережающего развития).

Литература

1. *Ершова И.В.* Специальный правовой режим деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства: доктринальные и законодательные подходы // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 2. С. 22–26.

2. *Каменских Н.А.* Совершенствование механизма защиты предпринимательства на муниципальном уровне // Права и свободы человека и гражданина: теоретические

аспекты и юридическая практика: материалы ежегодной Международной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского. Рязань: Концепция, 2015. С. 375–377.

Literatura

1. *Ershova I.V.* Special'ny'j pravovoj rezhim deyatel'nosti sub'ektov malogo i srednego predprinimatel'stva: doktrinal'ny'e i zakonodatel'ny'e podxody // Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava. 2016. № 2. S. 22–26.

2. *Kamenskix N.A.* Sovershenstvovanie mexanizma zashhity' predprinimatel'stva na municipal'nom urovne // Prava i svobody' cheloveka i grazhdanina: teoreticheskie aspekty' i yuridicheskaya praktika: materialy' ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii pamyati professora F.M. Rudinskogo. Ryazan': Konceptiya, 2015. S. 375–377.

O.V. Efimova

Areas of Outrun Social and Economic Development as Specific Conditions of Doing Business

The need to create conditions for the successful implementation of enterprise and other economic activities form the ultimate goal of adoption of relevant legislation, namely, the development of the Russian Federation. Creating areas of outrun social and economic development with support from public authorities will allow individuals or entities not only to properly express themselves in business but in the end solve many social issues.

Keywords: areas of outrun social and economic development; the agreement on the creation of the territory of priority development; entrepreneurship; a resident.

Л.Б. Ситдикова

Теория и практика применения законодательства в вопросе определения содержания круга существенных условий в договоре возмездного оказания медицинских услуг

Определению содержания круга существенных условий договора возмездного оказания медицинских услуг уделяется значительное внимание в юридической литературе. Между тем эта проблема остается актуальной, поскольку неоднозначность правовых норм, регулирующих существенные условия, приводит к различному толкованию этого вопроса как в научной литературе, так и в судебной практике. От правильного решения вопроса о наличии или отсутствии в договоре существенных условий зависит признание его заключенным.

Ключевые слова: услуга; медицинская услуга; договор.

В рамках исследования большое теоретическое и практическое значение приобретают вопросы, относящиеся к содержанию договора возмездного оказания медицинских услуг, и важнейшим из них является определение существенных условий договора. Необходимость определения существенных условий любого договора, по мнению Д.И. Степанова, «...обусловлена спецификой признания договора заключенным, так как отсутствие в договоре хотя бы одного из условий, отнесенных к существенным, превращает договор в незаключенное соглашение» [5: с. 257]. Поэтому договор возмездного оказания медицинских услуг является инструментом, позволяющим рассматривать взаимоотношения между пациентом и исполнителем услуги под углом гражданско-правового регулирования.

К существенным условиям договора возмездного оказания услуг, поименованным в п. 1 ст. 434 ГК РФ, относится условие о предмете договора.

Как следует из легального определения, данного в ст. 779 ГК РФ, предмет договора может определяться либо как совершение определенных действий, либо как осуществление определенной деятельности. Поэтому можно утверждать, что если в договоре возмездного оказания медицинских услуг указаны определенные действия, либо действия, исполнение которых возложено на исполнителя медицинских услуг, то данный договор считается заключенным.

В качестве предмета исполнения в договоре возмездного оказания медицинских услуг должен выступать какой-либо полезный эффект (например, лечение, обследование пациента и т. д.).

Следует отметить, что получаемый полезный эффект, как правило, выражается в нематериальном характере положений отдельных пунктов договора, так как он в целом не направлен на создание новой вещи или изменение потребительских свойств конкретной вещи. Полагаем, что основу предмета договора возмездного оказания медицинских услуг образуют различного рода отношения, связанные с лечением, выздоровлением пациента, т. е. отношения, связанные с воздействием на жизнь и здоровье человека. Наличие всех необходимых элементов существенных условий договора возмездного оказания медицинских услуг является неотъемлемым условием для полноценной практической реализации его положений, достижения того благоприятного результата, на который стороны рассчитывали при его заключении. Рассматривая этот вопрос, необходимо проанализировать как общие положения гражданского законодательства о договоре, так и специальные нормы законов и подзаконных актов, регулирующих особенности отношений, связанных с воздействием на жизнь и здоровье человека.

Согласно ст. 17 Правил предоставления платных медицинских услуг, содержащей полный перечень положений, которые должны содержаться в договоре оказания платных медицинских услуг, среди них обязательно должны присутствовать: «...перечень предоставляемых медицинских услуг, порядок их оплаты, а также условия предоставления медицинских услуг» [1]. Как отмечает А.Р. Шаяхметова, «...формулируя в тексте договора наименование медицинской услуги, нужно использовать наиболее простую и доступную лексику, без включения специализированной терминологии, применяемой в медицинской практике и недоступной для понимания граждан. В случае если исходя из специфики конкретной медицинской деятельности, упрощенное описание не представляется возможным, рекомендуется использовать пояснения, раскрывающие суть оказываемой услуги» [6: с. 29].

В качестве примера можно привести результаты судебного рассмотрения спора. После лазерной коррекции зрения проведенной специалистами ООО «Ясный взгляд» у гр. О. Лазаревой обнаружились последствия дальнозоркости, которой до операции у нее не было. Гражданка О. Лазарева потребовала от ООО «Ясный взгляд» вернуть оплату за оказанную услугу по лазерной коррекции зрения в связи ухудшением зрения после операции, на что получила отказ. Отказывая О. Лазаревой, ООО «Ясный взгляд» сослалось на наличие в медицинской карте пациентки «Согласие пациента на лазерную коррекцию», в котором имелось предупреждение о возможности сохранения у пациента остаточной миопии гиперметропии, астигматизма после лазерной коррекции.

Суд первой инстанции в иске отказал, однако в дальнейшем суд второй инстанции в своем решении поддержал требования истца о расторжении договора на оказание платных медицинских услуг и возврате стоимости лечения.

В своем решении суд указал, что согласие О. Лазаревой на лазерную коррекцию зрения, содержащееся в медицинской карте, «...содержит специальные медицинские термины, затруднительные для восприятия обывателя, не имеющего специальных познаний в области медицины. Таким образом, в ходе судебного разбирательства, предметом доказывания становится понятие “доступность” медицинских терминов пониманию пациента» [2].

Неоднозначность правовых норм, регулирующих существенные условия договора возмездного оказания услуг, приводит к различному толкованию этого вопроса как в научной литературе, так и в судебной практике. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» закрепило положение о том, что при оказании платных медицинских услуг в договоре обязательно указываются условия и сроки их оказания. В то же время в рекомендациях научно-консультативного совета при ФАС Волго-Вятского округа «О практике применения норм гражданского законодательства» изложена точка зрения, согласно которой единственным существенным условием договора возмездного оказания услуг является предмет. В том случае, если в договоре не указаны сроки оказания услуг, это не лишает стороны права руководствоваться положениями ст. 314 ГК РФ [3].

По нашему мнению, подход, при котором учитываются особенности предмета договора, можно применять и в отношении договоров об оказании возмездных медицинских услуг. Особенности объекта воздействия таких правоотношений (самочувствие, состояние здоровья и жизни пациента) не всегда позволяют определить момент времени, в который наиболее целесообразно прекратить оказание услуг медицинского характера, нередко возможны ситуации, когда в силу непредвиденной реакции человеческого организма на используемые исполнителем приемы или медикаменты процесс оказания услуги растягивается во времени.

Помимо определенности в вопросе о необходимости оказания сроков оказания услуг, нормы, содержащиеся в Правилах предоставления платных медицинских услуг, раскрыли еще несколько особенностей правоотношений в медицинской сфере. В данном случае применяются именно специальные положения ст. 424 ГК РФ, раскрывающей порядок определения цены возмездного договора. Так, ст. 8 Правил устанавливает, что «порядок определения цен (тарифов) на медицинские услуги, предоставляемые медицинскими организациями, являющимися бюджетными и казенными государственными (муниципальными) учреждениями, устанавливается органами, осуществляющими функции и полномочия учредителей». Право самостоятельного определения цен на предоставляемые услуги предоставлено медицинским организациям любых иных организационно-правовых форм.

Пункт 21 Правил предоставления медицинских услуг закрепляет норму о том, что «в случае, если при предоставлении платных медицинских услуг требуется предоставление на возмездной основе дополнительных услуг, которые не предусмотрены договором, исполнитель медицинских услуг обязан предупредить об этом пациента, который в случае согласия оплачивает дополнительные услуги».

Однако в силу особой ценности объекта воздействия медицинского вмешательства законодатель допускает, что если необходимость осуществления дополнительных медицинских действий возникает по экстренным показаниям, для устранения угрозы жизни пациента (получателя медицинских услуг) при внезапных острых заболеваниях или состояниях, обострениях хронических заболеваний исполнитель услуг обязан оказать медицинские услуги в интересах пациента без взимания с него дополнительной платы. Такое положение еще раз подчеркивает особый статус пациента медицинских услуг в гражданско-правовых отношениях, реализует законодательно закрепленный приоритет здоровья человека непосредственно при оказании ему медицинской помощи. Таким образом, отметим, что договор возмездного оказания медицинских услуг не всегда можно определить как исключительно гражданско-правовое соглашение, возможны ситуации, когда в нем можно встретить элементы административного характера.

В результате исследования содержания круга существенных условий в договоре возмездного оказания медицинских услуг, мы пришли к выводу, что отсутствие договоренности сторон по вопросу о цене и сроках оказания медицинской услуги делает невозможным надлежащее исполнение договора. В целях совершенствования практики заключения подобных договоров, обосновывается целесообразность расширения содержания круга существенных условий с указанием цены и срока оказания медицинской услуги [4: с. 89–90].

Рассматривая договор возмездного оказания медицинских услуг, следует остановиться на элементах договора. Одним из элементов договора возмездного оказания медицинских услуг является его форма.

В силу ст. 158 ГК РФ, сделки гражданско-правового характера могут заключаться в устной или письменной (простой или нотариальной) форме. Письменной формы требуют любые сделки, заключаемые юридическими лицами между собой и с гражданами, либо сделки, совершаемые на сумму, превышающую 10 000 рублей (ст. 161 ГК РФ). Статья 434 ГК РФ устанавливает, что договор может быть заключен в любой форме, предусмотренной для совершения сделок, следовательно, приведенные выше нормы, в том числе применимы и к договорам возмездного оказания услуг. Как нормативно-правовой акт, содержащий специальные нормы в отношении оказания медицинских услуг и заключаемых в их исполнение соглашений Правила предоставления медицинских услуг в ст. 16 содержат императивную норму, согласно которой договор, заключаемый между медицинской организацией и гражданином, намеревающимся получить медицинскую помощь, заключается только в письменной форме.

Полагаем, что данное императивное положение является наиболее приемлемым для сторон заключаемого договора. В письменном договоре можно оговорить вероятность возникновения осложнений не по вине учреждения, за которые оно не несет ответственности, требования, предъявляемые к пациенту для достижения положительного эффекта лечения и т. п. Письменная форма всегда позволяет согласовать всевозможные нюансы, связанные

с индивидуальными особенностями участников правоотношения. В отношении оказания медицинских услуг, как указывает Е.Г. Шаблова [7: с. 134], это преимущество особенно актуально, поскольку предоставляет возможность сторонам в наибольшей степени обезопасить себя от неблагоприятных последствий, а также в письменной форме закрепить ответственность стороны, нарушившей или не исполнившей обязательства по договору.

Отсутствие письменного изложения условий договора возмездного оказания медицинских услуг должно свидетельствовать о неинформированности пациента об объеме услуги и ее содержании, даже если фактически такая информация была ему предоставлена в необходимом и достаточном количестве. Непредоставление информации об оказываемых услугах является грубым правонарушением со стороны медицинской организации и как субъекта отношений по охране здоровья граждан, и как исполнителя услуг в гражданском обороте.

Таким образом, проанализировав источники правового регулирования отношений возмездного оказания медицинских услуг, а также точки зрения ученых и практиков, касающиеся вопросов определения круга существенных условий и формы договора возмездного оказания медицинских услуг, целесообразно будет предложить обязательный перечень элементов, составляющих структуру такого договора:

- 1) сведения об исполнителе услуг (медицинской организации): наименование, место нахождения медицинской организации, сведения о документе, подтверждающем ее государственную регистрацию, информация о лицензии на осуществление медицинской деятельности;
- 2) сведения о заказчике услуг (потребителе): фамилия, имя и отчество (при наличии), место жительства, контактная информация;
- 3) условия о предмете договора: перечень оказываемых услуг медицинского характера, условия и сроки их предоставления;
- 4) условия о стоимости оказываемых услуг, порядок и сроки оплаты.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 41. Ст. 5628.
2. Сайт Gcourts. Поиск судебных решений судов общей юрисдикции. URL: <http://www.gcourts.ru> (дата обращения: 21.09.2016).
3. Постановление ФАС Волго-Вятского округа «О практике применения норм гражданского законодательства» от 26.02.2012 по делу № А62-2734/2012 // СПС «КонсультантПлюс. Судебная практика».
4. *Сироткина А.А.* Договор оказания медицинских услуг: особенности правового регулирования. М.: Статут, 2004. 174 с.
5. *Степанов Д.И.* Услуги как объект гражданских прав. М.: Статут, 2005. 349 с.
6. *Шаяхметова А.Р.* Договор возмездного оказания медицинских услуг: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012.

7. *Шаблова Е.Г.* Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг: дис. ... д-ра. юрид. наук. Екатеринбург, 2003.

Literatura

1. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 04.10.2012 № 1006 «Ob utverzhdenii Pravil predostavleniya medicinskimi organizatsiyami platny'x medicinskix uslug» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2012. № 41. St. 5628.

2. Sajt Gcourts. Poisk sudebny'x reshenij sudov obshhej yurisdikcii. URL: <http://www.gcourts.ru> (data obrashheniya: 21.09.2016).

3. Postanovlenie FAS Volgo-Vyatskogo okruga «O praktike primeneniya norm grazhdanskogo zakonodatel'stva» ot 26.02.2012 po delu № A62-2734/2012 // SPS «Konsul'tant-Plyus. Sudebnaya praktika».

4. *Sirotkina A.A.* Dogovor okazaniya medicinskix uslug: osobennosti pravovogo regulirovaniya. M.: Statut, 2004. 174 s.

5. *Stepanov D.I.* Uslugi kak ob'ekt grazhdanskix prav. M.: Statut, 2005. 349 s.

6. *Shayaxmetova A.R.* Dogovor vozmeznogo okazaniya medicinskix uslug: problemy' teorii i praktiki: dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2012.

7. *Shablova E.G.* Grazhdansko-pravovoe regulirovanie otnoshenij vozmeznogo okazaniya uslug: dis. ... d-ra. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2003.

L.B. Sitdikova

Theory and Practice of Law in Determining the Content Range of the Essential Conditions of Compensated Rendering of Medical Services Contract

Determining the content range of the essential conditions of the contract for compensated rendering of medical services contract has received a considerable attention in the legal literature. Meanwhile this is still a problem because the ambiguity of legal rules governing the essential conditions leads to various interpretations both in scientific literature and in jurisprudence. The correct solution to the problem of the presence or absence of the agreement influences the fact of recognizing the concluding of agreement.

Keywords: service; health services; agreement.

Е.И. Свищева

Условия возникновения прав на коммерческое обозначение

В статье раскрыты особенности возникновения прав на коммерческое обозначение в зависимости от существенных условий, таких как: момент возникновения права, субъектный состав, территория действия права, срок действия права. Автором высказаны предложения по совершенствованию действующего законодательства и рассмотрены актуальные проблемы возникновения права, в том числе на коммерческое обозначение как объект авторского права. Высказанные предложения позволят усовершенствовать систему реализации прав на рассматриваемое средство индивидуализации в гражданском обороте.

Ключевые слова: коммерческое обозначение; условие возникновения права; предприятия; интеллектуальная собственность; юридические лица; индивидуальные предприниматели; некоммерческие организации.

Для эффективного участия в гражданском обороте юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям и предприятиям (в широком понимании понятия) необходимо использовать средства индивидуализации. При заявлении о себе на рынке товаров, работ и услуг предпринимателям требуется преодоление конкуренции в конкретном сегменте деятельности, привлечение внимания именно к индивидуализации.

Соответственно, грамотное использование средств индивидуализации является залогом успешности коммерческой деятельности. В рамках данного исследования представляется целесообразным рассмотрение условий возникновения прав на коммерческое обозначение.

Учитывая изложенное, нами выделяются следующие условия, которые играют значительную роль в коммерческой деятельности и на которые следует обращать внимание не только предпринимателям, но и органам власти, судебным инстанциям:

1. Момент возникновения права на коммерческое обозначение.
2. Субъектный состав правоотношений.
3. Территориальное действие права.
4. Срок действия и охраны права.

Первым и самым главным условием является правильное определение момента возникновения права. По общему правилу право на коммерческое обозначение возникает с начала введения обозначения в гражданский оборот. В.О. Калятин обращает внимание, что важной особенностью является начало его *фактического* использования [2: с. 7]. При этом фактическое использование имеет принципиальное различие с получением известности обозначения, их отождествление является ошибочным. Моментом начала использования можно считать и первое отражение коммерческого обозначения в договоре между его правообладателем и контрагентом, например, на изготовление вывески.

Для подтверждения факта начала использования В.И. Бирюлин предлагает вносить дополнительные сведения в учредительные документы юридических лиц [1: с. 8]. Такая точка зрения приводит к тому, что коммерческое обозначение фактически приравнивается к фирменному наименованию. Кроме того, занесение обозначения в какие-либо юридически значимые документы не является само по себе подтверждением использования, а исключительно декларирует принадлежность либо юридическому лицу, либо индивидуальному предпринимателю.

Существует мнение, что хотя и не отражено никаких обязательных требований в законе, коммерческое обозначение является творческим элементом. Безусловно, весомым преимуществом будет являться творческая новизна обозначения — это привлечение клиентов, заявление о себе перед конкурентами и контрагентами, увеличение спроса и еще многие другие экономически положительные результаты.

Отметим, что коммерческое обозначение может иметь какие-либо фантазийные элементы или иллюстрации, что влечет вероятность его отнесения к объектам авторского права, но данный критерий не является обязательным для предоставления охраны средства индивидуализации. Данная точка зрения достаточно прогрессивна и автор считает правомерным отнесение коммерческого обозначения к объектам авторского права на том основании, что оно часто имеет воплощение в виде дизайна, изображения, фотографии, в иных объемно-пространственных формах [11: с. 18].

Таким образом, в результате творческого труда автором может быть создан результат интеллектуальной собственности, например логотип компании, для закрепления права на который в Российской Федерации не требуется дополнительной регистрации. При создании указанного объекта у автора возникают право автора и право на имя, такие права не могут быть переданы третьим лицам или отчуждены — это неимущественные права. Отказ от указанных прав является ничтожным. Следственно, признается авторство правообладателя.

Предполагая ситуацию, где коммерческое обозначение как объект авторского права может быть создано коллективными усилиями, например дизайнерским бюро, то здесь все авторские права имеются и у всех соавторов.

Объект интеллектуальной собственности — логотип — не может быть по закону изменен или искажен, доработан или переработан без согласия

автора, тем самым осуществляется реализация права на неприкосновенность и защиту от искажения произведения.

Безусловно, автор имеет право обнародования произведения, а также вправе передать это право другому лицу, в таком случае он считается согласившимся на его реализацию сторонним лицом.

Таким образом, как объект творческой деятельности коммерческое обозначение может возникнуть в случае создания графического изображения владельцем юридического лица или предприятия, его сотрудниками (тогда такое произведение будет считаться служебным), а также иными организациями или физическими лицами, либо по договору авторского заказа или по договору об оказании услуг по созданию средства индивидуализации.

Подтверждаем факт, что Гражданский кодекс не содержит прямого указания на связь между авторским правом и коммерческим обозначением, но на практике такая связь имеет место быть. Так как рассматриваемое средство индивидуализации обладает достаточно широкими параметрами использования, оно может являться не только словесным, но и графическим (изобразительным) объектом, или чем-либо еще в ином варианте. Учитывая изложенное, можно отметить наличие у обозначения признаков произведения, и данное положение требуется принимать во внимание при введении его в оборот.

Подтверждением высказываемой точки зрения, что при отсутствии регистрации логотипа в качестве товарного знака он признается коммерческим обозначением и может быть объектом авторского права, является судебный спор между ООО «Одноклассники» и ООО «Издательство «Эксмо» по вопросу взыскания компенсации за незаконное использование исключительных прав на дизайн интернет-сайта, прав на доменное имя, и об изъятии из гражданского оборота тиража книги «Одноклассники», содержащей объекты исключительных прав истца [8].

Отметим, что, по мнению некоторых ученых, коммерческие обозначения и средства индивидуализации в целом не могут относиться к объектам творческой деятельности [3: с. 67–68]. В данном случае мы не считаем возможным согласиться с такой точкой зрения, так как средства индивидуализации могут признаваться в ряде случаев произведениями с вполне конкретными авторами. Не следует отрицать вымышленный, фантазийный характер обозначений и существование их в качестве произведений, которые впоследствии могут быть переведены в разряд средств индивидуализации и получить охрану уже как иной объект [11: с. 21].

Следственно, моментом возникновения права на коммерческое обозначение, по нашему мнению, можно признавать два условия:

1. Общеизвестное условие — введение коммерческого обозначения в гражданский оборот и получение известности данного средства индивидуализации.

2. Возникновение права на коммерческое обозначение как объекта авторского права, то есть первоначальное создание обозначения в качестве графического произведения и последующая передача прав на него юридическому

лицу (в том числе предприятию) либо индивидуальному предпринимателю для дальнейшего осуществления их деятельности.

Для возникновения прав на коммерческое обозначение также необходимо соблюдать следующее условие: использовать обозначение могут не все субъекты гражданского оборота. Статья 1538 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает правило использования обозначения исключительно юридическими лицами (в том числе некоммерческими, в соответствии с уставной деятельностью) и индивидуальными предпринимателями для индивидуализации торговых, промышленных и иных предприятий.

Действительно, преимущественное право получают юридические лица, в активе которых находятся предприятия, как имущественные комплексы. Мы отмечаем прямое указание закона. Но учитывая сложившуюся практику использования средств индивидуализации, преимущества, присущие коммерческому обозначению, а также сложную и неоднозначную ситуацию с понятием «предприятие», считаем целесообразным представить характеристику субъектов, имеющих права на коммерческое обозначение, в соответствии со следующей классификацией:

1. Лица, осуществляющие коммерческую деятельность на базе предприятия как имущественного комплекса.
2. Лица, осуществляющие коммерческую деятельность без использования имущественного комплекса.
3. Лица, ведущие некоммерческую деятельность.

К первой представленной категории в основном относятся крупные юридические лица, которые могут позволить себе иметь большое предприятие. Но также в рамках действующего законодательства к их числу могут быть причислены субъекты малого и среднего предпринимательства, а иногда и микропредприятия.

Это категория классического понимания идентификации предприятия с помощью коммерческого обозначения, хоть и неоднократно отмечалась спорность и неоднозначность правовой нормы в отношении предприятия. Данная норма действительно устарела, сегодня невозможно понимание предприятия как субъекта — это своего рода отголосок советского периода. Представление предприятия как объекта является более корректным [4: п. 6.2].

Но существует и иная точка зрения. З.Р. Ожева в своем исследовании указывает, что логичнее было бы отождествление понятий «предприятие» и «юридическое лицо», так как сохраняется потребность представления предприятия как субъекта гражданского оборота, следовательно, и его индивидуализация [5: с. 18].

Нами высказывается следующая позиция: как объект права предприятие не нуждается в средствах индивидуализации, так как владелец предприятия — юридическое лицо, которое должно иметь фирменное наименование и может иметь товарные знаки или знаки обслуживания. Как субъект права предприятие возникает лишь при его использовании индивидуальным предпринимателем, но это достаточно редкий случай. Наиболее приемлемым вариантом

представляется индивидуализация деятельности или товаров, работ, услуг индивидуального предпринимателя с помощью коммерческого обозначения.

Вторая категория — лица, осуществляющие коммерческую деятельность без использования имущественного комплекса — получила распространение с развитием гражданских правоотношений и выходом их на более новый уровень. Ведение бизнеса во многих сферах осуществляется без наличия крупных материальных ресурсов (кроме денежных средств и минимальной персональной техники предприниматели не задействуют традиционные активы). У большинства предпринимателей имеется потребность в индивидуализации бизнеса и своей деятельности, и для ее осуществления им не нужно иметь в собственности имущественные комплексы, здания или сооружения, а уж тем более земельные участки.

Бизнес настоящего времени и бизнес будущего — это не только сверхновое производство, но и интеллектуальные собственность, работы и услуги. Поэтому мы отмечаем возможность индивидуализации с помощью коммерческого обозначения и бизнеса в целом, тем самым средство индивидуализации становится более гибким и способным адаптироваться к новым реалиям гражданских правоотношений. Безусловно, в законе отсутствует данная концепция, и законодателю придется задуматься над внесением изменений в действующую редакцию части 1 статьи 1538 Гражданского кодекса Российской Федерации. На наш взгляд, указанная норма должна быть изложена в следующем варианте:

«1. Юридические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность (в том числе некоммерческие организации, которым право на осуществление такой деятельности предоставлено в соответствии с законом их учредительными документами), а также индивидуальные предприниматели могут использовать для индивидуализации бизнеса (сферы предпринимательской деятельности) и принадлежащих им торговых, промышленных и других предприятий (статья 132) коммерческие обозначения, не являющиеся фирменными наименованиями и не подлежащие обязательному включению в учредительные документы и единый государственный реестр юридических лиц».

Представленная редакция позволяет одновременно использовать коммерческое обозначение для индивидуализации бизнеса, а также предприятий, товаров, работ и услуг.

Последняя категория субъектов — некоммерческие организации, в рамках устава ведущие предпринимательскую деятельность. К таким организациям могут быть причислены государственные казенные учреждения, государственные бюджетные учреждения, государственные унитарные предприятия и муниципальные унитарные предприятия, социально ориентированные некоммерческие организации, ассоциации и союзы, адвокатские палаты, адвокатские образования, автономные некоммерческие организации.

А.С. Рябчиковой справедливо отмечено, что отсутствует какой-либо системный подход к решению вопроса индивидуализации некоммерческих юридических лиц и их деятельности [9: с. 8]. Кроме того, этим автором предлагается различать средства индивидуализации организаций и их деятельности.

Именно поэтому считаем необходимым обратить внимание на судебное дело с участием автономных некоммерческих организаций, которое наглядно иллюстрирует и проблемы использования коммерческого обозначения при отсутствии у субъекта предпринимательской деятельности предприятия и проблемы использования обозначения некоммерческими организациями.

Примером может служить иск НОУ СОШ «Московский лицей “Ступени”» к ЧОУ «Частная общеобразовательная школа «Ступени» о запрете использования охраняемого элемента «Ступени», так как он является товарным знаком истца (свидетельство № 469193 от 22.08.2012), и об обязанности исключить спорный элемент из объявлений, вывесок, сайтов и других носителей.

Московский лицей «Ступени» является правообладателем товарного знака с приоритетом использования от 18.05.2011, ответчик (частная общеобразовательная школа «Ступени») в свою очередь внесен в государственный реестр юридических лиц 31.12.1997, а в качестве образовательного учреждения с использованием слова «Ступени» зарегистрирован 11.09.1995, первая редакция учредительных документов представлена 22.11.1993.

Стороны — некоммерческие организации: образовательные учреждения, осуществляющие предпринимательскую деятельность в соответствии с уставными целями лишь для их достижения.

Суд установил, что частная общеобразовательная школа «Ступени» ведет непрерывно деятельность как минимум с 1997 года, уже приобрела известность на определенной территории (Западный административный округ города Москвы), таким образом, указанная некоммерческая организация приобрела исключительное право на коммерческое обозначение ранее, чем истец на товарный знак. В связи с чем суд признал иски требования необоснованными и отказал в их удовлетворении [7].

Таким образом, представленный пример показывает, что судом не было принято во внимание отсутствие нормы о коммерческих обозначениях на момент начала деятельности частной общеобразовательной школы «Ступени» (1993–1997 гг.), также судом не учитывается несоответствие общеобразовательной школы понятию «предприятие» (статья 132 Гражданского кодекса Российской Федерации), для индивидуализации которого используется исследуемое обозначение. Такая позиция является подтверждением представляемой нами точки зрения об устарелости нормы для индивидуализации исключительно предприятия как имущественного комплекса. Вместе с тем суд пренебрег нормами материального права и распространил правила статьи 1538 Гражданского кодекса Российской Федерации на правоотношения, возникшие ранее вступления в силу 4 части Гражданского кодекса и наличия самого средства индивидуализации.

Также положительным элементом данного судебного решения является подтверждение возможности активного использования коммерческого обозначения некоммерческими организациями при осуществлении ими предпринимательской деятельности в рамках, установленных законом.

Остается нераскрытым вопрос о параметрах территориального действия исключительного права на коммерческое обозначение, то есть вопрос не только его известности, но и рамок охраны и защиты прав на характеризваемое средство индивидуализации.

З.Р. Ожева указывает на отсутствие параметров территории в отношении коммерческого обозначения [6: с. 43]. По нашему мнению, замечание Зары Руслановны можно отнести исключительно к признаку известности на определенной территории. В отношении охраны в статье 1541 Гражданского кодекса получило закрепление правило о том, что исключительное право на коммерческое обозначение действует на территории Российской Федерации и только для индивидуализации предприятий, находящихся на указанной территории.

В связи с этим отметим, что при отсутствии за рубежом коммерческого обозначения в значении, принимаемом в российском праве, мы не можем говорить о возможности причисления иных объектов интеллектуальной собственности иностранных государств по формальным признакам к коммерческим обозначениям и распространении на них существующих прав на территории России или за ее границами. Учитывая указанные причины, использование коммерческого обозначения российского предприятия на территории других стран также не является целесообразным.

Территорию охраны и защиты исключительного права на коммерческое обозначение в редких случаях можно ограничить по договорным основаниям. Например, Лицензионным договором на использование рассматриваемого средства индивидуализации, в том числе совместно с товарным знаком, можно ограничить рамки действия права. Если в Лицензионном договоре не закреплена конкретная территория, на которой возможно использование средств индивидуализации, то по общему правилу использование может осуществляться на территории всей страны [10: с. 42].

Следственно, для корректного осуществления предпринимательской деятельности с использованием коммерческого обозначения следует различать территорию, на которой необходимо получение известности для обозначения — как признак охраноспособности, и территорию, в рамках которой осуществляется реализация, охрана и защита прав.

После исполнения всех вышеобозначенных условий правообладателю необходимо поддерживать непрерывную жизнеспособность обозначения, так как законом установлено гибкое правило действия исключительных прав на коммерческое обозначение: права автоматически прекращаются при неиспользовании средства индивидуализации более года.

Обозначенное условие необходимо учитывать и предпринимателям, получающим право использования обозначения по гражданско-правовым договорам или в результате универсального правопреемства. Например, при прохождении процедуры реорганизации, достаточно долгосрочного в некоторых случаях процесса, коммерческое обозначение может не использоваться более года, и здесь будет важен именно факт непрерывности.

Кроме того, данное условие следует взять на заметку контрагентам, желающим безвозмездно приобрести право на коммерческое обозначение, уже получившее известность на определенной территории, отвечающее иным необходимым признакам охраноспособности. Достаточно, чтобы конкурент перестал использовать непрерывно свое обозначение более года, и, представив доказательства такого факта, можно получить законное право на использование некогда чужого обозначения без нарушения каких-либо прав.

Литература

1. Джермакян В.Ю., Бирюлин В.И. Коммерческое обозначение, или кот в мешке // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2007. № 8. С. 6–11.
2. Калятин В.О. Комментарий главы 76 части 4 Гражданского кодекса РФ // Хозяйство и право. 2008. № 4. С. 3–21.
3. Ключун Т.Г. Исключительное право на коммерческое обозначение в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 168 с.
4. Концепция развития гражданского законодательства РФ (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11. С. 7–99.
5. Ожева З.Р. Исключительные права на коммерческое обозначение в предпринимательском праве Российской Федерации: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2013. 34 с.
6. Ожева З.Р. Исключительные права на коммерческое обозначение в предпринимательском праве Российской Федерации: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 142 с.
7. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28.11.2013 № 09АП-37867/2013 по делу № А40-64429/13/Официальный web-сайт «Электронного правосудия». URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/3f6bb3ed-e303-42db-b6c6-f9a0684d0907> (дата обращения: 02.05.2016).
8. Постановление ФАС Московского округ от 25.05.2009 № КГ-А40/1594-09 по делу № А40-18395/08-26-81/Официальный web-сайт «Электронного правосудия». URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/d0a676f8-3c2f-4ac7-bedf-1ea8b525b4a0> (дата обращения: 02.05.2016).
9. Рябчикова А.С. Правовое регулирование средств индивидуализации некоммерческих организаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 26 с.
10. Свищева Е.И. Особенности распоряжения правом на коммерческое обозначение по гражданско-правовым договорам // Право и экономика. 2014. № 7. С. 41–47.
11. Свищева Е.И. Признаки охраноспособности коммерческих обозначений // Вестник арбитражной практики. 2014. № 3. С. 16–21.

Literatura

1. Dzhermakyan V.Yu., Biryulin V.I. Kommercheskoe oboznachenie, ili kot v meshke // Patenty' i licenzii. Intellektual'ny'e prava». 2007. № 8. S. 6–11.
2. Kalyatin V.O. Kommentarij glavy' 76 chasti 4 Grazhdanskogo kodeksa RF // Hozyajstvo i pravo. 2008. № 4. S. 3–21.
3. Klochun T.G. Isklyuchitel'noe pravo na kommercheskoe oboznachenie v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2007. 168 s.

4. *Koncepciya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva RF (odobrena resheniem Soveta pri Prezidente RF po kodifikacii i sovershenstvovaniyu grazhdanskogo zakonodatel'stva ot 07.10.2009) // Vestnik VAS RF. 2009. № 11. S. 7–99.*

5. *Ozheva Z.R. Isklyuchitel'ny'e prava na kommercheskoe oboznachenie v predprinimatel'skom prave Rossijskoj Federacii: problemy' teorii i praktiki: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Moskva. 2013. 34 s.*

6. *Ozheva Z.R. Isklyuchitel'nye prava na kommercheskoe oboznachenie v predprinimatel'skom prave Rossijskoj Federacii: problemy' teorii i praktiki: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2013. 142 s.*

7. *Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 28.11.2013 № 09AP-37867/2013 po delu № A40-64429/13/Oficial'nyj web-sajt «E'lektronnogo pravosudiya». URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/3f6bb3ed-e303-42db-b6c6-f9a0684d0907> (data obrashheniya: 02.05.2016).*

8. *Postanovlenie FAS Moskovskogo okrug ot 25.05.2009 № KG-A40/1594-09 po delu № A40-18395/08-26-81/Oficial'nyj web-sajt «E'lektronnogo pravosudiya». URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/d0a676f8-3c2f-4ac7-bedf-1ea8b525b4a0> (data obrashheniya: 02.05.2016).*

9. *Ryabchikova A.S. Pravovoe regulirovanie sredstv individualizacii nekommercheskix organizacij: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2013. 26 s.*

10. *Svishheva E.I. Osobennosti rasporyazheniya pravom na kommercheskoe oboznachenie po grazhdansko-pravovy'm dogovoram // Pravo i e'konomika. 2014. № 7. S. 41–47.*

11. *Svishheva E.I. Priznaki oxranosposobnosti kommercheskix oboznachenij // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. 2014. № 3. S. 16–21.*

E.I. Svishcheva

Terms of Occurrence of Commercial Designation Rights

The article reveals the peculiarities of occurrence of the rights to commercial designation, depending on the material terms and conditions, such as the moment of creation of the right, subject structure, the action area of rights, the validity of the right. The author puts forward the proposals to improve the current legislation including the commercial designation of the object of copyright. Suggested proposals will improve the system to ensure the rights to means of individualization considered in public circulation.

Keywords: commercial designation; the condition of a right; enterprise; intellectual property; legal persons; individual entrepreneurs; non-profit organizations.

М.В. Яровая,
Ф.Ю. Дерябин

**Приложение
к статье «Articles of the Eyre (1194 г.)
как первый конституционный акт Англии:
историко-правовой анализ»**

В качестве приложения к статье «Articles of the Eyre (1194 г.) как первый конституционный акт Англии: историко-правовой анализ» мы предлагаем полный перечень актов парламента писаной части консолидированной современной конституции Соединенного Королевства, взятого с источников сайта Парламента Соединенного Королевства¹ и Британской библиотеки². Перевод авторский, при этом необходимо отметить, что некоторые названия средневековых парламентских актов невозможно перевести аутентично, поэтому мы оставили их оригинальное название на английском языке и на латыни. Были учтены все имеющиеся общепринятые переводы наиболее известных актов.

Перечень актов парламента, входящих в писаную часть конституции Соединенного Королевства Англии и Северной Ирландии на основании постановления объединенного комитета палаты лордов и палаты общин от 28 ноября 2003 года о признании «фундаментальной частью конституционного права следующих статутов»³: 1. Articles of the Eyre, 1194 (Статьи Эйр, 1194 г.); 2. Magna Carta Libertatum, 1215 (Великая Хартия Вольностей, 1215 г.); 3. Statute of Ireland concerning Coparceners, 1235 (статут Ирландии в отношении сонаследников, 1235 г.); 4. Statute of Merton, 1236 (Мертонский статут,

¹ Joint Committee on Draft Civil Contingencies Bill First Report. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/jt200203/jtselect/jtdcc/184/18407.htm> (дата обращения: 08.05.2016).

² Britain's unwritten constitution. URL: <http://www.bl.uk/magna-carta/articles/britains-unwritten-constitution> (дата обращения: 08.05.2016).

³ First Report of the Joint Committee on Draft Civil Contingencies Bill 28 November 2003 HL 184 HC 1074 para 183. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/jt200203/jtselect/jtdcc/184/18407.htm#a44>

1236 г.); 5. Curse on Breakers of the Charters, 1252 (Проклятие и отлучение от церкви для нарушителей Хартии, 1252 г.); 6. Provision for the Day in Leap Year, 1256 (Положение для високосного года, 1256 г.); 7. Provisions of Oxford, 1258 (Оксфордские провизии, 1258 г.); 8. Provisions of Westminster, 1259 (Вестминстерские провизии, 1259 г.); 9. Dictum de Kenilworth, 1266 (Изречение Кенилворта, 1266 г.); 10. Statute of Marlborough, 1267 (Марлборский Статут, 1267 г.); 11. Petition of Right, 1268 (Петиция о праве, 1268 г.); 12. Statute of Westminster the First, 1275 (Первый Вестминстерский статут, 1275 г.); 13. Statutum de Bigamis, 1276 (Статут Bigamis, 1276 г.); 14. Statute of Rageman, 1276 (Статут Rageman, 1276 г.); 15. Officium Coronatoris, 1276 (О статусе коронера, 1276 г.); 16. Statute of Gloucester, 1278 (Глостерский статут или статут Quo warranto, 1278 г.); 17. Statutes of Mortmain, 1279 (Статут о праве мертвой руки, 1279 г.); 18. Voucher to warranty in London, 1281 (Поручительство к гарантии в Лондоне, 1281 г.); 19. Statute of Merchants, 1283 (Статут о купцах, 1283 г.); 20. Statute of Rhuddlan (Statute of Wales), 1284, (Рудланский (Уэльский) статут, 1284 г.) – об объединении Англии и Уэльса; 21. Statute of Merchants, 1285 (Статут о купцах, 1285 г.); 22. Statute of Westminster the Second, 1285 (Второй Вестминстерский статут, 1285 г.); 23. Circumspete agatis, 1285 (Статут об ограничениях в бизнесе, 1285 г.); 24. Statute of Winchester, 1285 (Винчестерский статут, 1285 г.); 25. Quo warranto 1290 (Акт Quo warranto («на каком основании подан иск»), 1290 г.); 26. Quia Emptores Act, 1290 (Третий Вестминстерский статут или статут Quia Emptores, 1290 г.); 27. D' Presentibz vocatis ad Warantū, 1292 (Статут о явке свидетелей, 1292 г.); 28. Statute of Waste, 1292 (Статут об опустошениях, 1292 г.); 29. Statute of defending Right (Статут о защите права, 1292 г.); 30. Statute of Writs for making Inquisitions of Lands to be put in Mortmain, 1292 (Статут о приказе на изъятия земель в Мортмейне, 1292 г.); 31. Statutum de Malefactoribus in Parcibus, 1293 (Статут о браконьерстве, 1293 г.); 32. Statutum de Justiciariis Assignatis, 1293 (Статут о судьях ассизов, 1293 г.); 33. Statutum de illis qui debent poni в Juratis & Assisis, 1293 (Статут о рассмотрении дел жюри присяжных в разъездных королевских судах ассизов, 1293 г.); 34. Statute of Breaking Prisons, 1295 (Статут о разрушении тюрем, 1295 г.); 35. Confirmation of Magna Carta, 1297 (Подтверждение Хартии, 1297 г.); 36. Charter of the Forest, 1297 (Хартия о лесе, 1297 г.); 37. Confirmation of the Charters, 1297 (Подтверждение Хартии, 1297 г.); 38. Statute concerning Tallage, 1297 (Статут о сборах, 1297 г.); 39. Sentence of the Clergy given on the Confirmation of the Charters, 1297 (Решение духовенства о подтверждении Хартии, 1297 г.); 40. Statute of Fines, 1299 (Статут о штрафах, 1299 г.); 41. Ordinatio de Libertatibus perquirendis (Ордонанс о восстановлении свобод, 1299 г.); 42. Statutum de falsa Moneta, 1299 (Статут о фальшивых деньгах, 1299 г.); 43. Articles upon the Charters, 1300 (Статьи в дополнении к Хартии, 1300 г.); 44. Statute for Persons appealed, 1300 (Статут о лицах, подающих обжалования, 1300 г.); 45. Statute for Escheators, 1301 (Статут о выморочном наследстве, 1301 г.); 46. Carta mercatoria, 1303 (Статут о торговле, 1303 г.);

47. An Ordinance for Inquests, 1305 (Ордонанс для жюри присяжных, 1305 г.); 48. An Ordinance of the Forest, 1305 (Ордонанс о лесе, 1305 г.); 49. *Ordinatio de Conspiratoribus*, 1305 (Ордонанс о заговорщиках, 1305 г.); 50. Statute of Joint Tenants, 1306 (Статут о совладельцах на правах аренды, 1306 г.); 51. Karley Statute, 1307 (Карлейльский статут, 1307 г.); 52. *De Prisis injust non capiend a Viris Ecclesiastic seu aliis*, 1308 (О подношениях, незаконно принятых церковными или прочими должностными лицами, 1308 г.); 53. Statute of Stamford, 1309 (Статут о Стамфорде, 1309 г.); 54. Ordinances of 1311 (Ордонанс 1311 г.); 55. Indemnity as to death of Piers de Gaveston, 1313 (Возмещение ущерба относительно смерти Пьера де Гавестона, 1313 г.); 56. Coming armed to Parliament, 1313 (О запрете появления в парламенте в латах и с оружием, 1313 г.); 57. *Articuli Cler*, 1315 (Статьи для духовенства, 1315 г.); 58. *De Statuto p' Clero inviolabilit' obs'vand*, 1316 (Статут о неприкосновенности духовенства, 1316 г.); 59. Statute of York, 1318 (Статут о Йорке, 1318 г.); 60. Statute of Sheriffs and Juries, 1321 (Статут о шерифах и присяжных, 1321 г.); 61. Award of exile against Hugh le Despenser, father and son, 1322 (Награда за поимку Хью ле Диспенсера, отца и сына, 1322 г.); 62. Revocation of pardon granted to the pursuers of the Despensers, 1322 (Отмена помилования преследователям Диспенсеров, 1322 г.); 63. Revocation of New Ordinances, 1323 (Об отмене новых ордонансов, 1323 г.); 64. *Statutum de forma mittendi Extractas ad Scaccarium*, 1324 (Статут о сборе налогов в казну, 1324 г.); 65. Statute of Northampton, 1328 (Статут о Нортгемптоне, 1328 г.); 66. A Charter of 1337 (Хартия 1337 г.); 67. Cloth Act, 1337 (О ношении английских тканей, 1337 г.); 68. Importation Act, 1337 (Акт о ввозе товаров, 1337 г.); 69. Fur Act, 1337 (О праве носить меха, 1337 г.); 70. Denial of subjection of England to Kings of France, 1340 (Отказ от подчинения Англии королям Франции, 1340 г.); 71. Ordinance for the Justices, 1346 (Ордонанс для судей, 1346 г.); 72. Oath of the justices, 1346 (О присяге судей, 1346 г.); 73. Oath of the Clerks of Chancery, 1346 (О присяге в суде лорда-канцлера, 1346 г.); 74. Statute of Labourers, 1349 (Статут о рабочих, 1349 г.); 75. Statute of Labourers, 1351 (Статут о рабочих, 1351 г.); 76. Status of children born abroad, 1350 (Статут о детях, родившихся за границей, 1350 г.); 77. Statute of Provisors of Benefices, 1350 (Статут о предоставлении бенефициев, 1350 г.); 78. An Ordinance for the Clergy, 1351 (Ордонанс о духовенстве, 1351 г.); 79. Statute of the Form of levying of the Fifteenth, 1351 (Статут о взимании пятнадцатинны, 1351 г.); 80. Statute against Annullers of Judgments of the King's Court, 1353 (Статут против отмены решений Королевских судов, 1353 г.); 81. Statute of the Staple, 1353 (Статут о торговле, 1353 г.); 82. Justices of the Peace Act, 1361 (Акт о мировых судьях, 1361 г.); 83. Pleading in English Act, 1362 (Акт о пледировании, 1362 г.); 84. Statute concerning Diet and Apparel, 1363 (Статут о питании и облачении (разных сословий), 1363 г.); 85. Treason Act, 1381 (Акт о государственной измене, 1381 г.); 86. Forcible Entry Act, 1381 (Акт о незаконном проникновении в жилище, 1381 г.); 87. Vagabonds Act, 1383 (Акт о бродягах, 1383 г.); 88. The Forcible Entry Act, 1391 (Акт о незаконном проникновении

в жилище, 1391 г.); 89. Statute of Praemunire, 1392 (Статут о превышении власти церкви, 1392 г.); 90. Benefit of Clergy Act, 1402 (Акт о неподсудности духовенства светскому суду, 1402 г.); 91. Riot Act, 1411 (Акт о нарушении общественного порядка, 1411 г.); 92. Safe Conducts Act, 1414 (Акт о гарантиях безопасности и неприкосновенности, 1414 г.); 93. Suppression of Heresy Act, 1414 (Акт о запрете ереси, 1414 г.); 94. Riot Act, 1414 (Акт о нарушении общественного порядка, 1414 г.); 95. Treason Act, 1415 (Акт о государственной измене, 1415 г.); 96. Escape Act, 1423 (Акт о побеге арестованного, 1423 г.); 97. Peeresses Act, 1441 (Акт о женщинах – пэрах, 1441 г.); 98. The Forcible Entry Act, 1429 (Акт о незаконном проникновении в жилище, 1429 г.); 99. Treason Act, 1442 (Акт о государственной измене, 1442 г.); 100. Sunday Fairs Act, 1448 (Акт о торговле в праздничные дни, 1448 г.); 101. Importation Act, 1455 (Акт о ввозе товаров, 1455 г.); 102. Act of Accord, 1460 (Акт о Согласии, или Акт Accord, 1460 г.); 103. Importation Act, 1463 (Акт о ввозе товаров, 1463 г.); 104. Importation of Silk Act, 1463 (Акт о ввозе шелка, 1463 г.); 105. Importation Act, 1482 (Акт о ввозе товаров, 1482 г.); 106. Titulus Regius, 1483 (О даровании титула короля Ричарду III, 1483 г.); 107. Laws in Wales Acts, 1535 (Акт о законах Уэльса, 1535 г.); 108. The Forcible Entry Act 1588 (Акт о незаконном проникновении в жилище, 1588 г.); 109. The Forcible Entry Act 1623 (Акт о незаконном проникновении в жилище, 1623 г.); 110. Instrument of Government, 1653 (Орудие управления, 1653 г.); 111. Humble Petition and Advice, 1657 (Покорнейшая петиция и совет, 1657 г.); 112. Habeas Corpus Act, 1679 (Хабеас корпус Акт, 1679 г.); 113. Claim of Right Act, 1689 (Акт о провозглашении прав, 1689 г.); 114. Bill of Rights, 1689 (Билль о правах, 1689 г.); 115. Crown and Parliament Recognition Act, 1689 (Акт о признании прав Короны и парламента, 1689 г.); 116. Act of Settlement, 1701 (Акт об устройении, 1701 г.); 117. Acts of Union, 1707 (Акт об объединении (с Шотландией), или Уния 1707 г.); 118. Act of Union, 1800 (Акт об объединении (с Ирландией), или Уния 1800 г.); 119. Reform Act 1832 (Акт об избирательных реформах, 1832 г.); 120. Reform Act 1867 (Акт об избирательных реформах, 1867 г.); 121. Reform Act 1884 (Акт об избирательных реформах, 1884 г.); 122. Parliament Act (Акт о парламенте, 1911 г.); 123. Representation of the People Act, 1918 (Акт о народном представительстве, 1918 г.); 124. Government of Ireland Act, 1920 (Акт о Правительстве Ирландии, 1920 г.); 125. Irish Free State Constitution Act, 1922 (Конституционный Акт о независимой Ирландии, или Конституция Ирландии, 1922 г.); 126. Royal and Parliamentary Titles Act, 1927 (Акт о королевском и парламентском титулах, 1927 г.); 127. Representation of the People Act, 1928 (Акт о народном представительстве, 1928 г.); 128. Statute of Westminster, 1931 (Вестминстерский Статут, 1931 г.); 129. His Majesty's Declaration of Abdication Act, 1936 (Акт о королевском отречении, 1936 г.); 130. Representation of the People Act, 1949 (Акт о народном представительстве, 1949 г.); 131. Parliament Act, 1949 (Акт о парламенте, 1949 г.); 132. Life Peerages Act, 1958 (Акт о непотомственном (личном) пэрстве, 1958 г.); 133. Emergency Powers Act, 1964 (Акт о Чрезвычайных

полномочиях, 1964 г.); 134. Representation of the People Act, 1969 (Акт о народном представительстве, 1969 г.); 135. European Communities Act, 1972 (Акт об Европейских сообществах, 1972 г.); 136. Northern Ireland Constitution Act, 1973 (Акт о Северной Ирландии, 1973 г.); 137. House of Commons Disqualification Act, 1975 (Акт об ограничении права палаты общин, 1975 г.); 138. Ministerial and Other Salaries Act, 1975 (Акт о министрах и государственных служащих, 1975 г.); 139. British Nationality Act 1981 (Акт о гражданстве, 1981 г.); 140. Supreme Court Act, 1981 (Акт о Верховном Суде, 1981 г.); 141. Representation of the People Act, 1983 (Акт о народном представительстве, 1983 г.); 142. Government of Wales Act, 1998 (Акт о правительстве Уэльса, 1998 г.); 143. Scotland Act, 1998 (Акт о Шотландии, 1998 г.); 144. Northern Ireland Act, 1998 (Акт о Северной Ирландии, 1998 г.); 145. Human Rights Act, 1998 (Акт о правах человека, 1998 г.); 146. House of Lords Act, 1999 (Акт о палате лордов, 1999 г.); 147. Political Parties, Elections and Referendums Act, 2000 (Акт о политических партиях, выборах и проведении референдумов, 2000 г.); 148. Freedom of Information Act, 2000 (Акт о свободе информации, 2000 г.); 149. Civil Contingencies Act, 2004 (Акт о чрезвычайном положении, 2004 г.); 150. Constitutional Reform Act, 2005 (Акт о конституционной реформе, 2005 г.); 151. Constitutional Reform and Governance Act, 2010 (Акт о конституционной реформе и местном самоуправлении, 2010 г.); 152. Fixed-term Parliaments Act, 2011 (Акт о срочном созыве парламента, 2011 г.); 153. Succession to the Crown Act, 2013 (Акт о престолонаследии, 2013 г.).

Обзор практики Верховного суда Российской Федерации по делам о реализации Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и принятых в соответствии с ним подзаконных нормативных актах¹

В российской правовой системе судебная практика играет важную роль, определяя особенности правоприменительной деятельности. В первую очередь это относится к практике Верховного суда Российской Федерации. В связи с этим обзоры практики Верховного суда актуальны и востребованы, так как позволяют лучше понять направления развития правовой мысли по тому или иному конкретному вопросу, дают материал для анализа особенностей правоприменения в конкретной сфере.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» был принят в 2012 г., и в настоящее время накапливается практика его реализации в образовательных отношениях. Некоторые положения этого закона, а также принятых в соответствии с ним подзаконных нормативных актов Министерства образования и науки Российской Федерации, оспариваются в судебном порядке. Конечной инстанцией по рассмотрению подобных дел выступает Верховный суд Российской Федерации. В связи с этим обзор соответствующей практики Верховного суда представляет интерес в контексте выявления слабых мест и дальнейшего совершенствования законодательства об образовании и подзаконного нормативного регулирования.

Предметом рассмотрения в обзоре является судебная практика Верховного суда Российской Федерации по заявлениям об оспаривании нормативных правовых актов Министерства образования и науки Российской Федерации (далее — Минобрнауки России) в соответствии со статьями 27, 251 и 253 ГПК РФ (в настоящее время данные правоотношения регламентированы статьями 208 и 215 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 года № 21-ФЗ и подпунктом 1.1 пункта 1 части

¹ Статья подготовлена по результатам выполнения ГАОУ ВО МГПУ научно-исследовательской работы по теме: «Анализ правоприменения по реализации законодательства об образовании в 2016 году» (договор от 1 сентября 2016 г. № 1.226.601.01.16).

4 статьи 2 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном суде Российской Федерации»².

В обзоре представлено 6 решений Верховного суда Российской Федерации и 1 решение Апелляционной коллегии Верховного суда Российской Федерации.

Административное дело № АКПИ15-1289³

[Верховным судом Российской Федерации рассмотрено административное дело № АКПИ15-1289] по исковому заявлению гражданина Жаркова Д.Ф. о признании частично недействующими пунктов 13 и 38 Административного регламента предоставления органами государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими переданные полномочия Российской Федерации в сфере образования, государственной услуги по подтверждению документов об образовании и (или) о квалификации, утвержденного приказом Минобрнауки России от 5 сентября 2014 г. № 1205.

[По мнению истца,] оспариваемые положения ...противоречат нормам Налогового кодекса Российской Федерации, изданы с превышением полномочий Минобрнауки России и в нарушение действующего законодательства возлагают обязанности уплаты государственной пошлины за проставление апостиля на документе об образовании и (или) квалификации на представителя обладателя диплома об образовании и (или) квалификации, являются неопределенными и неоднозначно трактуются правоприменителями. Истец ... пояснил, что должностные лица Департамента образования города Москвы со ссылкой на пункты 13 и 38 Административного регламента в их взаимосвязи с пунктом 2 названного Административного регламента возлагают обязанность уплаты госпошлины за проставление апостиля на заявителя — лицо, подавшее заявление о предоставлении государственной услуги.

[По мнению Минобрнауки России,] оспариваемые положения нормативного правового акта не предусматривают обязанности представителя обладателя диплома об образовании и (или) квалификации уплатить государственную пошлину за проставление апостиля, соответствуют действующему законодательству и не нарушают прав заявителя.

[По мнению Минюста России,] оспариваемый нормативный правовой акт издан в пределах полномочий федерального органа исполнительной власти, но в целях исключения неоднозначного применения оспариваемых положений Административного регламента они нуждаются в уточнении.

[Изучив позиции сторон, Верховный суд Российской Федерации принял решение отказать в удовлетворении административного искового заявления, мотивировав свое решение следующим]:

В соответствии с пунктом 1 части 6 статьи 7 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 273) и пунктом 6.6 Положения о Министерстве образования и науки Российской Федерации, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 3 июня 2013 года № 466, к компетенции Минобрнауки России отнесено

² Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 09.03.2015, № 10, ст. 1391; Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 15.02.2016) «О Верховном суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 10.02.2014, № 6, ст. 550.

³ По материалам Верховного суда РФ. URL: http://www.lexed.ru/praktika/sudebnaya-praktika/baza/detail.php?ELEMENT_ID=5567

принятие нормативных правовых актов по вопросам осуществления переданных полномочий, в том числе административных регламентов предоставления государственных услуг и исполнения государственных функций в сфере переданных полномочий⁴.

[Статьей 106 Федерального закона № 273 предусмотрено,] что подтверждение документов об образовании и (или) о квалификации путем проставления на них апостиля осуществляется органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими переданные им Российской Федерацией полномочия по подтверждению документов об образовании и (или) о квалификации, по заявлениям граждан, поданным в письменной форме или в форме электронных документов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети Интернет, включая единый портал государственных и муниципальных услуг; за проставление апостиля на документе об образовании и (или) о квалификации уплачивается государственная пошлина в размерах и в порядке, которые установлены законодательством Российской Федерации о налогах и сборах. <...>

Плательщики государственной пошлины при обращении за проставлением апостиля, а также размер и порядок ее уплаты установлены Налоговым кодексом Российской Федерации. Плательщики — организации и физические лица (статья 333.17 Налогового кодекса Российской Федерации). Подпунктом 48 пункта 1 статьи 333.33 Налогового кодекса Российской Федерации определен размер государственной пошлины за проставление апостиля⁵. В соответствии с подпунктом 5 пункта 1 статьи 333.18 Налогового кодекса Российской Федерации плательщики государственной пошлины уплачивают государственную пошлину при обращении за проставлением апостиля — до проставления апостиля. Исходя из положений пунктов 1, 8 статьи 45, статьи 333.17 Налогового кодекса Российской Федерации налогоплательщик обязан самостоятельно исполнить обязанность по уплате государственной пошлины.

Вместе с тем Налоговый кодекс Российской Федерации в статье 26 предусматривает, что налогоплательщик может участвовать в отношениях, регулируемых законодательством о налогах и сборах, через законного или уполномоченного представителя. В этом случае полномочия представителя должны быть документально подтверждены в соответствии с данным Кодексом и иными федеральными законами. <...>

Административный регламент разработан и утвержден с соблюдением требований Федерального закона от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и Правил разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 16 мая 2011 года № 373⁶. <...>

Оспариваемые положения Административного регламента не определяют плательщика государственной пошлины, размер и порядок уплаты государственной пошлины, а устанавливают сроки и последовательность административных процедур и действий при предоставлении органами государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими переданные полномочия Российской Федерации,

⁴ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 31.12.2012, № 53 (ч. 1), ст. 7598.

⁵ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ, 07.08.2000, № 32, ст. 3340.

⁶ Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ, 02.08.2010, № 31, ст. 4179.

Федерации в сфере образования, государственной услуги по подтверждению документов об образовании и (или) о квалификации.

Административное дело № АКПИ15-694⁷

Верховным судом Российской Федерации рассмотрено административное дело № АКПИ15-694 по исковому заявлению граждан Кавтхар Н., Курбанова Н. и региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское сообщество» о признании частично недействующими одиннадцатого и тринадцатого пункта абзацев пункта 9 Порядка приема граждан на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования, утвержденного приказом Минобрнауки России от 22 января 2014 г. № 32 (далее — Порядок).

[По мнению истца, указанные абзацы] противоречат статье 43 Конституции Российской Федерации, статьям 5, 12, 44, 55 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», части второй статьи 3 Закона Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», статье 4 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», статье 20 Гражданского кодекса Российской Федерации. ...Оспариваемые нормативные положения в части, предписывающей предъявление родителями (законными представителями) свидетельства о регистрации ребенка по месту жительства или по месту пребывания или документа, содержащего сведения о регистрации ребенка по месту жительства или по месту пребывания, препятствуют приему в школу детей, не имеющих такой регистрации. По мнению заявителей, эти нормы в части, предусматривающей дополнительное предъявление родителями (законными представителями) детей, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства, документа, подтверждающего право заявителя на пребывание в Российской Федерации, приводят к отчислению из списков учащихся общеобразовательного учреждения, тем самым нарушая право на общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях.

[По мнению Минобрнауки России и Минюста России,] оспариваемые нормативные положения соответствуют федеральным законам и иным нормативным правовым актам большей юридической силы, приняты компетентным органом и не препятствуют реализации права граждан, в том числе иностранных граждан и лиц без гражданства, на образование.

[Изучив позиции сторон, Верховный суд Российской Федерации принял решение отказать в удовлетворении административного искового заявления, мотивировав свое решение следующим]:

В соответствии с частью 8 статьи 55 названного Федерального закона № 273, подпунктом 5.2.30 Положения о Министерстве образования и науки Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 3 июня 2013 г. № 466, порядок приема на обучение по образовательным программам каждого уровня образования, в том числе порядок приема иностранных граждан и лиц без гражданства, устанавливается Минобрнауки России [в рамках своей компетенции]. <...>

⁷ По материалам URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71105178/#ixzz4QdzbnVpF>

Частью 4 статьи 10, частями 1 и 2 статьи 78 Федерального закона № 273-ФЗ иностранные граждане и лица без гражданства имеют право на получение образования в Российской Федерации в соответствии с международными договорами Российской Федерации и обладают равными с гражданами Российской Федерации правами на получение кроме прочего начального общего, основного общего и среднего общего образования.

В целях организации получения общего образования и обеспечения каждому равного доступа к нему на основании пункта 6 части 1 и части 2 статьи 9 Федерального закона № 273-ФЗ органы местного самоуправления муниципальных районов и городских округов, органы местного самоуправления внутригородских муниципальных образований в городах федерального значения осуществляют соответственно полномочия по закреплению муниципальных образовательных организаций за конкретными территориями муниципального района, городского округа, по закреплению образовательных организаций субъектов Российской Федерации за конкретными территориями.

Частью 3 статьи 67 Федерального закона № 273-ФЗ предусмотрено, что правила приема в государственные и муниципальные образовательные организации на обучение по основным общеобразовательным программам должны обеспечивать прием в образовательную организацию граждан, имеющих право на получение общего образования соответствующего уровня и проживающих на территории, за которой закреплена указанная образовательная организация. <...>

Пунктом 9 Порядка установлены общие правила подачи заявления и иных документов, предъявляемых для приема в организации, осуществляющие образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования.

Положения абзаца одиннадцатого указанного пункта направлены на реализацию приведенных выше требований федерального закона и относятся к числу норм, обеспечивающих прием в образовательную организацию граждан, имеющих право на получение общего образования соответствующего уровня и проживающих на территории, за которой закреплена образовательная организация.

В этом случае предъявление поименованных в данном абзаце документов имеет своей целью обязательное определение круга детей, проживающих на территории, за которой закреплена образовательная организация для зачисления в первый класс.

Оспариваемое нормативное положение не регулирует правоотношения по устройству детей в иные классы образовательных организаций и не препятствует приему в образовательную организацию граждан, включая иностранных граждан и лиц без гражданства, не проживающих на территории, за которой закреплена образовательная организация, при наличии в ней свободных мест.

Так, абзацем двенадцатым пункта 9 Порядка определено, что родители (законные представители) детей, не проживающих на закрепленной территории, дополнительно предъявляют только свидетельство о рождении ребенка.

Этот вывод следует и из содержания пункта 14 Порядка, согласно которому прием заявлений в первый класс в организации, осуществляющие образовательную деятельность, для граждан, проживающих на закрепленной территории, начинается не позднее 1 февраля и завершается не позднее 30 июня текущего года, а для детей, не проживающих на закрепленной территории, — с 1 июля текущего года до момента заполнения свободных мест, но не позднее 5 сентября текущего года. Организации, осуществляющие образовательную деятельность, закончившие прием в первый класс всех детей, проживающих на закрепленной территории, осуществляют прием детей, не проживающих на закрепленной территории, ранее 1 июля.

Пункт 9 во взаимосвязи с пунктом 14 Порядка не обуславливает прием в первый класс детей, не проживающих на закрепленной за образовательной организацией территории, обязанностью их родителей (законных представителей) предъявлять документы, на которые ссылаются заявители. <...>

...Предписания абзаца одиннадцатого пункта 9 Порядка о дополнительном предъявлении документов, в частности свидетельства о регистрации ребенка по месту жительства или по месту пребывания на закрепленной территории или документа, содержащего сведения о регистрации ребенка по месту жительства или по месту пребывания на закрепленной территории (для зачисления ребенка в первый класс), не регламентируют основания отказа в приеме в образовательную организацию.

Отсутствие перечисленных документов, предъявление которых носит дополнительный характер по отношению к личному заявлению родителя (законного представителя) ребенка, в том числе подаваемому в форме электронного документа (абзацы первый — третий пункта 9 Порядка), не может являться основанием для отказа в приеме ребенка в образовательную организацию при наличии в ней свободных мест.

По аналогичным мотивам не могут служить основанием для такого отказа и положения абзаца тринадцатого пункта 9 Порядка, предписывающие предъявление родителями (законными представителями) детей, являющимися иностранными гражданами или лицами без гражданства, документа, подтверждающего право заявителя на пребывание в Российской Федерации.

Данное нормативное положение по своему смыслу также не предполагает отказа в приеме в образовательную организацию ребенка, законно находящегося с одним из родителей (законных представителей) в Российской Федерации.

Согласно абзацу девятому статьи 2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» законно находящийся в Российской Федерации иностранный гражданин — лицо, имеющее действительные вид на жительство, либо разрешение на временное проживание, либо визу и (или) миграционную карту, либо иные предусмотренные федеральным законом или международным договором Российской Федерации документы, подтверждающие право иностранного гражданина на пребывание (проживание) в Российской Федерации.

Пункт 9 Порядка в оспариваемой части соответствует требованиям Федерального закона № 273-ФЗ, не противоречит иным нормативным правовым актам, имеющим большую силу, в том числе и тем, на которые указывают заявители, прав граждан на общедоступность и бесплатность общего образования, включая доступ к его получению, не нарушает.

Административное дело № АПЛ15-90⁸

[Апелляционная коллегия Верховного суда Российской Федерации рассмотрела апелляцию Минобрнауки России по административному делу № АКПИ15-90 по заявлению гражданина А.А. Колесова] о признании частично недействующим подпункта «е» пункта 68 Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры на 2015/16 учебный год, утвержденного приказом Минобрнауки России от 28 июля 2014 г. № 839 ... в той части, в какой он исключает возможность

⁸ По материалам Апелляционного определения Верховного суда РФ от 31.03.2015 № АПЛ15-90. URL: <http://legalacts.ru/doc/apelljatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-310-32015-n-apl15-90/>

приема без вступительных испытаний на обучение по имеющим государственную аккредитацию программам бакалавриата и программам специалитета победителей и призеров заключительного этапа всероссийской олимпиады школьников, представивших дипломы победителей и призеров, полученные ранее 4 лет до дня завершения приема документов и вступительных испытаний включительно [Решение Верховного суда РФ от 21 января 2015 г. № АКПИ14-1367).

Истец указывает, что он является призером заключительного этапа всероссийской олимпиады школьников, и по его мнению] оспариваемые положения нормативного правового акта противоречат Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», изданы с превышением полномочий, предоставленных Минобрнауки России, нарушают права лиц, которые являются победителями и призерами заключительного этапа всероссийских олимпиад школьников.

Решением Верховного суда Российской Федерации от 21 января 2015 г. заявление истца удовлетворено. Признан недействующим со дня вступления в законную силу решения суда подпункт «е» пункта 68 Порядка в части установления срока получения диплома победителя или призера заключительного этапа всероссийской олимпиады школьников.

В апелляционной жалобе Минобрнауки России, не соглашаясь с решением суда первой инстанции и считая его принятым при неправильном определении обстоятельств, имеющих значение для дела, при недоказанности установленных судом обстоятельств, просит о его отмене и отказе истцу в удовлетворении заявления. По мнению Минобрнауки России, перечень представляемых при приеме на обучение документов и требования к ним установлены Минобрнауки России в пределах предоставленных законодателем полномочий, определенный в подпункте «е» пункта 68 Порядка срок получения диплома победителя или призера заключительного этапа всероссийской олимпиады школьников является составной частью требований к указанным документам, поскольку определяет период его использования для подтверждения права его обладателя на поступление на обучение без вступительных испытаний, а не ограничивает действие диплома. Неустановление срока действия диплома приведет к нарушению принципа приема на обучение по программам бакалавриата и программам специалитета лиц, наиболее способных и подготовленных к освоению соответствующих образовательных программ, что противоречит части 6 статьи 55 Федерального закона № 273. Судом не были учтены при разрешении настоящего вопроса научные исследования в области педагогики и психологии, согласно которым результаты творческих достижений в подростковом возрасте подвержены динамике и, как правило, не устойчивы в своей результативности. Потеря уровня первичных знаний и умений участника олимпиады в течение 4 лет является естественной и научно обоснованной [(аналогичная позиция сформулирована Минобрнауки России в рамках гражданского дела № АКПИ14-1367, на решение по которому заявлена апелляция)].

Минюст России полагает обжалуемое решение суда законным и не подлежащим отмене.

Изучив позиции сторон, Апелляционная коллегия Верховного суда Российской Федерации приняла решение оставить решение Верховного суда Российской Федерации без изменений по следующим основаниям:

В соответствии с частью 8 статьи 55 Федерального закона № 273, пунктом 5.2.30 Положения о Министерстве образования и науки Российской Федерации,

утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 3 июня 2013 года № 466, Минобрнауки России уполномочено определять общие требования к приему на обучение в организацию, осуществляющую образовательную деятельность, устанавливать порядок приема на обучение по образовательным программам каждого уровня образования.

В силу пункта 1 части 4 статьи 71 Федерального закона № 273 право на прием без вступительных испытаний на обучение по имеющим государственную аккредитацию и (или) за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов по не имеющим государственной аккредитации программам бакалавриата и программам специалитета имеют победители и призеры заключительного этапа всероссийской олимпиады школьников, члены сборных команд Российской Федерации, участвовавших в международных олимпиадах по общеобразовательным предметам и сформированных в порядке, установленном» Минобрнауки России.

На основании приведенных законоположений суд первой инстанции пришел к правильному выводу о том, что федеральный законодатель не относит к полномочиям Минобрнауки России право устанавливать ограничение срока действия диплома победителя или призера заключительного этапа всероссийской олимпиады школьников. Не содержит таких полномочий и Положение о Минобрнауки России, утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 3 июля 2013 г. № 466.

Следовательно, утверждения в апелляционной жалобе о том, что срок действия диплома победителя или призера заключительного этапа всероссийской олимпиады школьников установлен в оспариваемой норме в пределах предоставленной Минобрнауки России компетенции, не основаны на нормах действующего законодательства. <...>

Довод Минобрнауки России в апелляционной жалобе о том, что установление периода использования диплома основано на положениях части 2 статьи 7 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», согласно которым результаты единого государственного экзамена при приеме на обучение по программам бакалавриата и программам специалитета действительны четыре года, следующих за годом получения таких результатов, судом первой инстанции правомерно признан несостоятельным, поскольку названная норма закона не регулирует отношения, связанные с предоставлением особых прав победителям и призерам заключительного этапа всероссийской олимпиады школьников, и, следовательно, не свидетельствует о законности оспариваемого в части подпункта «е» пункта 68 Порядка. <...>

Не свидетельствуют о законности оспариваемого подпункта «е» пункта 68 Порядка и ссылки в апелляционной жалобе на мнения Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию и Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» относительно срока применения диплома победителя или призера заключительного этапа всероссийской олимпиады школьников, а также на научные труды в области педагогики и психологии, так как они правового значения для разрешения данного дела не имеют и не подлежали исследованию судом. <...>

Установив, что подпункт «е» пункта 68 Порядка в оспариваемой части противоречит требованиям действующего законодательства, суд первой инстанции правомерно, в соответствии с частью 2 статьи 253 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, признал его недействующим со дня вступления решения в законную силу.

В соответствии с решением Верховного суда Российской Федерации от 21 января 2015 г. № АКПИ14-1367 Минобрнауки России издан приказ от 30 июля 2015 г. № 792, которым утверждены изменения, внесенные в Порядок приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры на 2015/16 учебный год, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 28 июля 2014 г. № 839.

Административное дело № АКПИ14-612⁹

[Верховным судом Российской Федерации рассмотрено административное дело № АКПИ14-612 по заявлению гражданина А.А. Колесова] о признании частично недействующим пункта 41 Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры на 2014/15 учебный год, утвержденного приказом Минобрнауки России от 9 января 2014 г. № 3.

[По мнению заявителя, пункт 41 Порядка необходимо признать недействующим в части исключения возможности приема лиц], не имеющих предусмотренного Порядком результата ЕГЭ победителей и призеров олимпиад школьников, которым по решению организации предоставлено особое право — прием без вступительных испытаний. Заявитель полагает, что оспариваемое нормативное предписание в указанной части снижает уровень правовых гарантий, закрепленных пунктом 1 части 12 статьи 71 Федерального закона № 273-ФЗ, и нарушает его право на прием без вступительных испытаний.

[По мнению Минюста России], реализация правовой нормы, закрепленной в части 12 статьи 71 Федерального закона, осуществляется в порядке, установленном Минобрнауки России, и проводится на основании результатов единого государственного экзамена, который не является вступительным испытанием, в связи с чем нормативное предписание в оспариваемой заявителем части не нарушает его право на прием без вступительных испытаний.

[Изучив позиции сторон, Верховный суд Российской Федерации принял решение отказать в удовлетворении заявления, мотивировав свое решение следующим:

В соответствии с частями 1, 13 и 14 статьи 59 и части 1 статьи 70 Федерального закона № 273] в качестве общего требования к организации приема на обучение по программам бакалавриата и программам специалитета установлено правило о том, что прием на обучение по указанным программам проводится на основании результатов единого государственного экзамена, если иное не предусмотрено этим законом. Единый государственный экзамен является формой государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования; итоговая аттестация представляет собой определяемую количеством баллов форму оценки степени и уровня освоения обучающимися образовательной программы.

Согласно части 12 статьи 71 Федерального закона № 273 победителям и призерам олимпиад школьников, проводимых в порядке, установленном Минобрнауки России, предоставляются следующие особые права при приеме в образовательные организации высшего образования на обучение по программам бакалавриата и программам специалитета по специальностям и (или) направлениям подготовки, соответствующим профилю олимпиады школьников, в порядке, установленном указанным федеральным органом исполнительной власти:

⁹ По материалам URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70620364/#ixzz4Qe0cQz5N>

1) прием без вступительных испытаний на обучение по программам бакалавриата и программам специалитета по специальностям и направлениям подготовки, соответствующим профилю олимпиады школьников. Соответствие профиля указанных олимпиад специальностям и (или) направлениям подготовки определяется образовательной организацией;

2) быть приравненными к лицам, набравшим максимальное количество баллов единого государственного экзамена по общеобразовательному предмету, соответствующему профилю олимпиады школьников, или к лицам, успешно прошедшим дополнительные вступительные испытания профильной, творческой и (или) профессиональной направленности, предусмотренные частями 7 и 8 статьи 70 Федерального закона № 273.

Таким образом, прием без вступительных испытаний на обучение по программам бакалавриата и программам специалитета по специальностям и направлениям подготовки, соответствующим профилю проводимой в установленном порядке олимпиады школьников, осуществляется на основании результатов единого государственного экзамена, учет которых для победителей и призеров этих олимпиад производится в особом порядке, определяемом Минобрнауки России, и признается названными выше организациями в качестве результатов вступительных испытаний по соответствующим общеобразовательным предметам. При этом результат единого государственного экзамена определяется количеством баллов по соответствующим общеобразовательным предметам, значение которых, выраженное в числах, Минобрнауки России было вправе использовать в качестве показателя, определяющего порядок принятия этих результатов в целях реализации прав победителей и призеров олимпиады школьников на прием без вступительных испытаний.

Следовательно, оспариваемое нормативное предписание, которым закрепляется порядок принятия результатов ЕГЭ для использования победителями и призерами олимпиады школьников (за исключением творческих олимпиад и олимпиад в области физической культуры и спорта) особого права на прием без вступительных испытаний при наличии результатов ЕГЭ не ниже количества баллов ЕГЭ, установленного организацией высшего образования и которое не может быть менее 65 баллов по каждому из определенных организацией высшего образования предметов, полностью соответствует приведенному правовому регулированию федерального закона, устанавливающего иное минимальное значение указанного количественного показателя, являющегося основанием для зачисления победителей и призеров олимпиады школьников на обучение без вступительных испытаний, не имеется.

При этом оспариваемая норма обеспечивает соблюдение предусмотренного частью 6 статьи 55 Федерального закона № 273 условия приема на обучение по основным профессиональным образовательным программам, которое гарантирует зачисление из числа поступающих, имеющих соответствующий уровень образования, лиц, наиболее способных и подготовленных к освоению образовательной программы соответствующего уровня и соответствующей направленности.

Административное дело № АКПИ14-304¹⁰

Верховным судом Российской Федерации рассмотрено административное дело № АКПИ14-304 по заявлению гражданина Л.В. Коваленко о признании недействующим Порядка и случаев перехода лиц, обучающихся по образовательным

¹⁰ По материалам URL: http://www.lexed.ru/praktika/sudebnaya-praktika/baza/detail.php?ELEMENT_ID=3121

программам среднего профессионального и высшего образования, с платного обучения на бесплатное, утвержденных приказом Минобрнауки России от 6 июня 2013 г. № 443.

[По мнению заявителя], обучающегося в образовательной организации на основании договора об оказании платных образовательных услуг, Порядок нарушает его право на получение на конкурсной основе бесплатного высшего образования, так как подпункт «а» пункта 6 Порядка предусматривает, что право на переход с платного обучения на бесплатное имеет лицо, обучающееся в образовательной организации на основании договора об оказании платных образовательных услуг, не имеющее на момент подачи заявления академической задолженности, дисциплинарных взысканий, задолженности по оплате обучения, при условии сдачи экзаменов за два семестра обучения, предшествующих подаче заявления, на оценку «отлично», [и противоречит пункту 9 части 1 статьи 3, статье 5 Федерального закона № 273].

[По мнению Минобрнауки России и Минюста России] оспариваемый нормативный правовой акт действующему законодательству не противоречит, прав, свобод и законных интересов заявителя и иных лиц не нарушает.

[Изучив позиции сторон, Верховный суд Российской Федерации принял решение отказать в удовлетворении заявления, мотивировав свое решение следующим]:

Минобрнауки России во исполнение пункта 14 части 1 статьи 34 Федерального закона № 273 и в соответствии с пунктами 1 и 5.2.18 Положения о Министерстве образования и науки Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 3 июня 2013 г. № 466, приняло оспариваемый Порядок в рамках своей компетенции.

[Статья 5 Федерального закона № 273] закрепляет особенности организации и предоставления образования гражданам, проявившим выдающиеся способности. Следовательно, предпочтения и преимущества, установленные при реализации права на образование для лиц, имеющих самые высокие показатели оценки знаний и у которых отсутствуют дисциплинарные взыскания, а также для лиц, нуждающихся в дополнительной социальной поддержке, не могут расцениваться как ограничения прав иных обучающихся, не предусмотренных Федеральным законом [№ 273].

Пунктом 2 Порядка установлено, что переход с платного обучения на бесплатное осуществляется при наличии свободных мест, финансируемых за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов по соответствующей образовательной программе по профессии, специальности, направлению подготовки и форме обучения на соответствующем курсе (далее — вакантные бюджетные места). Образовательная организация самостоятельно рассчитывает число вакантных бюджетных мест и устанавливает сроки подачи обучающимися заявлений о переходе на бесплатное обучение и размещает указанную информацию в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе на официальном сайте образовательной организации в сети Интернет, обеспечивая открытость данных сведений (пункты 3, 4 и 5 Порядка).

Студент, обучающийся на платной основе и претендующий на вакантное бюджетное место, составляет мотивированное заявление о переходе и прилагает к нему перечисленные в подпунктах «а» и «б» пункта 8 Порядка документы, подтверждающие особые достижения в учебной, научно-исследовательской, общественной, культурно-творческой и спортивной деятельности образовательной организации (при их наличии) либо отнесение данного студента к названным в подпункте «б» пункта 6 Порядка льготным категориям граждан.

Решение о переходе обучающегося с платного обучения на бесплатное принимается специально создаваемой образовательной организацией комиссией (далее — Комиссия) с учетом мнения представителя студенческого совета образовательной организации. Состав, полномочия и порядок деятельности Комиссии определяется образовательной организацией самостоятельно (пункт 7 Порядка). Решение о переходе обучающегося с платного обучения на бесплатное принимается Комиссией с учетом количества вакантных бюджетных мест и приоритетов, расставленных в соответствии с пунктами 10 и 11 Порядка, закрепляющими правило о том, что при рассмотрении Комиссией заявлений обучающихся приоритет отдается в первую очередь обучающимся, соответствующим условию, указанному в подпункте «а» пункта 6 Порядка, при наличии двух и более кандидатов одной очереди на одно вакантное бюджетное место приоритет отдается в первую очередь обучающимся, имеющим более высокие результаты по итогам промежуточной аттестации двух семестров, предшествующих подаче заявления о переходе с платного обучения на бесплатное. <...>

Статья 26 Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.), положения которой являются составной частью правовой системы Российской Федерации, провозглашает, что высшее образование должно быть одинаково доступным для всех на основе способностей каждого.

С учетом того, что доступ к высшему образованию должен определяться способностями, возможностями, усилиями, упорством и настойчивостью тех, кто хочет получить такое образование, доводы заявителя о том, что Порядок нарушает его право на получение по конкурсу бесплатного высшего образования, нельзя признать обоснованными.

Порядок, определяющий правила и случаи перехода обучающихся с платного обучения на бесплатное, и его подпункт «а» пункта 6, предусматривающий среди прочих условий перехода с платного обучения на бесплатное сдачу экзаменов за два семестра обучения, предшествующих подаче заявления, на оценку «отлично», основаны на приведенных нормах Федерального закона и международного права и им не противоречат, в связи с этим не могут рассматриваться как нарушающие права, свободы и законные интересы заявителя и иных лиц.

Административное дело № АКПИ16-332¹¹

[Верховным судом Российской Федерации рассмотрено административное дело № АКПИ16-332 по заявлению гражданина А.Г. Ташкинова] о признании частично не действующим приказа Минобрнауки России от 13 февраля 2014 г. № 112 «Об утверждении Порядка заполнения, учета и выдачи документов о высшем образовании и о квалификации и их дубликатов» в редакции приказа Минобрнауки России от 12 мая 2014 г. № 481 «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства образования и науки Российской Федерации» (далее — Изменения).

[По мнению заявителя, абзац 3 пункта 3 Порядка и подпункт 1 пункта 2 Изменений в части исключения возможности получения документа (диплома) об окончании аспирантуры государственного образца аспирантами, поступившими на обучение до вступления в силу Федерального закона № 273 и успешно овладевшими программой обучения не в соответствии с ФГОС ВО], противоречат частям 2 и 3 статьи 108 Федерального закона № 273 и ограничивают его право и права других лиц, успешно освоивших после 1 сентября 2013 года основные профессиональные образовательные программы

¹¹ По материалам URL: <http://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-14062016-n-akpi16-332/>

послевузовского профессионального образования в аспирантуре, которые признаются тождественными программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре, на получение диплома государственного образца об окончании аспирантуры. [Заявитель считает, что], поступая в аспирантуру в 2011 году и успешно ее окончив в 2015 году, он считается поступившим и окончившим аспирантуру по программе подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре и, следовательно, ему должен быть выдан диплом об окончании аспирантуры, а не справка, которая им получена.

[По мнению Минобрнауки России и Минюста России], оспариваемое нормативное положение принято уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в пределах его компетенции, соответствует действующему законодательству и не нарушает прав заявителя.

[Изучив позиции сторон, Верховный суд Российской Федерации принял решение отказать в удовлетворении заявления, мотивировав свое решение следующим]:

В соответствии с частью 4 статьи 60 Федерального закона № 273 и пунктом 5.2.39 Положения о Министерстве образования и науки Российской Федерации, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 3 июня 2013 года № 466, Минобрнауки России в пределах компетенции утверждает образцы документов об образовании, документов об образовании и квалификации (за исключением образцов дипломов об окончании ординатуры или ассистентуры-стажировки) и приложения к ним, описание указанных документов и приложений, порядок заполнения, учета и выдачи указанных документов и их дубликатов.

Согласно пункту 5 части 7 статьи 60 Федерального закона № 273 высшее образование — подготовка кадров высшей квалификации, осуществляемая по результатам освоения программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), подтверждается дипломом об окончании аспирантуры (адъюнктуры). Документ об окончании аспирантуры (адъюнктуры) выдается лицам, успешно прошедшим государственную итоговую аттестацию по программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре). <...>

Государственная итоговая аттестация проводится государственными экзаменационными комиссиями в целях определения соответствия результатов освоения обучающимися основных образовательных программ соответствующим требованиям федерального государственного образовательного стандарта или образовательного стандарта (части 1, 4 статьи 59 Федерального закона № 273).

В силу части 2 статьи 11 Федерального закона № 273 федеральные государственные образовательные стандарты, за исключением федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования, являются основой объективной оценки соответствия установленным требованиям к образовательной деятельности и подготовке обучающихся, освоивших образовательные программы соответствующего уровня и соответствующей направленности, независимо от формы получения образования и формы обучения.

Федеральными государственными образовательными стандартами, разрабатываемыми по программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), предусмотрено прохождение государственной итоговой аттестации. <...>

Следовательно, установленное в абзаце третьем пункта 3 Порядка, действующем в редакции подпункта 1 пункта 2 Изменений, предписание о выдаче дипломов лицам, принятым на обучение по соответствующим образовательным программам (как после вступления в силу Федерального закона № 273, так и до его вступления в силу) и освоившим при обучении в соответствии с ФГОС ВО образовательные

программы высшего образования — программы подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре, принято Минобрнауки России в целях реализации требований закона и ему не противоречит.

Образовательная деятельность по основным профессиональным образовательным программам послевузовского профессионального образования в аспирантуре до вступления в силу Федерального закона № 273 осуществлялась в соответствии с федеральными государственными требованиями к структуре основной профессиональной образовательной программы послевузовского профессионального образования для обучающихся в аспирантуре (адъюнктуре), утвержденными приказом Минобрнауки России от 16 марта 2011 г. № 1365, которые не предусматривали проведение государственной итоговой аттестации.

Исходя из пункта 10 части 2 и части 3 статьи 108 Федерального закона № 273 основные профессиональные образовательные программы послевузовского профессионального образования в аспирантуре (адъюнктуре), которые реализовывались в Российской Федерации до дня вступления в силу данного федерального закона, тождественны в части наименований программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре). Обучающиеся, которые приняты на обучение по основным профессиональным образовательным программам послевузовского профессионального образования в аспирантуре (адъюнктуре) до дня вступления в силу этого федерального закона, считаются принятыми на обучение по программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре). В этих случаях на обучающихся распространяются права и обязанности обучающихся по указанным образовательным программам.

Анализ приведенных положений позволяет сделать вывод о том, что диплом об окончании аспирантуры (адъюнктуры) выдается лицам, принятым на обучение в аспирантуру (адъюнктуру) по основным профессиональным образовательным программам послевузовского профессионального образования до 1 сентября 2013 г., только при успешном прохождении ими государственной итоговой аттестации. <...>

Кроме того, вопреки утверждениям истца, частью 2 статьи 108 Федерального закона образовательные программы, реализующиеся в Российской Федерации до 1 сентября 2013 г. и предусмотренные Федеральным законом № 273, признаются тождественными друг другу лишь в части наименований, а не по комплексу основных характеристик образования (объему, содержанию, планируемыми результатами).

Послевузовское профессиональное образование, получаемое в аспирантуре согласно статьям 24, 25 утратившего силу с 1 сентября 2013 г. Закона Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании», не рассматривалось как получение высшего профессионального образования в отличие от действующего правового регулирования, согласно которому обучение по программам подготовки научно-педагогических кадров является получением высшего образования лицами, имеющими диплом об окончании аспирантуры (адъюнктуры) или диплом кандидата наук (часть 8 статьи 69 Федерального закона № 273).

Поскольку абзац третий пункта 3 Порядка и подпункт 1 пункта 2 Изменений соответствуют нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, заявленное требование не подлежит удовлетворению согласно пункту 2 части 2 статьи 215 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Анализ решений Верховного суда Российской Федерации (Апелляционной коллегии Верховного суда Российской Федерации) показал, что по 6 административным делам судом сделаны выводы об отсутствии правовых оснований для удовлетворения заявлений и, руководствуясь статьями 194–199, 253 ГПК РФ, суд принял решения об отказе в удовлетворении заявлений.

По административному делу № АКПИ14-1367 Верховный суд Российской Федерации, руководствуясь статьями 194, 195, 198, 253 ГПК РФ, решением от 21 января 2015 г. заявление истца удовлетворил. Признан недействующим со дня вступления в законную силу решения суда подпункт «е» пункта 68 Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры на 2015/16 учебный год, утвержденного приказом Минобрнауки России от 28 июля 2014 г. № 839, в части установления срока получения диплома победителя или призера заключительного этапа всероссийской олимпиады школьников («Из содержания Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» не следует, что федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, вправе устанавливать ограничения срока действия диплома победителя или призера заключительного этапа всероссийской олимпиады школьников...») — дословно из решения Верховного суда РФ от 21.01.2015 по делу № АКПИ14-1367). Апелляционная коллегия Верховного суда Российской Федерации по гражданскому делу № АПЛ15-90 приняла решение оставить решение Верховного суда Российской Федерации без изменений.

Обзор судебных решений из практики Верховного суда Российской Федерации по делам об оспаривании нормативных актов Минобрнауки РФ показал, что в подавляющем большинстве случаев суд отказал истцам, признав законность оспариваемых положений и их соответствие нормам действующего законодательства об образовании. В одном случае Верховный суд удовлетворил требование истца, после чего Министерство образования и науки внесло соответствующие изменения в оспариваемый нормативный акт. Подобные результаты деятельности Верховного суда могут свидетельствовать как о высоком качестве принимаемых Министерством образования и науки подзаконных нормативных актов, так и о единой позиции административных и судебных органов по вопросам реализации законодательства об образовании.

*Обзор подготовили
В.Ю. Матвеев, Д.А. Пашенцев,
А.И. Рожков, И.А. Тугаринов*

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
БИБЛИОГРАФИЯ**

В.Г. Бровкин

**Рецензия на коллективную монографию
«Социальное государство:
коллективная монография
по итогам круглого стола № 8
в Московском институте
государственного управления и права»,
вышедшую под ред. д.ю.н., профессора
А.Г. Чернявского в московском
издательстве «Русайнс» в 2016 г.**

Конституция Российской Федерации провозглашает нашу страну социальным государством. На практике из-за нехватки бюджетных средств не все задачи по оказанию социальной помощи нуждающимся слоям населения и по обеспечению им достойного уровня жизни удастся полноценно решить. В связи с этим большое значение имеет научный анализ различных аспектов, связанных с социальным государством и процессом его формирования.

Коллективная монография «Социальное государство» написана участниками круглого стола в Московском институте государственного управления и права, который был проведен в рамках развития научной школы «Функции права и проблемы их реализации в правовой системе России». Активное участие в монографии приняли ученые Юридического института Московского городского педагогического университета: доктор юридических наук, профессор Н.Е. Борисова, доктор юридических наук, профессор Д.А. Пашенцев, кандидат юридических наук, доцент Е.М. Крупеня, кандидат юридических наук, доцент Г.В. Романова, кандидат исторических наук, доцент Д.А. Ростиславлев, кандидат юридических наук, доцент М.В. Яровая.

В монографии раскрывается целый ряд важных проблем, связанных с ролью права в процессе формирования социального государства. Структур-

но работа состоит из двух глав. Первая глава посвящена понятию и принципам социального государства. Она открывается параграфом, который написал известный ученый, доктор юридических наук, профессор И.Л. Честнов. Он на основе методологических подходов современной постклассической юриспруденции убедительно раскрыл легитимность социального государства, показал, что она означает процесс или механизм постоянного подтверждения принятия социального представления о государстве населением.

Особенности взаимоотношений социального государства и права раскрыты в параграфах, авторами которых являются доктор юридических наук, профессор А.Г. Чернявский и доктор юридических наук, профессор Д.А. Пашенцев. В этом контексте представляют несомненный интерес выводы, сделанные в монографии:

«1. Поставленная в Конституции задача построения социального государства может быть реализована только с помощью права как эффективного механизма регулирования общественных отношений. От степени совершенства правовых норм в значительной степени зависит эффективность реализации социальной функции государства.

2. В условиях социального государства на первый план выходят социальные права личности, которые должны обеспечиваться в полном объеме. Они имеют принципиально отличную от прав предыдущих поколений природу, но тем не менее являются именно правами в полном смысле этого понятия. Приоритет социальных прав определяется тем, что они направлены на защиту интересов не только отдельных индивидуумов, но и всего социума, что приобретает определяющее значение в условиях мирового кризиса и нестабильного развития.

3. Правовое и социальное государство являются противоречивыми, но не взаимоисключающими в современных условиях явлениями. Право по своей природе социально, и только с помощью права возможно достижение цели создания социального государства в России» [1: с. 54].

Вторая глава монографии посвящена анализу институциональных характеристик социального государства. Здесь нашел отражение не только российский, но и зарубежный опыт развития социального законодательства. В частности, исследованы особенности судебных систем современных европейских социальных государств (М.В. Яровая), раскрыты традиционные подходы к пониманию социального государства на примере трудов Л. де Бональда (Д.А. Ростиславлев), на примере зарубежных стран проанализирована социальная роль нотариата.

Несмотря на охват широкого круга вопросов, коллективная монография представляет собой единое, логично выстроенное исследование, в котором прослеживается общая для авторов концепция социального государства. В то же время стоит отметить, что не все важные проблемные вопросы, связанные с социальным государством, получили освещение в работе. В связи с этим хотелось бы надеяться, что этот интересный труд получит свое дальнейшее продолжение.

Литература

1. Социальное государство: коллективная монография по итогам круглого стола № 8 в Московском институте государственного управления и права / под ред. А.Г. Чернявского. М.: Русайнс, 2016. 154 с.

Literatura

1. Social'noe gosudarstvo: kollektivnaya monografiya po itogam kruglogo stola № 8 v Moskovskom institute gosudarstvennogo upravleniya i prava / pod red. A.G. Chernyavskogo. M.: Rusajns, 2016. 154 s.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2016, № 4 (24)**

Бровкин Владимир Григорьевич — кандидат юридических наук, генеральный директор ООО «Центр правовой помощи «Фемида» (Vos777@mail.ru)

Дерябин Федор Юрьевич — студент 2 курса очной формы обучения Юридического института МГПУ (DeryabinFYU@mgpu.ru)

Долакова Макка Исрапиловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии, культурологии и туризма Казанского (Приволжского) федерального университета (makka7@mail.ru)

Ефимова Ольга Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (alisa03@mail.ru)

Ефремова Надежда Николаевна — кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института МГПУ (EfremovaNN@mgpu.ru)

Керимов Александр Джангирович — профессор, доктор юридических наук, профессор Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (8017498@mail.ru)

Корсаненкова Юлия Борисовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (korsanenкова@yandex.ru)

Куксин Иван Николаевич — доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (proffkuk-1944@yandex.ua)

Матвеев Виталий Юрьевич — кандидат юридических наук, руководитель лаборатории по образовательному праву Юридического института МГПУ (MatveevVU@mgpu.ru)

Павленко Евгения Михайловна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и прав человека Юридического института МГПУ (evgeniyapavlenko74@gmail.com)

Пашенцев Дмитрий Алексеевич — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института МГПУ (dp-70@mail.ru)

Рожков Артемий Игоревич — кандидат юридических наук, проректор по организационно-правовым и экономическим вопросам МГПУ (RozhkovA@mgpu.ru)

Ситдикова Любовь Борисовна — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (lbsitdikova@mail.ru)

Свищева Екатерина Игоревна — аспирантка кафедры «Гражданское право» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (svishcheva_ekaterina@list.ru)

Тугаринов Иван Алексеевич — кандидат геолого-минералогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института – Республиканского исследовательского научно-консультационного центра экспертизы Министерства образования и науки Российской Федерации (tugarin@extech.ru).

Чурилов Сергей Никифорович — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (ChurilovSN@mgpu.ru)

Яровая Марина Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института МГПУ (yarovayamv@mgpu.ru)

AUTHORS
of «Vestnik Moscow City University»,
a Series of «Legal Sciences», 2016, № 4 (24)

Brovkin Vladimir Grigoryevich — PhD in Law, Director General of LLC «Legal Aid Center “Femida”» (Vos777@mail.ru)

Deryabin Fyodor Yuryevich — 2nd year student, full-time studies, Law Institute, Moscow City University (DeryabinFYU@mgpu.ru)

Dolakova Makka Israpilovna — PhD in History, Assistant Professor, Department of Museum Studies, Cultural Studies and Tourism, Kazan (Volga) Federal University (makka7@mail.ru)

Efimova Olga Vladimirovna — PhD in Law, Assistant Professor, Department of Civil and Legal Disciplines, Law Institute, Moscow City University (alisa03@mail.ru)

Efremova Nadezhda Nikolayevna — PhD in Law, Professor, Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Moscow City University (EfremovaNN@mgpu.ru)

Kerimov Alexander Dzhangirovich — Professor, Doctor of Law, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (8017498@mail.ru)

Korsanenkova Julia Borisovna — PhD in Law, Associate Professor, Assistant Professor of Labor Law department, Lomonosov Moscow State University (korsanenkova@yandex.ru)

Kuksin Ivan Nikolaevich — Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of Criminal Law department, Law Institute, Moscow City University (proffkuk-1944@yandex.ua)

Matveev Vitaliy Yurievich — PhD in Law, the head of the laboratory on Educational Law, Law Institute, Moscow City University (MatveevVU@mgpu.ru)

Pavlenko Evgenia Mikhailovna — PhD in Law, Assistant Professor of International Law and Human Rights department, Law Institute, Moscow City University (evgeniyapavlenko74@gmail.com)

Pashentsev Dmitriy Alekseevich — Doctor of Law, Professor of Theory and History of State and Law department, Law Institute, Moscow City University (dp-70@mail.ru)

Rozhkov Artemy Igorevich — PhD in Law, Vice-rector for Organizational, Legal and Economic Issues, Moscow City University (RozhkovA@mgpu.ru)

Sitdikova Lyubov Borisovna — Doctor of Law, Professor of Civil and Legal Disciplines department, Law Institute, Moscow City University (lbsitdikova@mail.ru)

Svishcheva Ekaterina Igorevna — postgraduate student, Civil Law Department, Financial University under the Government of the Russian Federation (svishcheva_ekaterina@list.ru)

Tugarinov Ivan Alekseevich — PhD in Geological and Mineralogical Sciences, Associate Professor, the leading researcher of Scientific Research Institute – Federal Research Centre for Projects Evaluation and Consulting Services of the Ministry of Education and Science of Russian Federation (tugarin@extech.ru)

Churilov Sergey Nikiforovich — Doctor of Law, Professor of Criminal Law department, Law Institute, Moscow City University (ChurilovSN@mgpu.ru)

Yarovaya Marina Vyacheslavovna — PhD in Law, Assistant Professor of Theory and History of State and Law department, Law Institute, Moscow City University (yarovayamv@mgpu.ru)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: Т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на интернет-ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи (после списка литературы) указывается автор, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных пунктов автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к главному редактору *Дмитрию Алексеевичу Паиенцеву* (Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16, кафедра теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета). Телефон редакции: (499) 959-55-51. E-mail: dp-70@mail.ru

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Юридические науки»
№ 4 (24), 2016

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62496 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор юридических наук, профессор *Д.А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т.П. Веденеева

Редактор:

С.П. Пузырьков

Корректор:

К.М. Музамилова

Перевод на английский язык:

М.В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

А.В. Бармин, О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 01.12.2016 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Объем: 7,5 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.